

Южный федеральный университет
Северо-Кавказский научный центр высшей школы

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ:
ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ**

Сборник материалов Международной научной конференции

Ростов-на-Дону
2014

ББК 63.3
C – 28

Редакционная коллегия:

Сущий Сергей Яковлевич, доктор философских и кандидат социологических наук, руководитель научной лаборатории СКНЦ ВШ ЮФУ;

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления КбГУ;

C – 28 Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему: Сборник материалов международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. – 156 с.

ISBN 978-5-9906245-9-7

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему», проведенной Северо-Кавказским научным центром высшей школы Южного федерального университета в г. Ростове-на-Дону 8 декабря 2014 года.

Авторами статей рассмотрены актуальные вопросы истории Северо-Западного Кавказа XVIII-XXI вв., развития ислама в регионе, «черкесского вопроса» до и после Олимпиады Сочи 2014.

ББК 60.5

ISBN 978-5-9906245-9-7

© Министерство образования и науки РФ, 2014
© Южный федеральный университет, 2014
© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Пазов С.У. Состояние и перспективы становления письменности на родном языке для абазин зарубежной диаспоры.....	4
Баранов А.В. «Черкесский вопрос» в межэтнических отношениях до и после зимних олимпийских игр 2014 г. (по материалам Республики Адыгея и Краснодарского края).....	14
Цибенко (Иванова) В.В. «Война конференций»: черкесская проблематика в научном сообществе России и Турции.....	29
Авидзба А.Ф. «Черкесский вопрос» как фактор антirоссийской политики на Кавказе.....	35
Колосов В.А. «Черкесский вопрос» и XXII Зимние Олимпийские Игры в городе Сочи.....	44
Патеев Р.Ф. Печатный капитализм в просвещении мусульманских народов Поволжья и Северо-Западного Кавказа в XIX начале XX веков.....	52
Добрина Е.А. Глобализация ислама посредством салафитских сайтов.....	58
Адиев А.З. Факторы дестабилизации общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.....	64
Авдулов Н.С. Ю. А. Жданов об интеграционных процессах на Кавказе....	75
Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические особенности формирования.....	79
Пономарева М.А. Властьные структуры русскоязычных регионов Юга России на современном этапе: проблемы взаимодействия.....	96
Трапиш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Иоганна Бларамберга.....	110
Амбарцумян К.Р. «Свой-другой-чужой»: взгляд на черкесов изнутри и извне в XIX веке.....	119
Цибенко С.Н. Зарубежные научные исследования по черкесской проблематике: классификация и периодизация.....	128
Миленьевская К.А., Трапиш Н.А. Черкесские образы Эдмонда Спенсера.....	135
Кокин Ю.В. Исторические мифы в крымскотатарском региональном социуме	141
Маковская Д.В. Миологизация истории в контексте обеспечения геополитического доминирования на Северном Кавказе.....	148

Пазов С.У

*Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ АБАЗИН ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ

Абазинский язык признан ЮНЕСКО языком, находящимся под угрозой исчезновения (*Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris, 2010). В России абазинский язык внесен в «Красную книгу «Языки народов России», а сами абазины включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г.).

На современном этапе абазины и их язык юридически защищены «Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств» (Страсбург, 01.02.1995), «Европейской Хартией региональных языков или языков меньшинств» (Страсбург, 05.11.1992), а в России и законами РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 82-ФЗ от 30.04.1999) и «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» (№ 27-РЗ от 12.11.2001).

В настоящее время абазинский язык является одним из государственных языков Карачаево-Черкесии. Действующая письменность на абазинском языке существует с 1938 г. Однако в исследованиях и разработках различных ученых по этому вопросу наблюдается большой разброс мнений. Существует мнение, что письменность на абазинском (а также абахазском и убыхском, шире – абхазско-адыгских) языке берет свое начало с финикийского письма, которая, в свою очередь, сформировалась на основе библской псевдоиероглифической письменности [7; 5; 6; 4; 3]. В монографии Г. Ф. Турчанинова «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» исследуются надписи, которым около 4500 лет (середина III тысячелетия до н.э.) и которые, по убеждению ученого, подтверждают «существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации и созданного в ее недрах силлабического письма, принадлежавшего

предкам абхазов, абазин и убыхов, которые некогда называли себя шуйцами, а свою страну Ашуей» [7, с. 3]. По словам Г. Ф. Турчанинова «интересным историческим и лингвистическим явлением оказывается тот факт, что создатели древнейшей письменности Кавказа – ашуйцы дожили до наших дней. Потомки их абхазы, абазины и убыхи до сих пор здравствуют» [7, с. 19]. Сегодня эту точку зрения поддерживают и стараются развить в какой-то мере Т. А. Муртазов [5; 6], В. З. Копсергенова [4], А. К. Ионов [3].

Наиболее достоверным и подтвержденным документами является то, что абазинский язык имеет письменность с XIX века.

Так в конце XIX века (1891 г.) газета «Кубанские ведомости» пишет, что уроженец а. Эльбурган (Бибердовский) народный кадий Умар Мекеров «устроил в своем ауле образцово поставленную школу с пансионатом и вообще много способствовал распространению народного образования среди горцев» [2]. По сообщению той же газеты Умар Мекеров «составил особую азбуку, приспособленную к местному наречию и посредством ее сам обучал детей в школе удобопонятным для них способом» [2]. Письменность, составленная У. Мекеровым, была основана на арабской графике. Позже им же составлен учебник, по которому сам обучал детей абазинскому языку. В новой истории абазин других, более ранних фактов составления алфавита, учебника и открытия частной школы для обучения детей (1878 г.) не известно. Однако учебник не был издан, а рукопись утеряна.

В начале XX века учеником У. Мекерова народным учителем Т. З. Табуловым было подготовлено несколько проектов алфавитов на арабской графике. Один из них в 1924 году был утвержден для обучения детей черкесов и абазин на черкесском языке. Этот алфавит также был разработан на основе арабской графики (в то время существовало мнение, что для мусульманских народов Кавказа арабская графика ближе).

В 1928 году алфавит Т. З. Табурова, которым пользовались черкесы и абазины, был переведен на латинскую графическую основу. При этом одним из аргументов необходимости такого перевода считался, что латинский язык более революционный, чем арабский [8, с. 33].

В 1932 году был принят и введен в обиход специально для абазинского языка новый алфавит на латинской графической основе. Этому предшествовала большая работа по установлению статуса самого абазинского языка, определению фонетического состава и его особенностей, выявлению базового диалекта и т.д. Велика роль в решении этих вопросов ученых А. Н. Генко, Г. П. Сердюченко, местных учителей и, конечно же, Т. З. Табулова. Новый алфавит разработан также им.

В 1938 году был утвержден и введен в практику новый алфавит, составленный Г. П. Сердюченко и Т. З. Табуловым. Он был основан на кириллице и с небольшими изменениями является действующим по сегодняшний день.

В настоящее время в Российской Федерации абазин насчитывается немногим более 43 тыс. человек. В Турции и арабских странах, в которых оказалось большинство абазин после завершения Кавказской войны, их гораздо больше¹. Термин «разделенный народ», который в последние годы употребляется часто, в полной мере относится и к абазинам.

Как же обстоит дело с проблемой сохранения и развития абазинского языка в России и странах, в которых компактно проживает зарубежная диаспора абазин?

В России сегодня абазинский язык изучается в начальной (1-4 кл.)¹¹, средней (5-11 кл.)¹¹ и высшей (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура) школе, а также на уровне послевузовского образования (переподготовка, различные формы повышения квалификации). Научное исследование проблем абазинского языка осуществляется на кафедре черкесской и абазинской филологии Карабаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, в Карабаево-Черкесском институте гуманитарных исследований, а также в научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Сухума, Тбилиси. Исследованием отдельных вопросов абазинского языка занимались и занимаются ученые Европы и Америки (У. Ален [11], К. Боуда [12], Г. Деетерс [13], Дж. Хьюит [14], Б. О'Херин [15] и др.)

¹ В одной только Турции, по мнению представителей диаспоры, которые осуществляют неофициальный подсчет численности народа Абаза, их насчитывается от 100 до 500 тысяч человек.

¹¹ К сожалению, в настоящее время в соответствии с новым стандартом образования количество часов, отводимых на изучение родного языка, сокращено почти в два раза.

На абазинском языке издаются газеты и журналы, художественная литература и книги для детей, учебники и учебные пособия для средней школы и вуза, регулярно ведутся передачи по радио и телевидению, работает театр, проводятся различные конкурсы, викторины, олимпиады.

В странах зарубежной диаспоры абазины (в целом, и остальные диаспоры) не имеют такой возможности. Они до сих пор не имеют своей письменности. По нашим сведениям, до недавнего времени нельзя было не только писать, но и проводить какие-либо большие общественно значимые мероприятия на родном языке, называть детей традиционными (привычными для жителей исторической родины) именами т. д. Однако, благодаря произошедшем в последние десятилетия демократическим изменениям в политике Турецкой Республики, в том числе и в отношении языков народов кавказской диаспоры, появилась возможность создания письменности на родном (в том числе, и на абазинском) языке, обучения детей родному языку, литературе, культуре в школах типа «воскресных», проведения различных мероприятий (конференций, симпозиумов, семинаров, совещаний), направленных на изучение, пропаганду и сохранение языка и культуры малочисленных народов диаспоры и т.д. Многие из этих мероприятий в настоящее время получают грантовую поддержку государства.

В этой ситуации активизировали свою деятельность и различные общественные организации и движения кавказских народов в Турции. Используя появившиеся новые возможности, они начали искать пути сохранения языков и культур своих народов: создаются клубы, объединения, союзы, общества, призванные активнее работать с молодежью по изучению этикета, обычаев, народных танцев, а также приготовлению национальных блюд, изготовлению национальной одежды и другой атрибутики.

Создание письменности было и остается главным в работе общественных организаций в этом направлении. В мае 2003 года в рамках мероприятий, посвященных 139-летию со дня завершения Кавказской войны, по инициативе общества KAF-DER проведены две большие конференции, посвященные алфавиту (письменности) и обычаям (традиционному этикету) абхазско-адыгских народов, проживающих в Турецкой Республике. Для участия в работе конференций были приглашены представители

научно-педагогической общественности диаспоры всех стран, в которых компактно проживают абхазско-адыгские народы. Языковая конференция состоялась 16-19 мая 2003 г. в г. Анкара. В работе конференции приняли участие представители России, Голландии, Англии, Израиля, Сирии, Абхазии, Турции и др. Российская делегация в составе проф. З. Блягоза (Республика Адыгея), проф. Б. Бижоева (Кабардино-Балкарская Республика), проф. Х. Бакова (Карачаево-Черкесская Республика), проф. С. Пазова (Карачаево-Черкесская Республика) участвовала в работе конференции в качестве группы экспертов, поскольку только в России имелась действующая письменность на абхазско-адыгских языках. Это было первое своего рода большое серьезное научное мероприятие по вопросу создания письменности для народов абхазско-адыгской диаспоры в Турции.

Конференция активно работала 4 дня. Делегации всех стран (кроме России) приехали со своими проектами нового алфавита. Нужно было за короткое время изучить все плюсы и минусы этих проектов, сравнить их и выбрать один из них или свести все проекты в единый алфавит. Все представленные проекты (как для адыгских, так и для абазинского и абхазского языков) были основаны на латинской графике. Сами представители страны-организатора, за редким исключением, тоже не представляли себе что-то другое кроме латиницы. И в первую очередь это было связано с тем, что в основе письменности современного турецкого языка также лежит латиница. Исходя из этой ситуации, организаторы конференции, возможно, надеялись на быстрое решение поставленной проблемы. Основное внимание предполагалось уделить техническим моментам унификации представленных проектов алфавитов.

Однако обсуждение проектов началось и прошло не так просто и легко. Иную позицию заняли представители российской делегации, которые высказались за формирование алфавита, в основе которого лежала бы кириллица. Особенно активно эту позицию отстаивали представители Карачаево-Черкесии. Ежедневно по несколько раз в день приходилось выходить к микрофону и приводить свои аргументы.

Основными аргументами в пользу латиницы, в обобщенном виде, были следующие моменты:

- в основе письменности современного турецкого языка (государственного языка, языка государства, где живет основная часть диаспоры) лежит латинская графика и, естественно, что государство (руководство государства) будет поощрять латинизированный вариант письма народов диаспоры. Весомость этого аргумента не оспаривалась никем;

- большие возможности использования опыта почти всех европейских языков, использующих латиницу;

- большая распространенность латиницы среди письменностей, используемых другими языками мира;

- использование одних и тех же обозначений (графем) при изучении родного, государственного и иностранных языков и др.

Все приведенные аргументы, безусловно, имеют место быть и являются серьезными. Но среди них нет ни одного, который имел бы чисто лингвистическое обоснование.

Российская делегация приводила аргументы лингвистического, исторического и социально-политического характера. Основные из них можно изложить в следующем виде:

1. Фонетический состав абхазско-адыгских языков сложный – от 55 фонем в кабардино-черкесском языке [10] до 80 и более в абазинском и убыхском языках [9, с. 55]. Идеальным считается алфавит, в котором каждая фонема имеет свою графему, т.е. каждый смыслоразличающий звук обозначается отдельно, имеет свое написание. Примерно такое положение имеется в армянском, грузинском и некоторых других языках. Но имея 80 и более фонем трудно соблюсти этот принцип при использовании графем того или иного уже существующего алфавита. Необходимо создавать новый алфавит. Технически это нетрудно, но реализовать в жизни очень сложно. Поэтому приходится пользоваться уже существующими системами обозначений звуков, прибегая к сочетанию (удвоению) действующих графем или прибавлению к ним различных диакритических знаков. При переводе абазинской письменности на кириллицу был использован первый вариант с добавлением единственного знака «І» из латиницы. Кириллица имеет 33 графемы, чтобы обозначить ими 80 фонем пришлось использовать двухбуквенные, а иногда и трехбуквенные сочетания (комплексы) (аналогичное, но в меньшей степени встречается, даже, в современных романских и германских языках). Латиница насчитывает всего 26 графем, что

меньше на 7 единиц. Стало быть выгоднее использовать кириллицу.

2. Абхазско-адыгские народы, проживающие на исторической родине, пользуются кириллическим письмом уже довольно длительное время (абазины около 80, абхазы – более 150 лет). Существующая абазинская письменность имеет свои недостатки, однако обслуживает нужды народа неплохо. Используя это письмо, выучилось не одно поколение ученых, поэтов, писателей и т.д. За это время издано большое число учебников, учебных пособий, художественной, публицистической, научной, религиозной, справочной литературы. В последние годы с помощью кириллицы осуществляется транслитерация отдельных сур из Корана и т.д.

3. Основная цель создания письменности для зарубежной диаспоры - сохранение и развитие родного языка, который будет способствовать более активному сближению двух разъединенных частей одного народа: той, которая живет на исторической родине, и той, которая в силу исторических событий оказалась в странах Малой Азии и Ближнего Востока. Формирование для абхазско-адыгской диаспоры отдельного алфавита (письменности) на основе латинской графики, на наш взгляд, послужит не их сближению с соотечественниками, а, наоборот, более активному удалению друг от друга в языковом отношении.

4. И, наконец, еще один немаловажный аргумент. Абхазско-адыгские народы, проживающие на Кавказе, в свое время успели опробовать письмо на основе и арабской графики, и латинской графики. Более плодотворной для современной социально-политической ситуации и языкового строительства оказалось кириллическое письмо. У народов Кавказа в этом отношении, в том числе и у абхазско-адыгских народов, накопился определенный положительный опыт. Его можно и нужно активно использовать при создании письменности для зарубежной диаспоры.

Абхазско-адыгские народы, проживающие на исторической родине, не изменят сегодня свое письмо ради определенного (возможно, иллюзорного) сближения с соплеменниками зарубежной диаспоры (хотя этот вопрос периодически поднимается отдельными представителями). В случае перехода на латиницу велика вероятность утери не только богатой, накопленной десятилетиями разнообразной литературы, но и целого (может быть, и

не одного) поколения. В этом отношении зарубежной диаспоре нечего терять – она только приступает к формированию или выбору той или иной письменности. И здесь предпочтительнее использовать опыт, накопленный соотечественниками, проживающими на Кавказе.

К концу работы конференции создалась тупиковая ситуация. С одной стороны, ни один из представленных проектов алфавитов не был признан перспективным, большинство участников конференции убедилось в определенных преимуществах кириллицы. Стало быть, возможность скорейшего создания письменности на латинской графической основе стало проблематичной. С другой стороны, согласиться с вариантом создания письменности на основе кириллицы большая часть участников также не была готова – работа в этом направлении ранее не проводилась. Еще один немаловажный момент – организаторы конференции не знали, как может отреагировать руководство страны, если они выберут кириллицу. Ведь не так давно стало возможным обсуждать вопросы языка и культуры малочисленных (не титульных) народов, вынося их на суд общественности.

В создавшейся ситуации (понимая сложность положения, в которой оказались организаторы) нами было предложено подготовить два варианта алфавита: одни на основе латиницы, другой – на кириллице. Авторам 7 представленных проектов латинизированного алфавита следовало в течение ближайших 3-4 месяцев свести их к одному унифицированному варианту. Тоже самое предстояло сделать и представителям российской делегации: на основе действующих алфавитов выработать один унифицированный вариант для всех абхазско-адыгских народов или представить ныне действующие системы письма в неизменном виде. Принятие алфавита дело не только отдельной группы людей, если даже эта группа состоит только из ученых, специалистов, сколько всего народа, государства. Поэтому было предложено окончательное решение вопроса выбора графической основы письменности для зарубежной диаспоры вынести на съезд МЧА (Международная черкесская ассоциация), который должен был состояться в течение ближайших 4-5 месяцев. С таким решением согласились все участники конференции.

Съезд МЧА состоялся, однако вопрос алфавита не выносился и не рассматривался. Возможно, не был представлен унифици-

рованный латинизированный алфавит, возможно, авторы проектов изменили свое мнение. В дальнейшем работа общественных организаций по созданию алфавита не прекращалась – она поменяла свой вектор и медленно поворачивалась в сторону кириллического письма. В 2005 году мы были свидетелями, как в офисах различных абазинских и абхазских обществ предпринимались попытки обучать детей письму на основе кириллицы, в 2007 году под грифом Федерации кавказских обществ увидел свет АНБАН (ALFABE) «Букварь» на абхазском языке [1]. Много труда вложил в это дело и продолжает работать в этом направлении бывший руководитель федерации общественных организаций абхазско-адыгских народов Турции Мухиттин Юнал.

В настоящее время, к сожалению, работа по внедрению кириллического письма ослабла и протекает очень вяло. Общественные организации диаспоры не имеют достаточных средств и возможностей создавать отдельные классы и обучать детей родному языку на кириллице. Активность многих общественных деятелей 2000-2010 годов, сегодня постепенно угасает. Возможно, поэтому отдельными обществами снова ставится вопрос о переходе на латиницу.

В связи с этим, на наш взгляд, было бы желательно проявление определенной поддержки со стороны МИД РФ (через посольства, консульства, Россотрудничество) и различных российских общественных организаций обществам диаспоры в Турции, Сирии, Иордании, проявляющим интерес к распространению письменности на кириллице. Помощь может выражаться в форме обучения представителей диапоры языкам и литературам народов Кавказа в российских вузах, в организации научных конференций как на территории России, так и в странах компактного проживания кавказской диаспоры, издании необходимой учебной и методической литературы и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агрба К., П. Адзынба, Н. Тар-пха. Анбан (Alfabe). – Анкара, 2007. – 197 с.
2. Газета «Кубанские ведомости», 10 августа 1891 г.
3. Ионов А. К. Великая цивилизация: от Африки до Кавказа. – Невинномысск, 2013. – 285 с.

4. Копсергенова В. З. Шумеры. – Черкесск: Нартиздат, 2012. – 208 с.
5. Муртазов Т. А. Атабаски. Абаски. Баски. Абхазо-абазинский язык сино-кавказской макросемьи в аспектах палеолингвистики. – Пятигорск: ООО «Издательство «Колибри», 2013. – 278 с.
6. Муртазов Т. А. Абазг. Абаза. Абазин. Историко-полемические, лингвокультурные и социальные аспекты этногенеза. – Пятигорск: Издательство «РИА-КМВ», 2014. – 660 с.
7. Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М.: 1998. – 129 с.
8. Чекалов П. К. Еще раз о роли Т. З. Табулова в создании черкесской и абазинской письменностей //Табулов Татлустан Закериевич. Творческий портрет в исследованиях и воспоминаниях /Составители: П. К. Чекалов, Т. Х. Табулова. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – С. 30-39.
9. Чикобава Арнольд. Введение в иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси: Универсал, 2010. – 343 с.
10. Шагиров А. К. Кабардинский язык //Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. – С. 165-183.
11. Allen Y. S. Structure and System in the Abaza Verbal Complex. Transaction of the Philological Society. Hertford, 1956. P. 127-176.
12. Bouda K. Das Abasinische, eine unbekannte abchasische Mundart. Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, Bd. 94, H 2. Berlin-Leipzig, 1940, S. 234-250.
13. Deeters G. Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? Corolla Linguistica, Wiesbaden, 1955, S. 354-360.
14. Hewitt G. Abkhazian Folktales (with Grammatical Introduction, Translation, Notes, and Vocabulary). München: Lincom, 2005.
15. O'Herin Brian. Case and Agreement in Abaza. SIL International and the University of Texas at Arlington, 2002. 287 p.

Баранов А.В.

*Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ДО И ПОСЛЕ ЗИМНИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 2014 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Актуальность темы. В период проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи и после них важно определить динамику межэтнических отношений на Северо-Западном Кавказе и уровень рисков их конфликтности, направленность и методы активности этнополитических движений, меры преодоления рисков дезинтеграции полигэтничного регионального сообщества.

Степень научной разработанности темы применительно к периоду 2014 г. нельзя признать достаточной. Выполняются тезисы [1], реже – статьи по отдельным аспектам темы (Р.Ф. Патеев [15], В.А. Колосов [9], С.Н. Цибенко [27], Д.В. Маковская [11]). Достижением является монография Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной, в которой выявлены технологии конструирования и политического использования исторической памяти в Республике Адыгея. Авторы провели интервью с активистами этнокультурных объединений, представителями педагогической и творческой интеллигенции [24]. Их ценный материал впервые введен в научный оборот. Важны аналитические доклады, подготовленные в рамках проекта по заказу Министерства образования и науки РФ О.М. Цветковым (Республика Адыгея) [26] и А.А. Кочергиным (Краснодарский край) [10].

Основное внимание аналитиков уделяется конструированию «черкесской» этнической идентичности и методам её политизации в информационной активности этнических объединений. В меньшей мере изучены взаимодействия «черкесских» объединений Северо-Западного Кавказа и диаспоры, приемы политической самоорганизации.

Цель статьи – определить проявления «черкесского вопроса» в межэтнических отношениях на Северо-Западном Кавказе, направленность и методы активности этнополитических движений в 2014 г.

Хронологические рамки статьи ограничены 2014 г.: от завершающей стадии подготовки Олимпиады по настоящее время. Это вызвано как слабой изученностью периода, так и тем, что именно во время Олимпийских игр 2014 г. «черкесский вопрос» стал одной из ведущих тем информационных войн.

Методологией анализа в статье выбрана парадигма конструктивизма (в трактовке В.А. Тишкова). Она позволяет осмыслить этничность как процесс социального конструирования общностей, основанный на вере в то, что они связаны генетическими связями, единым типом культуры, общностью происхождения и истории. Этничность означает существование культурно отличительных групп и форм идентичности [19, с. 61, 116]. Этнические признаки существуют объективно, но они «активируются» и закрепляются вследствие самоидентификации участников группы как единого сообщества, отличающегося от других. Субъектами целенаправленного формирования этничности выступают не этнические группы в целом, а их лидеры и элиты. Они используют этничность, её социально значимые признаки и проявления в своих интересах, конструируют ориентации и установки группы в пространстве политики. «Этнические антрепренеры» становятся проводником этнополитической мобилизации группы. Этническая идентичность конструируется и в итоге самоидентификации индивидов на уровне обыденных представлений, и как результат политики влиятельных акторов. Тем самым, возможна смена идентичности, «переформатирование» этнических приверженностей и их иерархии.

Кризис идентичности, вызванный распадом СССР и противоречивостью проекта российской гражданской нации, стимулирует риски позиционирования акторов политики в Республике Адыгея и Краснодарском крае, прежде всего, этнических и конфессиональных элит. Они используют этническую идентичность как ресурс укрепления своей власти и влияния. Риски конфликта в межэтнических отношениях связаны с ослаблением интегративного потенциала российского общества и государства.

Конфликтогенный характер имеет этнополитическая мобилизация ряда «черкесских» движений, ведущая к росту центробежных тенденций в них и затрагивающая отчасти территорию Краснодарского края. Регион стал пространством конкурирующих процессов территориальной инженерии – в пользу феде-

рального центра или этнополитических движений, ориентированных на идентификацию с внешним миром. Закономерно, что данные тенденции резко активизировались в период проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. Сочи [2]. Нарастающее влияние на «черкесский вопрос» оказывает с осени 2013 г. украинский кризис и воссоединение Крыма с Россией.

По Всероссийской переписи населения 2010 г., русские составляли 61,53% жителей Республики Адыгея, адыгейцы – 24,33%, армяне – 3,66%, украинцы – 1,38%, курды – 1,03% и др.). Адыгейцы имеют гораздо более низкий уровень урбанизации, чем славяне, в г. Майкопе их не более 20% жителей. Этнический состав населения Краснодарского края в 2010 г. таков. Русские – 4523,0 тыс. чел. (86,5%); армяне – 281,7 тыс. (5,4%); украинцы – 83,7 тыс. (1,6%), татары – 24,8 тыс., греки – 22,6 тыс., грузины – 17,8 тыс., белорусы – 16,9 тыс., адыгейцы – 13,8 тыс., цыгане – 12,9 тыс., немцы – 12,2 тыс., азербайджанцы – 10,2 тыс. и др. [12] За 1989–2010 гг. произошёл рост удельного веса армян в составе населения края с 3,7 до 5,4% [12]. Самая резкая убыль численности – немцев и евреев, умеренная – адыгейцев, греков, татар.

В настоящее время в ареале исторического проживания адыгов на территории Краснодарского края (Закубанье, Черноморское побережье) сложилось полигэтническое сообщество (свыше 1 млн. чел.) с преобладанием русских и армян, в котором адыгейцы и шапсуги составляют не более 8 тыс. чел. [29] В т.ч., к числу коренных малочисленных народов относятся шапсуги, проживающие в Туапсинском районе и Лазаревском районе г. Сочи (3833 чел.) [29].

Итак, «черкесский вопрос» имеет в Республике Адыгея и Краснодарском крае дисперсную локализацию: в административных центрах субъектов федерации и разрозненных сельских районах. Этим вызван феномен переноса ресурсов «черкесского движения» вовне, в диаспоры зарубежья, а также в Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую республики. Во многом, «черкесское движение» - это виртуальное явление, сконструированное малочисленными, но активными группами интеллигентов и продвигаемое в основном в Интернет-пространстве.

Взаимодействие органов государственной власти с большинством адыгских этнокультурных объединений («Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент», Международной черкесской ассоциа-

цией (МЧА) и др.) позитивно. В октябре 2013 г. М. Чермит – предприниматель, бывший депутат Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, вице-президент МЧА назначается заместителем директора Департамента внутренней политики администрации Краснодарского края [10]. Тем самым, краевые власти проявили уважение к адыгам и обеспечили личный канал коммуникации с умеренными этнокультурными объединениями, что важно также в символической политике. 10 февраля 2014 г. Президент России В.В. Путин встретился с представителями Общественного совета по подготовке и проведению Олимпиады, в т.ч. – с руководителями адыгских этнокультурных объединений, поблагодарив их за мудрость и взвешенность политических позиций. Президент охарактеризовал «черкесский фактор» как один из «этнических инструментов», которые используют geopolитические конкуренты России для её сдерживания.

В период проведения Сочинской Олимпиады организован павильон «Дом адыга» в Олимпийском парке, который посетило свыше 40 тыс. гостей, а также 3 адыгских этнографических деревни [10]. В них размещена выставка о традиционной культуре адыгов, концертная площадка, кунацкая. Регулярно выступали танцевальные и певческие коллективы, старейшины шапсугского народа. Адыгская культура представлена на церемонии закрытия Параолимпийских игр. В г. Майкопе огромной популярностью пользовалась эстафета Олимпийского огня. На Олимпиаде работало значительное число волонтеров и строителей из республик Северо-Западного Кавказа, и никаких антиолимпийских политических настроений не было отмечено.

Отношение большинства адыгских этнокультурных объединений к Олимпийским играм в Сочи позитивно. 2 февраля с.г. исполнительный комитет республиканского общественного движения «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» поддержал проведение Олимпийских игр в Сочи. Участвовал в культурной программе Олимпиады и Параолимпиады председатель общественного совета «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов М. Чачух. Духовное управление мусульман Адыгеи и Краснодарского края направило своих волонтеров в межконфессиональные религиозные центры, работавшие на Олимпиаде. Лидеры ряда объединений сделали 14 января заявление о принципиальном неприятии терроризма и экстремизма. Среди них – председатель Май-

копской городской организации «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» З. Чундышко, координатор общественного движения «Черкесский Союз» Р. Кеш, председатель общественного движения «Хасэ» Кабардино-Балкарии И. Яганов, председатель общественного движения «Адыгэ Хэкужь – Черкесия» А. Мурзаканов, представитель диаспорной организации «Патриоты Черкесии» (Турция) Б. Бырс и др.

Протестные настроения проявились в связи с краткосрочными задержаниями ряда адыгских активистов в декабре 2013 г. и отсутствием адыгского этнического компонента на церемонии открытия Олимпийских игр. Риторика сводилась к тому, что власти отрицают признание адыгов коренным населением Причерноморья, исповедуют кавказофобию и черкесофобию [17]. 14 февраля 2014 г. председатель Краснодарской краевой организации «Адыгэ Хасэ» А. Сохт был задержан и подвергся административному аресту на 8 суток за неисполнение законных требований сотрудника полиции. Протест против его ареста высказали Майкопская городская общественная организация «Адыгэ Хасэ – Черкесский совет», руководитель «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея А. Богус, бывший председатель Адыгейской региональной общественной организации возрождения национальных традиций черкесского народа «Адыгэ Хасэ» И. Сообщоков и др. [26]. Крайне слабой была и поддержка в Республике Адыгея несанкционированной публичной акции против Олимпиады, пресеченной сотрудниками МВД в г. Нальчике (КБР). Протестные высказывания в интернет-пространстве не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на общественное мнение.

Накануне и в период проведения Олимпийских игр националистам не удалось дестабилизировать ситуацию в Сочи. Понимая критическую слабость собственных ресурсов, «чертеские» этнополитические движения ищут международную поддержку. Цели, методы и дискурс информационной активности формулируются не самими малочисленными «чертесскими активистами», а их кураторами из Джеймстаунского фонда (США). Именно данный фонд стал в начале июня с.г. инициатором обращения 34 представителей адыгской общественности к властям Украины с просьбой признать мнимый «геноцид черкесов» XIX в. Авторы текста не видят разницы «между оккупацией Черкесии в 1864 г. и оккупацией Украины» [6]. Характерно, что из 34 подписавших

обращение только 3 проживают в Республике Адыгея и в РФ в целом. Вскоре с таким же заявлением к руководству Украины выступил израильский раввин А. Шмулевич. Он призвал «защитить черкесский народ от русских оккупантов и признать геноцид черкесов» [30].

11 ноября с.г. организация выходцев с Северного Кавказа в Турции «Патриоты Черкессии» выпустила обращение к Польше признать геноцид. На популярном в Кабардино-Балкарии форуме <http://forum.kbrnet.ru/> появилась статья «Черкесские организации обратились к руководству Польши с просьбой о признании геноцида черкесов», в которой отмечается факт обращения ряда активистов к польскому парламенту. Инициатором обращения выступила международная организация «Патриоты Черкессии», штаб-квартира которой находится в г. Стамбуле.

Среди подписантов из России – предприниматель, представитель «Патриотов Черкессии» Аднан Хуаде (г. Майкоп), общественный деятель Альмир Абрагов (г. Майкоп), автор сайта cherkessia.net Хильми Ачмиз (г. Майкоп), активист Анзор Кабард (г. Москва), руководитель общественной организации «Кабардинский конгресс» Аслан Бешто (г. Нальчик), координатор движения «Черкесский союз» Руслан Кеш (г. Нальчик), организатор акции против Олимпиады в Сочи Анзор Ахохов (г. Нальчик) [16].

В 2013 г. представители базирующейся в Турции диаспорной организации «Инициатива за права черкесов» предложила Меджлису крымскотатарского народа координировать усилия по отстаиванию прав своих народов. В ноябре 2013 г. представители «черкесских» объединений из республик Северо-Западного Кавказа и Краснодарского края посетили г. Бахчисарай, где вели переговоры с Меджлисом крымскотатарского народа. Предлогом выступало поддержание памяти о контактах двух народов в Крымском ханстве [4]. После воссоединения Крыма с Россией в г. Стамбуле проведена встреча крымскотатарских и «черкесских» активистов, закончившаяся совместным осуждением действий России и договоренностью о взаимном лоббировании интересов двух народов на международной арене [5].

150-летие окончания Кавказской войны (21 мая 2014 г.) не вызвало повышенного интереса в общественном мнении Краснодарского края. Основные газеты и интернет-сайты опубликовали

обзорные статьи, в основном – историко-просветительского свойства. Для лояльных краевым органам власти изданий характерен акцент на положительных аспектах завершения войны: решении геополитических задач России, пресечении работорговли, вытеснении Османской империи и влияния европейских держав с Северо-Западного Кавказа [13]. Так, в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына проведен круглый стол с участием ученых, членов краевой общественной организации «Центр адыгской культуры», представителей администрации края, города и Республики Адыгея [25]. Уровень встречи достаточно высок. На ней выступили: начальник отдела управления по работе с политическими партиями, общественными объединениями, по межнациональным отношениям краевого департамента внутренней политики С. Мозговой; заместитель начальника управления по связям с общественностью администрации Краснодара А. Березин. Проведена дискуссия по вопросам межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества на Кубани, формирования толерантности. Справедливо подчеркивалась недопустимость использования исторических фактов для разжигания этнической розни (выступления д.с.н., проф. Т.А. Хагурова, и.о. директора музея-заповедника Н. Хут).

Часть этнических общественных организаций попытались использовать 150-летие окончания Кавказской войны в целях своего сплочения и предъявления органам власти требований признать «геноцид черкесов». Формы активности: митинги, демонстрации, научные конференции в г. Майкопе (Республика Адыгея) и Нальчике (КБР). Основными местами поминальных акций – спуска на воду венков, зажжения свечей, запуска светящихся фонарей, раздачи поминальных ленточек стали 20-21 мая г. Сочи (пос. Головинка, аул Ахинтам, дер. Мугухабль) [28]. Характерно, что участники акций поминали только жертв народов Северного Кавказа, мухаджиров, возлагая вину за войну на Россию [8].

Представляется, что краевые органы власти и муниципалитеты должны деполитизировать обсуждение проблем Кавказской войны, концентрировать внимание общественности на позитивных последствиях завершения войны и интеграции Северо-Западного Кавказа в Российское государство, на многочисленных

фактах сотрудничества и единения 124 народов Кубани. Ключевая роль в реализации данной политики принадлежит СМИ и научно-педагогической общественности. Одним из шагов, способных объединить российское и краевое полигэтническое общество в восприятии Кавказской войны, может стать установка памятника в Красной Поляне всем павшим.

Локальный конфликт, которому ряд этнокультурных объединений придаёт этнический характер, произошёл в ночь на 11 мая 2014 г. в г. Краснодаре в пиццерии. Около 40 мужчин в масках и капюшонах, вооруженных битами и прутьями арматуры, избили посетителей кафе и его работников, разгромили кафе и припаркованные поблизости автомобили. Пострадало 8 посетителей – представителей народов Северного Кавказа. Среди них 25-летний Т. Ашинов, который скончался после тяжелого ранения [3]. Конфликт перерос после похорон Ашинова в перекрытие федеральной трассы «Дон» в ночь на 16 мая (на 30 минут). В акции участвовали родственники и земляки убитого (400 чел.). Собравшиеся разошлись после переговоров с прокурором края и обещаний властей провести объективное расследование [22].

Отметим противоположность версий преступления. Следственные органы подчеркивают, что конфликт произошел на уголовной почве и не имел этнических мотивов. По данным следствия, причиной нападения стал межличностный конфликт – собственник заведения, дагестанец отказался от предложенных услуг по охране помещения. Напротив, Майкопская общественная организация «Адыгэ Хасэ–Черкесский парламент» (руководитель З. Чундышко) при поддержке информационно-аналитического агентства «Натпресс» сделала крайне эмоциональное заявление и обратилась к Правозащитному центру Кабардино-Балкарии с требованием организовать международное давление на правоохранительные органы РФ [14]. Тем самым, организация пыталась интернационализировать обсуждение конфликта, давая истеричные и конфликтогенные оценки политики властей не только Краснодарского края, но и РФ в целом. Но эскалация конфликта не произошла. К настоящему времени арестованы участники нападения на кафе, ведётся следствие. В Республике Адыгея сформирована общественная комиссия, которая в сотрудничестве с правоохранительными органами следит за расследованием уголовного дела [21].

По данным Духовного управления Республики Адыгея и Краснодарского края, численность мусульман в обоих субъектах федерации составляет 350 тыс. чел. (примерно поровну в республике и крае) [20]. В крае, помимо постоянных жителей-мусульман, находится до 160 тыс. трудовых мигрантов из Средней Азии (около 15 тыс. из них, т.е. 10% легально), по сведениям координатора сочинской приемной сети «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал» Семена Симонова [20]. Львиная доля мусульман края не относится к адыгам, среди них преобладают татары, чеченцы, даргинцы, ингуши, представители дальнего зарубежья – «студенческих диаспор». В 2014 г. проявлений открытых политических конфликтов в данной сфере не зафиксировано.

На сайтах, симпатизирующих «черкесскому» проекту, время от времени публикуются статьи, в эмоциональном и малодоказательном стиле оценивающие положение адыгов в Краснодарском крае. Но сколько-нибудь серьезного влияния на повестку дня межэтнических отношений и на общественное мнение они не оказывают. Например, сайт «Кавказский узел» опубликовал 24 сентября с.г. статью своего корреспондента М. Туаева. Её автор пытался доказать, что «неоднократные просьбы мусульманской общины решить проблему с нехваткой мечетей в Краснодарском крае остаются без ответа» [20]. В настоящее время в г. Краснодаре нет мечети, как и в г. Сочи. Мусульмане краевого центра для отправления обрядов выезжают в населенные пункты Республики Адыгея – г. Адыгейск, пос. Яблоновский и пос. Новая Адыгея, расположенные в 5-10 км от Краснодара за рекой, где есть мечети. Всего в крае действует 6 мечетей, по оценке руководителя управления по взаимодействию с религиозными организациями Краснодарского края С. Рубашкиной [20].

8 августа с.г. ввиду окончания аренды здания закрыто представительство Духовного управления мусульман (ДУМ) Адыгеи и Краснодарского края, что произошло в священный месяц Рамадан. Но тот же журналист вынужден признать, что представитель Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края А. Карданов достиг договоренности о предоставлении ДУМ на безвозмездной основе нежилого помещения для проведения религиозных обрядов по ул. Клубная, 14 (в престижном районе краевого центра). Помещение больше по площади и

сдается на более длительный срок, на безвозмездной основе», - сказал А. Карданов корреспонденту «Кавказского узла», - Никакой дискриминации здесь нет. Никаким образом это не отразится на мусульманской общине, на отправлении культа» [20].

Председатель Духовного управления мусульман (ДУМ) Республики Адыгея и Краснодарского края Б.М. Шхалахов отметил на заседании круглого стола 6 августа с.г. необходимость тесного сотрудничества и взаимодействия с УФМС России по Краснодарскому краю и организацией «Екатеринодарская и Кубанская Епархия Русской Православной Церкви», предложил включить представителя ДУМ в состав Общественно-консультативного совета при УФМС России по краю [18].

Сейчас действует Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы», принятая в 2012 г. [7]. Цели и задачи Программы – гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур; обеспечение взаимодействия исполнительных органов власти края и местного самоуправления с национально-культурными объединениями; профилактика экстремизма и терроризма; поддержка и распространение идей духовного единства и межэтнического согласия. В программе среди факторов, влияющих на дестабилизацию межэтнических отношений, упомянут исторический фактор – «Кавказская война, которая до сих пор живет в памяти горских народов и может послужить одной из причин возникновения межэтнической напряженности в крае» [7].

Сделаем выводы. Направления активности адыгских этнополитических движений в 2014 г. таковы: требования к РФ признать геноцид адыгов в годы Кавказской войны и депортации XIX в., обращения к иным государствам и международным организациям; призыв репатриировать в РФ диаспору с предоставлением гражданства РФ, трудоустройством и реституцией собственности; пропаганда создания укрупненного «адыгского» субъекта РФ, который объединил бы Адыгею, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, часть Краснодарского и Ставропольского краев; призыв к адыгейцам, кабардинцам, черкесам считать себя черкесами – единой нацией; негативное восприятие Олимпиады в Сочи как проходящей «на земле геноцида», попытки бойкота Олимпиады. Установлены методы активности движений в 2014

г.: митинги и демонстрации, сбор подписей, использование памятных дат для сплочения сторонников, обращения за поддержкой к органам власти Украины и Польши, установление контактов с крымскотатарским движением.

Выскажем рекомендации органам государственной власти, партиям, СМИ, структурам среднего и высшего образования. Нужна активизация взаимодействия органов государственной власти, политических партий и СМИ с умеренными этнокультурными объединениями. Полезно не только опровергать пропаганду сепаратизма, но и предложить позитивные меры обеспечения баланса общероссийской и этнических идентичностей. Этим должны заниматься специализированные экспертно-аналитические коллективы, постоянно взаимодействующие с органами государственной власти субъектов федерации, полпредством в Южном федеральном округе.

Необходимо улучшить финансирование и менеджмент российских Интернет-ресурсов, ориентированных на адыгскую аудиторию. Назрела организация телеканала и радиостанций, вещающих на Северный Кавказ с российских позиций на региональных языках.

Полезно переориентировать в учреждениях среднего и высшего образования углубленное изучение региональной истории на ценности государственного единства России. Необходима профессиональная экспертиза учебной и учебно-методической литературы, учебных программ, а также переаттестация педагогических кадров в сфере преподавания регионального компонента гуманитарных дисциплин, подчас допускающих проявления этнократии.

На наш взгляд, речь должна идти о финансировании масштабных социологических и конфликтологических исследований, об организации постоянного мониторинга тенденций этнических отношений, их прогнозирования и профессионального консультирования органов власти. Необходимо создать в структуре республиканской, краевой и муниципальных администраций, представительных органов более влиятельные, чем сейчас, структурные подразделения, специализированные на этнополитике и сформированные из профессионалов.

Необходимо ускорить разработку программы реализации в Краснодарском крае «Стратегии государственной национальной

политики РФ на период до 2025 года», что предписано Указом Президента Российской Федерации №1666 от 19 декабря 2012 г. [23] В группу её разработчиков должны войти не только юристы, но и этнологи, историки, психологи, политологи. Состав рабочей группы должен быть известен профессиональным научным сообществам.

Целесообразно принять Федеральную целевую и региональные целевые программы «Формирование российской гражданской идентичности», тем более, что это непосредственно следует из требований Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.

Значительные ресурсы следует направить на поддержку интернет-сайтов, противодействуя пропаганде сепаратизма и этно-религиозного радикализма. Необходимо выделить значительную часть эфирного времени на телеканалах края для научно-просветительных передач цикла «Народы Кубани». Применительно к сообществам Республики Адыгея и Краснодарского края такой проект требует сделать акцент на исторических и современных фактах и процессах, интегрирующих поликультурное общество на символах дружбы и совместного движения в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.В. Конструирование и использование черкесской идентичности в политических процессах на Северо-Западном Кавказе // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всеросс. науч. конф. (с междунар. участием). Москва, 21-22 ноября 2014 г. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 58-60.
2. Баранов А.В. Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам анкетных опросов) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. №1. С. 86-92.
3. В Краснодаре восемь человек пострадали в массовой драке в кафе. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242471/>
4. Гулевич В. «Черкесский» и «крымско-татарский» вопросы: по сходным геополитическим лекалам. Режим доступа:

<http://www.fondsk.ru/news/2013/06/14/cherkesskij-i-krymsko-tatarskij-voprosy-po-shodnym-geopoliticheskim-lekalam-21011.html>.

5. Гулевич В. Крымско-татарские и «великочеркесские» националисты хотят дружить против России. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/11/24/krymsko-tatarskie-i-velikocherkesskie-nacionalisty-hotyat-druzhit-protiv-rossii.html>.

6. Гулевич В. Черкесские националисты ищут союзников на Украине. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/09/cherkesskie-nacionalisty-ischut-souznikov-na-ukraine.html>.

7. Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы» (в редакции Постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.12.2012 №1511). Режим доступа: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/29667633/30367059/>.

8. Жители юга России и Южного Кавказа отметили 150-летие окончания Кавказской войны траурными митингами и шествиями. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/243007/>.

9. Колосов В.А. «Черкесский вопрос» и адыги // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. №1. С. 118-121.

10. Кочергин А.А. Краснодарский край, январь – март 2014 г. Рукопись. Архив автора.

11. Маковская Д.В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. №1. С. 78-86.

12. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010. Режим доступа: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tabc7.xls.

13. Некрасова Е. И станы стали станицами (интервью В.А. Рунова) // Кубанские новости. Краснодар, 2014. 21 мая.

14. Организация «Адыгэ Хасэ» потребовала наказать виновных в гибели Тимура Ашинова в Краснодаре. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242600/>.

15. Патеев Р.Ф. Роль исламского фактора в современном адыгском движении // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. №1. С. 91-98.

16. Просьба признать геноцид черкесов направлена в Польшу в День ее независимости. Режим доступа: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9242>.
17. Реальные и мнимые угрозы Олимпиаде: эксперты о задержании черкесских активистов. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1745555.html#ixzz2zSvGgwij>.
18. Состоялся круглый стол с представителями Русской Православной Церкви и Духовным управлением мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. Режим доступа: <http://www.ufmskrn.ru/site2/news/67012/>.
19. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
20. Туаев М. На Кубани действует негласный запрет на строительство мечетей, заявили представители мусульманской общины. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/249591/>.
21. Туаев М. Прокуратура не подтверждает версию о межнациональной подоплеке массовой драки в Краснодаре. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242696/>.
22. Туаев М. Родственники убитого Тимура Ашинова на 30 минут перекрыли федеральную трассу на въезде в Краснодар. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242650/>.
23. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. №52. Ст. 7477.
24. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
25. Хушт З. Кавказская война: уроки истории // Краснодарские новости. 2014. 23 мая.
26. Цветков О.М. Республика Адыгея в январе – марте 2014 года: этнологический мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации. Рукопись. Архив автора.
27. Цибенко С.Н. Актуализация проблемных вопросов черкесов России и диаспоры в англоязычных источниках // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. №1. С. 103-112.

28. Чарный С. Адыгские активисты в Сочи зажгли 101 свечу в память о павших в годы Кавказской войны. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242975/>.

29. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013.

30. Чмеленко Ю. Псевдо-«черкесские» провокации «украинского разлива» - в чьих интересах? Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/07/10/psevdo-cherkesskie-provokacii-ukrainskogo-razliva-v-chih-interesah.html>.

Цибенко (Иванова) В.В.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

«ВОЙНА КОНФЕРЕНЦИЙ»: ЧЕРКЕССКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ РОССИИ И ТУРЦИИ

Термин «война конференций» был впервые использован Авраамом Шмулевичем [1] для обозначения процесса политизации научных мероприятий по черкесской проблематике в России и Грузии на фоне подготовки Олимпийских Игр 2014 года. Указанный термин [2], удобный для изучения противоборства различных исторических школ и подходов, может быть успешно применен и по отношению к соответствующим мероприятиям в других странах.

В данной статье представлены результаты сравнительного исследования научной активности по черкесской проблематике 2010-2014 гг. в России и Турции. В исследование включено 26 российских и 37 турецких научных и экспертных мероприятий. Первое из них состоялось в мае 2010 г., последнее на момент завершения исследования – в мае 2014 г. Весь этот период сохранялась положительная динамика научной активности, а интерес к Северо-Западному Кавказу возрастал по мере приближения Олимпиады в Сочи и 150-летия Кавказской войны. Тем не менее, в масштабах России черкесская проблематика не получила широкого распространения и осталась локализованной в столице и южной части страны. В Турции по научной активности в обозначенном вопросе на первом месте оказался Стамбул, следом со значительным отрывом – столица страны Анкара, а единичные мероприятия прошли в разных городах Турции.

Для России были характерны крупные международные конференции, форумы и круглые столы с большим количеством выступающих. Семинары с одним или двумя докладчиками и круглые столы с двумя-тремя участниками имели место только в Москве. Однако благодаря известным организаторам и широкому освещению в СМИ эти мероприятия получили большой резонанс. Интересной особенностью было проведение научно-практических конференций с выработкой рекомендаций органам власти и управления.

В Турции при большом количестве конференций, только три можно назвать масштабными (иная картина наблюдалась с конференциями по филологии, которые не были включены в исследование). Остальные насчитывали несколько участников, а в четырех случаях конференция представляла собой лекцию одного докладчика. В симпозиумах, научных дискуссиях и собраниях также было задействовано небольшое количество выступающих, однако эти мероприятия привлекали значительный интерес аудитории.

В целом, вес высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций, работавших по черкесской проблематике, был в Турции существенно ниже. Эту нишу заняли общественные объединения и религиозные фонды, а именно черкесские или кавказские культурные ассоциации и исламские вакфы. В России среди организаторов научных мероприятий не было ни одного религиозного фонда.

Различия организационных форм проведения мероприятий по черкесской проблематике были обусловлены как традициями и условиями места проведения, так и различными целями организаторов. Ведущая роль университетов в России делала дискуссии академичными, в Турции же организаторская деятельность общественных объединений и религиозных фондов придавала мероприятиям более политический и просветительский, чем научный характер.

Существенно разнился состав участников российских и турецких научных мероприятий. Например, в России отсутствовали западные исследователи, в Турции же они играли весьма заметную роль. При значительной вовлеченности турецкого научного сообщества в западный дискурс, российское оказалось, по сути, замкнутым само на себя. Исследователи из России приняли участие только в двух из тридцати семи мероприятий в Турции. Доля зарубежных исследователей среди выступавших на российских мероприятиях была крайне мала, а участники из Турции – редкое исключение. В российских мероприятиях представителям адыгского мира и абхазам отводилось важное место, в Турции же местные черкесские исследователи и активисты играли ведущую роль.

Докладчики российских мероприятий чаще всего представляли академические институты, университеты и госструктуры, а

турецких – черкесские ассоциации и информационные ресурсы. В Турции одинаковой долей экспертной компетенции наделялись известные исследователи, писатели, журналисты и черкесские активисты. Подобная разнородность присутствовала и на некоторых российских мероприятиях, в основном – организованных информационными агентствами.

Особенностью российских мероприятий можно назвать привлечение к обсуждению черкесской проблематики специалистов широкого профиля, которые за рассмотренный период времени сформировали особую экспертную группу, количественно сопоставимую с турецкой. При этом в Турции основными экспертами были черкесские активисты и исследователи черкесского происхождения, построившие свою карьеру на черкесской проблематике. Это объясняется еще и тем, что данная тема не привлекала турецких историков и «не смогла найти себе место в историческом образовании ни на уровне университетов, ни на уровне среднего образования» [3, с. 15].

На рассмотренных мероприятиях были озвучены противоположные и взаимоисключающие взгляды, трактовки и интерпретации истории Северо-Западного Кавказа XIX-XXI вв. Можно констатировать терминологический, источниковедческий и историографический разрыв, причины которого лежат не только в разнице научных традиций, но и в особенностях стоящих перед экспертными сообществами двух стран задач. Все в комплексе определило диаметральность высказываемых мнений и взглядов, хотя следует отметить, что представители адыгских историографических школ с одной стороны, и турецкие историки с другой, нарушали эту черно-белую картину.

При этом в Турции под общим этнонимом «черкес» объединяли представителей различных этнических групп Кавказа (от адыгов до чеченцев). На мероприятиях в России под черкесами понимались исключительно представители адыгских народов.

Существенное различие проявилось в отношении к политизации черкесской проблематики. Участники всех российских мероприятий заявляли о необходимости уйти от политики и перевести обсуждение в академическую плоскость, что нашло отражение не только в докладах, но и в итоговых заключениях.

Участники турецких мероприятий, как правило, ставили себе задачу придать черкесской проблематике политическое зву-

ние и влиять на международную повестку дня. На турецких мероприятиях признание геноцида преподносилось как залог возрождения исторической Черкесии и препятствие ассимиляции. Репатриация преподносилась как основная цель на текущий момент, поскольку моноэтничность необходима для воссоздания исторической Черкесии. При этом образование Черкесии рассматривалось как начало освобождения народов Кавказа.

На российских мероприятиях в теме признания геноцида усматривали политическую подоплеку, говоря о неприменимости термина к историческим реалиям XIX в. События Кавказской войны именовали трагедией, а мухаджирство характеризовали как добровольный исход. Для массовой репатриации черкесов участники российских мероприятий не видели подходящих условий, считая ее маловероятной в обозримом будущем.

Серьезные различия проявились при описании исторических событий. На российских мероприятиях термин «Кавказская война» признавался устаревшим из-за своего обобщающего характера, однако адекватной замены ему найдено не было. На турецких мероприятиях для войны использовались обозначения «Русско-кавказская» и «Русско-черкесская», а также расширительное «Кавказско-русские войны». Не совпадала и хронология: принятая в России нижняя граница датировки 1817 г. смешалась на турецких мероприятиях на 1783, 1763, 1759 гг. и даже на более раннее время. Расхождения обнаруживались в подсчете количества мухаджиров (от нескольких сот тысяч до 1 млн) и оценке численности черкесской диаспоры (от нескольких сот тысяч до 7-8 млн). При этом участники турецких мероприятий обращались к османским архивным источникам как последней инстанции, а участники российских использовали в подавляющем большинстве случаев только российские архивные материалы.

В целом подход участников турецких мероприятий отличался большей эмоциональностью, однако эмоциональный фон успешно сочетался с прагматизмом. История черкесов в составе России рассматривалась через призму колониального порабощения, угнетения и ориентализма. История адыгских народов в составе России рассматривалась на российских мероприятиях в ключе культурного обмена, интеграции, социально-культурного прогресса, взаимного сближения и совместного развития. Для противодействия распаду общероссийского культурно-

политического пространства предлагалось развенчивать исторические мифы и бороться с фальсификацией истории, беря за основу принцип объективности. Выступающие регулярно возвращались к историческому контексту событий XIX в., анализировали историческую память в политическом ракурсе и изучали различные интерпретации прошлого.

Для черкесской диаспоры Турции, задававшей повестку дня на турецких мероприятиях, определяющим мотивом было увеличение своей значимости и влиятельности, возможное при данном удачном стечении обстоятельств. Повышение собственного веса внутри страны и на мировой арене становилось для нее и залогом выживания в условиях ассимиляции [4], и утверждением своих прав на будущее. Это отразилось на содержании мероприятий по черкесской проблематике и эмоциональной вовлеченности участников.

Перед российским экспертным сообществом стояла иная задача – выработать консолидированную позицию по проблемным вопросам, актуализируемым черкесскими активистами диаспоры и России. Для этого было необходимо преодолеть кризис разобщенности, ставший результатом разрушения советской системы и последовавшего расцвета конкурирующих национальных школ историографии с их мифологизированными версиями этноистории. Был запущен глубинный процесс перестройки российского кавказоведения, сопровождаемый поиском объединяющего подхода, переосмысливанием критериев научности, сменой устаревшей терминологии, введением новых источников и созданием собственных концепций, соответствующих современным условиям и задачам. На российских мероприятиях постоянно звучали призывы окончить «Кавказскую войну историографий» и прекратить «войны памяти» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмулевич А. Война конференций вокруг Кавказа, и опять евреи выноваты... [Электронный ресурс] // 7kanal.com. URL: <http://www.7kanal.com/news.php3?id=274824> (последнее обращение: 12.12.2014).

2. Этот термин получил популярность и стал широко применяться исследователями без упоминания первоисточника. К примеру, см.: Zhemukhov S. The Circassian Question in Russian-

Georgian Relations // PONARS Eurasia Policy Conference / Ed. by A. Schmemann and C. Welt. Policy Memo No. 118. Washington, 2010. P. 67-71; Hansen L.F. Renewed Circassian Mobilization in the North Caucasus. 20-years after the Fall of the Soviet Union // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. Vol. 11, No. 2. P. 103 – 135.

3. Hacısalihoglu M. Giriş // 1864 Kafkas Tehciri. Kafkasya'da Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün / Ed. By M. Hacısalihoglu. İstanbul: BALKAR &IRCICA. 2013. P. 15-24.

4. Подробнее см.: Цибенко В.В. Унификация в ответ на ассимиляцию: конструирование общности северокавказской диаспорой Турции // Научная мысль Кавказа. №3. 2014. С. 75-81.

5. См., например: Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы (к 150-летию со дня окончания)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heritage-institute.ru/images/docs/kav-v-conf2014-rekom.pdf> (последнее обращение: 12.12. 2014).

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Авидзба А.Ф.

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия,
г. Сухум*

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» КАК ФАКТОР АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КАВКАЗЕ

«Черкесский вопрос» существует с момента покорения Российской империей Кавказа, которое сопровождалось изгнанием и вынужденным переселением целого ряда кавказских народов. Историю надо помнить. Не зря сказано: если выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелить в тебя из пушки. Историю забывать негоже, но судить ее – не более благородное дело. Завоевание Кавказа Российской империей был исторический обусловленный объективный процесс. Конечно же, с этим можно, а может и нужно спорить, но история не имеет сослагательного наклонения. С другой стороны, никто не может оправдывать трагедию, сопровождавшую покорение Кавказа, и оно не могло не оставить в негативных воспоминаниях в исторической памяти захваченных народов. Одной из исторических проблем, оставшихся в наследство о «тех временах» современной России во взаимоотношениях с кавказскими народами и их диаспорами и является «Черкесский вопрос». Эта тема актуализировалась в связи с Олимпиадой в Сочи 2014, и по большей степени, к большому сожалению, стала спекулятивным рычагом давления на Россию.

Немного ретроспективы. 4 июля 2007 в Гватемале на заседании сессии МОК было принято решение о проведении зимней олимпиады 2014 г. в Сочи. Сама заявка российской стороны на их проведение уже было серьезным политическим шагом с претензией на геополитические последствия. Двухгодичная работа по продвижению кандидатуры Сочи показала всю серьезность с которым к этому вопросу подходили в Москве. Государственная поддержка на самом верху и мощное информационное продвижение проекта ощущались на всем протяжении предварительного этапа. С этого времени все более или менее значимые военно-политические, экономические и даже культурные мероприятия в Абхазии и вокруг нее, следует рассматривать в контексте подготовки к осуществлению грандиозного проекта в Сочи и российско-американского соперничества в регионе.

В связи с этим уместно напомнить о том, что еще в начале февраля 2007 г., т. е. еще до гватемальского решения, в Кодорском ущелье, т. е. части Абхазии, оккупированной грузинскими воинскими формированиями в августе 2006 г., был открыт информационный офис НАТО. А в сложившихся тогда условиях это могло привести к вмешательству североатлантического альянса в развитие событий, не только в политическом, но и в военном отношении. А это, в свою очередь, могло послужить контраргументом для Москвы, которая подвергалась обвинениям за якобы неоправданно лояльное отношение к абхазской стороне. С другой стороны участие НАТО в военно-политическом противостоянии в Кодорском ущелье могло иметь нежелательный отклик для целей и задач США в этом регионе в глазах мирового сообщества. А само открытие офиса НАТО на территории Абхазии, оккупированной Грузией, являлся красноречивым фактом, свидетельствовавшим, что оккупация верхней части Кодорского ущелья была проведена Тбилиси с согласия или даже может по совету западных стратегов. И с учетом всего этого, с огромной долей вероятности можно предполагать, что оккупация верхней части Кодорского ущелья являлась частью хорошо спланированной и поэтапной программы, осуществление которой должна была, по замыслу ее авторов, привести к возвращению Абхазии в состав Грузии. Поскольку это могло быть осуществлено при сложившихся тогда реалиях только военным путем, открытоеявление офиса НАТО рядом с российскими миротворцами, свидетельствует о том, что западный военный альянс потенциально был готов поддержать военные действия Грузии против Абхазии. Кроме того, информационный офис НАТО в Кодорском ущелье в первую очередь мог стать одним из плацдармов для шантажа Москвы по поводу уступок в обмен на стабильность в момент проведение Олимпиады. Об этом свидетельствует и высказывание помощника заместителя госсекретаря США М. Брайза, который тогда заявил, что «сложно представить, что Олимпийские игры, проводимые близ зоны конфликта, где есть определенная степень опасности, будут успешными».

С этим мнением явно не был согласен Парламент Абхазии, который 25 мая призвал Международный олимпийский комитет поддержать заявку Сочи на проведение Зимней Олимпиады 2014 г. В ответ на это, т. н. Верховный Совет Абхазии, состоящий

из группы лиц, избранных в абхазский парламент в 1991 г., и расквартированный в Тбилиси, 30 мая выразил возмущение по поводу возможного проведения в Сочи олимпийских игр, а также поддержки Абхазии проведения спортивных состязаний «на месте гибели целых народов» [3]. Имеется в виду Красная поляна, где 21 мая 1864 г. произошло последнее сражение Кавказской войны, в которой царизм одержал победу. Это была первая апробация задействовать «Черкесский вопрос» в движении, направленном на недопущение проведения Олимпиады в Сочи. Эта тема, сначала прозвучавшая в Грузии, была подхвачена, растиражирована и оплачена грузинскими и антироссийскими силами во всем мире. При этом, конечно же, никого из новых радетелей восстановления исторической справедливости не интересовало, что 21 мая 1864 г. грузинское ополчение выступала на стороне Российской империи.

Еще в июле 2007 года бывший президент Грузии Э. Шеварднадзе призвал мировое сообщество повторить бойкот Олимпиады 1980 года в Москве. Вот его аргументы: «Сочи это по существу зона конфликта. Абхазия рядом с Сочи. Нельзя доверять государству и проводить Олимпиаду, тем более в районе конфликта, который пойдет на аннексию части другого государства, соседнего государства... Поэтому самый лучший выход - российским войскам уйти из Абхазии. Уйти из Южной Осетии. А потом мы сами договоримся с абхазами и с осетинами» [5]. А как Грузия хотела «договориться» с Южной Осетией и Абхазией показали последовавшие события.

В августе 2007 г. палата представителей Конгресса США приняла сразу две резолюции с требованием бойкотировать пекинскую Олимпиаду 2008. Не исключено, что европейские и американские влиятельные силы стремились использовать Олимпийские игры для критики сначала китайского, а затем и российского руководства.

Тогда было ясно, что Олимпиада 2014 - это очередной рубеж, который был обусловлен глобальными обстоятельствами, и пока проект «Сочи 2014» для Абхазии являлся не залогом стабильности, а скорее конфликтогенным фактором.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 г., началась очередную военную агрессию Грузии против Южной Осетии. Россия предприняла решительные военно-политические шаги по защите государст-

венности Южной Осетии и обеспечению безопасности ее граждан, большинство из которых являлись также и гражданами Российской Федерации. Москва также не препятствовала открытию второго фронта против Грузии, в результате которого поздно вечером 12 августа 2008 г. Абхазская армия освободила верхнюю часть Кодорского ущелья. А в результате операции по принуждению Грузии к миру, проведенной Россией 8-12 августа, грузинской военной инфраструктуре, созданной при поддержке НАТО, был нанесен значительный урон. Эти события привели к разрыву дипломатических отношений России и Грузии.

26 августа 2008 г. государственная независимость Абхазии и Южной Осетии были признана Россией, а затем и некоторыми другими странами, что не могло не способствовать повышению накала страстей вокруг Олимпиады в Сочи. Вопрос бойкота Олимпиады стал козырной картой и его начали разыгрывать в Грузии с воодушевлением. При этом назывались три основания для возможного бойкотирования олимпиады: экология, безопасность и черкесский вопрос. Спустя некоторое время, черкесский вопрос был признан приоритетным направлением бойкота Олимпийских игр [1]. При этом необходимо пояснить, что лозунг «Нет Олимпиаде на костях!» призван был стать одной из составляющих «корейской мести»¹, а сама Грузия – одним из фронтов этой самой «мести». По данным японских журналистов, группа корейских «экспертов» посетила с тайной миссией Грузию и предложила грузинскому президенту 1 млрд. долл. на реконструкцию центра зимних видов спорта в Боржоми и помочь в лоббировании грузинской кандидатуры на очередных выборах столицы зимней Олимпиады. Взамен корейцы попросили отложить окончательное решение «абхазского» вопроса до начала 2009 г. По планам, разработанным далеко за пределами Грузии, войска последней должны будут десантироваться прямо на границе с Россией (всего в 40 км от олимпийской деревни) и взять абхазов в клещи, что приведет к войне. В конечном счете, все это должно было закончиться отзывом лицензии у Сочи ввиду «политической нестабильности на Черноморском побережье Кавказа». За этим последовали заявления Президента Грузии о неправомочности проведения в Сочи Олимпиады.

¹ Южнокорейский город Пхенчхан также претендовал на проведение XXII зимних Олимпийских игр-2014.

В середине ноября 2010 г. стало известно, что грузинские парламентарии разработали целую кампанию, направленную на срыв соревнований в Сочи. Для этого, в частности, они хотели обратить внимание международной общественности на то, что Олимпиада проводится именно вблизи границ Абхазии, которую Грузия считает своей. Упор делался на детальное информирование общественности о факторах безопасности, экологии и истории. Говорилось, что будут подготовлены акции протеста в разных странах, митинги, обращения беженцев и спортсменов к Международному олимпийскому комитету [2]. С тех пор тема «Черкесского вопроса» стала предметом спекуляций и политических торгов в Грузии. Фактически можно говорить о том, что Грузия была на то время на переднем фронте борьбы за международное признание «геноцида черкесов». Был создан Черкесский культурный центр в Тбилиси, проведены дни черкесской культуры и открыт памятник жертвам черкесского геноцида в городе Анаклия. Тбилиси стал местом проведения конференций по «черкесскому вопросу».

Первая такая конференция под названием «Неизвестные нации, продолжающееся преступление — Северный Кавказ между прошлым и будущим», организованная Джеймстаунским фондом (США), прошла еще в марте 2010 г. В ноябре 2010 г. проходила вторая конференция «Скрытые нации, продолжающиеся преступления: Северный Кавказ между прошлым и будущим». В итоговых резолюциях конференции рекомендовали парламенту Грузии признать «геноцид и этническую чистку черкесского народа». Грузинский парламент, прислушавшись к этим призывам, 20 мая 2011 г. единогласно проголосовал за признание «геноцида черкесов».

Конечно же, это делается не в интересах самого черкесского народа, а наперекор интересам России. Грузия признала «геноцид черкесов», осуществлявшийся Российской империей в 19 в., и требует от современной России того же. Но хотелось бы отметить, что когда абхазы, черкесы, вместе с другими кавказскими народами, боролись против российского царизма, сама Грузия была на стороне последней и участвовала в осуществлении того геноцида, за признание которого миром она ратовала. Но почему бы Грузии, если она так рьяно желает восстановления исторической справедливости, не признать и свою долю ответственности за

этот самый геноцид, который был осуществлен не только по отношению к черкесам, но и к абхазам. При этом поддержка «Черкесского вопроса» Грузией в отсутствии таковой со стороны официальной Абхазии использовалась Тбилиси для того, чтобы вбить клин между абхазами и черкесами, которые совсем недавно бок о бок защищали Абхазию от грузинской агрессии. На фоне не ослабевающих реваншистских настроений в Грузии в отношении к Абхазии, доказательством чему может служить так называемый закон «Об оккупированных территориях», у официального Тбилиси были и есть большой резон от розыгрыша «Черкесской карты». Так как если «дело выгорит», во время следующей войны или осложнения ситуации черкесы не будут поддерживать абхазов. Если удастся вбить клин между кавказскими народами, то их будет легче противопоставить друг другу, что в конечном итоге приведет к военно-политической дестабилизации в России. В таких делах Грузия встречает не только понимание Запада, но и выступает в роли проводника западных интересов в регионе.

С другой стороны, надо отметить, что многие на Кавказе и за ее пределами, подавшись эмоциям и красивым словам, становятся орудием в руках не чистоплотных деятелей в их политических играх. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующее замечание Расула Карданова: «Объективная реальность такова, что после Олимпиады черкесский вопрос станет грузинам неинтересен, НПО вроде "Черкесского культурного центра" закроются или переквалифицируются под другие цели. Грузия это отдельное государство со своими geopolитическими интересами в регионе. Отношения с Россией у них безнадежно испорчены, а вот нам с русскими еще жить и жить» [3].

Между тем, все разговоры о бойкоте Олимпиады в современных условиях были беспочвенны, т. к. устав Международного олимпийского комитета фактически исключает такую возможность. Сегодня все национальные олимпийские комитеты, входящие в МОК, обязаны присыпать на игры свои сборные. А чтобы исключить экономические мотивы возможных отказов, расходы на участие в Олимпиадах 5-ти – 10-ти спортсменов всех без исключения стран членов МОК, эта организация берёт на себя. Бойкот какой-либо страны будет равносителен её исключению из состава МОК [2].

Впрочем, это не могли не знать сами грузинские политики и их заокеанские друзья, а вся шумиха о бойкоте Олимпиады была направлена, как часто бывает в политике, на создание «дымовой завесы». Ведь не зря же в январе 2011 г. президент Грузии Саакашвили, хотя и призвал обратить внимание на то, что территория, где находится Сочи, в свое время была вычищена от местных народностей, но заявил, что его страна вопрос бойкота пока не рассматривает [4]. А в середине октября 2012 г. появилась информация о том, что Грузия не станет бойкотировать Олимпиаду в Сочи. Об этом заявил лидер одержавшей победу на парламентских выборах коалиции Иванишвили [4].

Автор этих строк в ноябре 2012 года выступая на семинаре «Северо-Западный Кавказ: между прошлым и будущим», организованном Научным обществом кавказоведов в Сухуме, отмечал: «Олимпиада состоится в срок и в указанном месте. Призывы и кампания по бойкоту Олимпиады в Сочи являются отвлекающим маневром для достижения совсем других, скрытых от глаз и сознания простых смертных вопросов и задач. В этих условиях хочется призвать все стороны, заинтересованные в стабильности в регионе, не позволять втягивать себя в бессмысленную и опасную войну настоящего с прошлым».

Олимпиада состоялась и весьма успешна. Несмотря на большие трудности все же сборная страны хозяйки сумела вырвать общее первое место в неофициальном зачете, что, надо полагать, является немаловажным итогом. Ведь для России было важно не только безупречно организовать главное спортивное состязание четырехлетия и обеспечить безопасность его проведения, но и показать всему миру, что остается одной из ведущих спортивных держав. Давно общеизвестно, что большой спорт всегда большая политика.

Еще одно: приходится указывать на одну очень не приятную, но весьма показательную нарождающуюся новую традицию. Если в ночь перед открытием летней пекинской олимпиады в августе 2008 г., накануне которой также хватало угроз о его бойкоте, началось вторжение Грузии в Южную Осетию, что являлось прямым вызовом России, то Олимпиада уже в самой России, проходила под аккомпанемент артиллерийских канонад начавшейся войны на Украине, где также были задействованы интересы России.

Что касается «Черкесского вопроса», то он постепенно приходит в латентное состояние, ибо он нужен был в Грузии и на Западе как фактор давления на Россию во время Олимпиады, чтобы в Москве чувствовали свою уязвимость. Теперь же противостояние США и России проходит по другим более открытым политико-экономическим, geopolитическим фронтам – военное противостояние на Украине, экономические санкции и т. д. Однако, надо иметь в виду, что в нужный для политических оппонентов, мягко говоря, России «Черкесский вопрос» может снова возникнуть именно как способ политического давления на Москву

Но главное слово в этом вопросе остается за Россией. Ведь многие сегодняшние проблемы, связанные с «Черкесским вопросом», возникают, в первую очередь, из-за того, что Россия не желает или не способна к проведению политики, учитывающей опасения кавказских народов по поводу сохранения своей идентичности и их стремления обезопасить себя от исчезновения в глобальном и бессердечном окружении. Создается впечатление, что Россия слишком большая и не замечает «маленькие» проблемы кавказцев, которые для них судьбоносны. Но и кавказские элиты, как в России, так за рубежом, не должны становиться орудием антироссийской борьбы в руках ее политических оппонентов, ибо цели и задачи этих сил также далеки от торжества интересов кавказских народов, что неоднократно доказано историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховный Совет Абхазии обсуждает проведение в Сочи Олимпийских игр // Day.az. [Электронный ресурс]. URL: www.day.az/print/news/georgia/81431.html. (Дата обращения – 29.12.2014)
2. Карданов Р. Грузия играет на трагедии черкесского народа // Си адыгэ сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://adigasite.com/forum/viewtopic.php?p=1495>. (Дата обращения – 29.12.2014)
3. Смирнов В. Бойкот олимпиады невозможен // "Фонтанка". [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fontanka.ru/2010/08/02/083/>. (Дата обращения – 29.12.2014)
4. Шарафутдинов Р. Грузия приняла олимпийское решение //

Газета.Ru. [Электронный ресурс]. URL:
http://www.gazeta.ru/sport/2012/10/16/a_4813697.shtml. (Дата обращения – 29.12.2014)

5. Шеварднадзе Э. Бойкот Олимпиады в Сочи? // Радиостанция «Эхо Москвы». [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/55837.phtml>. (Дата обращения – 29.12.2014)

Колосов В.А.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» И ХХII ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В ГОРОДЕ СОЧИ

В последние годы экспертное и научное сообщество наблюдало за актуализацией так называемого «черкесского вопроса», причем его актуализация происходила главным образом в информационной плоскости и была прямо взаимосвязана с Олимпиадой-2014 в городе Сочи, что подтверждается, например, итогами исследований Р.Ш. Курбанова [1, с.68].

В феврале и марте 2014 года в городе Сочи прошли ХХII зимние Олимпийские и XI Паралимпийские игры соответственно, а также произошли известные события в Украине, которые погрузили эту страну в кризис в абсолютно всех сферах, что привело к вытеснению «черкесского вопроса» из информационного пространства. Однако попытки актуализации «черкесского вопроса» не прекратились.

Прежде всего, следует отметить, что термин «черкесский вопрос» употребляется очень широко в средствах массовой информации, в экспертных и научных кругах, но четкого и общепризнанного научного определения данного термина нет. Под «черкесским вопросом» понимается совокупность проблем, стоящих перед адыгами (черкесами), которые требуют своего решения и оценки [2, с.118]. Совершенно очевидно, что «черкесский вопрос» возник с момента вхождения территорий населенных адыгами (чертесами) в состав Российской империи и попытки его использования для давления на Россию – это не изобретение последних лет и можно говорить лишь об его актуализации. Силы, заинтересованные в использовании адыгов (чертесов) и их проблем для давления на Россию прикладывали немало усилий для того, чтобы «черкесский вопрос» нельзя было отделить от факта проведения Олимпиады в Сочи» [3].

Следует отметить, что черкесское общественное движение не сформировало консолидированной позиции по вопросу решения стоящих перед черкесским обществом проблем и вызовов, в том числе по вопросу отношения к проведению Олимпийских игр

в городе Сочи. Большинство черкесских организаций в России, включая Совет старейшин черкесского народа, Международную черкесскую ассоциацию, «Адыгэ Хасэ» в трех республиках населенных адыгами (черкесами) поддерживали проведение Олимпиады в Сочи [4]. «Даже радикально настроенные лидеры черкесского движения не разделяли огульного отрицания проведения Олимпиады, а фактически говорили о формах, по поводу которых устроители этого спортивного форума могли вести более конструктивный диалог с кавказцами, местными жителями региона» [5]. Они фактически пытались использовать Олимпиаду для того, чтобы донести свое мнение до российской и мировой общественности, а также как инструмент давления на российские власти для достижения своих целей и в силу этого она имела для них большое значение. Используя Олимпийские игры как информационный повод, радикальная часть черкесских общественных деятелей, актуализируя «черкесский вопрос» акцентировали внимание общественности на проблемы: признания геноцида, переселения диаспоры на Кавказ и создание единого черкесского субъекта на землях исторической Черкесии [6].

Осознав, что «осложнение черкесского вопроса в России – это результат ошибок, пассивности и недооценки долгосрочного прогнозирования российских и адыгских политических элит» [5], власть не только продемонстрировала готовность к конструктивному диалогу и компромиссу с адыгскими политическими элитами и общественными деятелями, но и пошла на конкретные шаги, доверив ответственные направления. К примеру, в ноябре 2013 года заместителем руководителя Департамента внутренней политики администрации Краснодарского края был назначен Мугдин Чермит – вице-президент Международной черкесской ассоциации, почетный академик Адыгской международной академии наук. М. Чермит ранее тесно сотрудничал с зарубежной адыгской диаспорой и на новой должности стал координатором межнациональных вопросов в Краснодарском крае, отвечая, в том числе за позитивное восприятие международными черкесскими обществами Олимпиады-2014 в Сочи. [7]

Сам факт проведения Олимпиады в Сочи, без сомнения, имел историческое значение для региона и его населения, в особенности для адыгов (черкес), позволив им привлечь внимание

российского руководства и мирового сообщества к «черкесскому вопросу».

Необходимость исполнения Россией взятых на себя обязательств по организации и проведению Олимпиады в Сочи, а также четкая позиция высшего руководства страны, способствовали выстраиванию четкой и слаженной работы всех вовлеченных в подготовку и проведение Олимпиады структур, что позволило провести Игры на высоком организационном уровне. Удалось не допустить проведения терактов, так и не состоялись массовые акции протеста, слухи о которых будоражили общественность и средства массовой информации. Хотя справедливости ради необходимо отметить, что 7 февраля в Нальчике состоялась немногочисленная акция, проводимая в знак протеста против проведения Олимпиады. Акцию пресекла полиция, задержав всего около 29 человек. [8]

Значительно более многочисленными были акции протеста против Олимпиады в Сочи, которые прошли в Турции. В частности 1 февраля в Анкаре под названием «Черкесы потушили Олимпийский огонь». В акции приняли участие 1200 человек. 2 февраля в Стамбуле у здания генерального консульства РФ в Турции состоялся митинг представителей черкесской общественности против Олимпиады в Сочи. В акции приняли участие более 700 человек. [9] Следует отметить, что проведение вышеуказанных акций не оказало заметного влияния на подготовку и проведение Игр.

В тоже время, общественное движение «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» 2 февраля на заседании исполкома приняло решение о поддержке зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи. Также активисты движения призвали гостей Игр принять участие в черкесской культурной программе. [10] На открытие Олимпийских игр были приглашены и прибыли представители зарубежных черкесов, среди которых представители Сирии, ОАЭ, Палестины, Израиля, Турции, Германии. В Олимпийском парке в Сочи работали Дом адыга и черкесский двор, представляющие культуру адыгских народов. [11]

Таким образом, представителям радикальной части адыгских (черкесских) общественных организаций не только не удалось воспрепятствовать проведению Олимпиады, но даже организовать ее бойкот со стороны черкесского мира. Это с одной

стороны говорит о слабости и разобщенности адыгского (черкесского) общественного движения, а с другой о плодотворной и результативной работе всех структур задействованных для подготовки и проведения данного спортивного мероприятия, которые смогли организовать грандиозное спортивное мероприятие.

Олимпийские зимние игры 2014 года полностью оправдали и превзошли ожидания подавляющего большинства (94%) жителей России – об этом свидетельствует данные социологического исследования, проведенного в апреле 2014 года. 75% россиян уверены, что значимое наследие, которое оставили после себя Игры в Сочи, будет работать на благо страны еще долгие годы. Большинство россиян полагает, что Игры в Сочи способствовали формированию в стране чувства национальной гордости (81%). [12]

Сейчас уже очевидно, что организаторам масштабной информационной компании и исторических спекуляций, свидетелями которых были все кто хоть сколько-то интересуется данной проблематикой, не удалось минимизировать положительный эффект проведения Игр в Сочи и подорвать авторитет России на международной арене. Как следствие этого, практически сразу после проведения Игр, а также дестабилизации ситуации в Украине интерес к «черкесскому вопросу» в экспертной среде резко пошел на убыль и материалы затрагивающие «черкесский вопрос» практически исчезли из информационного поля. Уже к декабрю 2013 года две трети интернет-страниц публикующих материалы по актуальным проблемам черкесов на английском языке прекратили свое существование. [13, с.104] В мае 2014 года в России и за рубежом прошли траурные митинги, выставки, шествия, митинги и другие мероприятия, посвященные 150-летию окончания Кавказской войны. Но, даже эта знаковая дата не привела к новому витку актуализации «черкесского вопроса» в информационно-политической плоскости, что еще раз наглядно проиллюстрировало всю политическую ангажированность актуализации данного вопроса.

Между тем, следует отметить, что попытки актуализировать «черкесский вопрос» продолжаются. Более того, этому благоприятствует, сложившаяся к настоящему моменту неблагоприятная для России внешнеполитическая конъюнктура. В День независимости Польши 11 ноября 2014 года черкесские активисты из 10

стран мира направили в адрес высшего руководства этого государства письмо с просьбой признать геноцид черкесов, совершенный Российской империей в ходе и после войны 1763-1864 годов. Инициатором обращения выступила международная организация «Патриоты Черкесии», штаб квартира которой находится в Стамбуле – Турция. [14] В мае 2014 года черкесские активисты уже направляли аналогичное по смыслу обращение в адрес Председателя Верховной Рады Украины. Очень симптоматично, что жителей России из 52 подписавших обращение в адрес руководства Польши – 8, а из 32 подписавших обращение в адрес Председателя Верховной Рады Украины – 3.

События последних лет с очевидностью продемонстрировали:

- актуальность анализа исторических, культурных, политических и прочих процессов, протекавших в среде адыгов (черкесов) и основные проблемные вопросы, которые могут быть использованы против интересов России;
- лояльность российской власти адыгского (черкесского) населения и его готовность жить интересами страны.

С учетом этого российской власти необходимо выстроить работу по анализу и решению проблем стоящих перед адыгами (черкесами), сформировать повестку дня для общественного движения адыгов (черкесов). А научным и экспертным кругам, которые уже проделали большую работу по изучению исторических, культурных, политических и прочих процессов, протекавших в среде адыгов (черкесов), необходимо продолжать свою работу и активно популяризировать результаты своих исследований в обществе, чтобы общество, владея объективной научной информацией, было менее восприимчиво к историческим мифам и фальсификациям.

Радикальная часть адыгского (черкесского) общественного движения осознав свою слабость, сосредоточилось на инициировании массового притока адыгов (черкесов) извне, главным образом из Сирии. Эта деятельность нашла понимание и поддержку за рубежом. В частности, в Канаде была создана и начала действовать Международная черкесская организация поддержки репатриации. Работа Международной черкесской организации поддержки репатриации будет заключаться в привлечении юристов и специалистов в международном и российском законодательстве,

а также помохи в приобретении жилья и адаптации в новых условиях. [15]

Можно предположить, что расчет строится на том, что переселенцы, выбитые из привычного ритма жизни, часто материально нуждающиеся, попав в иную культурную и языковую среду (переселенцы из Сирии часто не знают не только русского, но и черкесского языка) будут очень восприимчивы к мифу о «генocide» черкес, а также манипуляциям разного рода и превратятся в политический инструмент для ангажированных политических и общественных деятелей. В случае их «правильного» расселения возможно создание компактного ареала проживания адыгов (черкес) в западной части Северного Кавказа, что вполне может позволить призывам о создании единого субъекта Российской Федерации на землях исторической Черкесии зазвучать с новой силой.

Российской власти и обществу нужно осмыслить опыт актуализации «черкесского вопроса» в контексте подготовки и проведения XXII зимних Олимпийских игр в городе Сочи, а также организовать системную работу с адыгским (черкесским) миром в России и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов Р.Ш. Черкесский вопрос: осмысление содержания дискурса // Черкесский вопрос в России в конце ХХ начале ХХI веков: геополитические легенды и историческая память: сборник материалов круглого стола. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С.61-72.
2. Колесов В.А. «Черкесский вопрос» и адыги» // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С.118-121.
- 3.Черкесы помогут Грузии сорвать Олимпиаду? // Кавказская политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://kavpolit.com/cherkesy-pomogut-gruzii-sorvat-olimpiadu/>.
4. Оразаева Л. Делегация адыгов зарубежья одобрила подготовку Олимпиады в Сочи // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/231844/>.
5. Инал-Ипа А. Сочинская Олимпиада и обострение черкесского вопроса // Apsny Online. [Электронный ресурс]. URL: <http://m.apsny.ru/analytics/?ID=6764>.

6. Сирийские черкесы как оружие националистов // Большой Кавказ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bigcaucasus.com/events/world/17-07-2013/84688-circassian_caucasus-0/.

7. Замглавы Департамента внутренней политики Кубани назначен вице-президент Международной черкесской ассоциации // ЮГА.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yuga.ru/news/313213/>.

8. Протест в Нальчике: а были ли черкесы? // Кавказская политика. [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/protest_v_nalchike_a_byli_li_cherkesy-290/

9. Капаева А. В Турции В Стамбуле 700 черкесов приняли участие в митинге против Олимпиады в Сочи // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237568/>

10. «Адыгэ Хасэ» призвало гостей Олимпиады в Сочи участвовать в черкесской культурной программе // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237611/>

11. Зарубежные черкесы приедут на Олимпиаду // Кавказская политика. [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/zarubezhnye_cherkesy_priedut_na_olimpiadu-225/

12. Для большинства россиян Игры в Сочи стали важнейшим позитивным событием 2014 года // Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sochi2014.com/novosti-dlya-bolshinstva-rosiyan-igri-v-sochi-stali-vazhneyshim-pozitivnim-sobitiem-2014-goda>

13. Цибенко С.Н. Актуализация проблемных вопросов черкесов России и диаспоры в англоязычных источниках // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 103-112.

14. Просьба признать геноцид черкесов направлена в Польшу в День ее независимости // NatPress – Информационно-аналитическое агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9242>

15. В Канаде создана Международная черкесская организация поддержки репатриации // Информационный ресурс «Си

адыгэ сайт». [Электронный ресурс]. URL:
<http://adigasite.com/archives/3191>

Статья подготовлена в рамках НИР 12.9108.2014 (госзадание Минобрнауки России)

Патеев Р.Ф.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

ПЕЧАТНЫЙ КАПИТАЛИЗМ В ПРОСВЕЩЕНИИ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И СЕВЕРО- ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Концепция «печатного капитализма» связана с именем английского исследователя Бенедикта Андерсона его книгой «Воображаемые сообщества»[1]. В контексте анализа процессов религиозного просвещения в Поволжье и на Северном Кавказе она по новому интерпретирует взгляд на характер развития процессов социальной модернизации этих исламских культурно-цивилизационных центров России. Сам феномен печатного капитализма представлял собой новую форму массового промышленного производства книг, газет и журналов. Такое производство приносило доходы буржуазии и формировало новое пространство массовых коммуникаций.

Печатный капитализм существенно повлиял на систему образования и просвещения через массовое распространение учебной литературы, книжной продукции просветительского характера и периодической печати. Это было характерно не только для западных наций, но и для мусульманских народов Поволжья и Северо-Западного Кавказа, хотя подобные процессы в мусульманских регионах России протекали по-разному и имели свои особенности. Большое значение приобретало возможность массовой трансляции знаний, посредством унифицированного языка.

Известно, что арабская культура и ислам самым серьезным образом оказали влияние на тюрок Поволжья. В начале X века он приникает в Волжскую Булгарию и с этого периода начинает распространяться арабская письменность. Арабский язык являлся языком науки и религии, и функционировал в рамках развития религиозных институтов. В дальнейшем формируется золотоордынский литературный язык – булгарский тюрки, который со второй половины XIV века становится официальным. С помощью арабской вязи на нем написаны многие памятники старотатарской литературы [2, сс. 47-50.]. Арабская письменность становит-

ся основой для татарского языка и применяется вплоть 30 годов XX века.

Первоначально значимую роль в передаче религиозной проповеди играл суфизм, ориентированный не столько на массовые технологии обучения, а на индивидуальную связь ученика – мюрида, и шейха - наставника. Для массового религиозного образования значение играло совместное исполнение молитв в джамаате (общине): когда суры Корана, заучивались простым населением наизусть благодаря постоянному звуковому воспроизведению имамом. Вплоть до XVIII в. говорить о массовости образования у тюрок Поволжья можно лишь с существенными оговорками. Только к концу XVIII в. почти во всех татарских поселениях начинают действовать мечети и школы при них, а «к середине XIX в. только в Казанском крае насчитывалось 430 мектебов и 57 медресе»[2, с. 151].

В коммуникативном пространстве образования, значение приобретало распространение джадидизма. Понятие связано с «усулджадид» – новый звуковой метод, который стал формироваться как одна из форм обучения у крымских татар под руководством И. Гаспринского. По сути это была новая технология обучения, ориентированная на массовое образование, основанная на звуковом методе коллективного заучивания. Фактически джадидизм стал подменять суфийскую форму передачи знаний, которая в большей степени была ориентирована на индивидуальный просветительский процесс между шейхом и его учеником (или несколькими учениками). Образовательная систематуркоязычных мусульман Поволжья этого периода разграничивается на старометодное (кадимистское) и новометодное (джадидистское) медресе. Именно новометодные школы начинают играть важную роль в массовом образовании. По материалам земской статистики 1905 г. уровень образованности татар составлял около 20% (умение читать и писать на татарском языке с использованием арабской графики)[2, сс. 161-162].

В 1778 т. типографским способом впервые издается татарская азбука на основе арабского шрифта. Некоторые варианты татарской азбуки переиздавалась 33 раза тиражом до 10 тысяч экземпляров. К началу XX века Казань становится центром книгоиздания. Ежегодный выпуск книг превышал 1000 наименований. Тиражи достигали 3 миллионов экземпляров. Почти полови-

ну изданий были татарские[3]. По обобщенным данным до октября 1917 года для татарского населения Поволжья было издано около 15000 наименований книг, немалую долю из которых составляли учебники[2, сс. 171-172]. Не менее значимым становится развитие татарской периодической печати с конца XIX в. начала XX в. В период 1905 - 1920 гг. общий список татарских газет и журналов насчитывал около 100 наименований[4, сс. 5-323].

Одним из основных отличий Северо-Западного Кавказа от Поволжья является более позднее распространение ислама. В основном, исламизация региона проводилась турецкими султанами и крымскими ханами. В XV-XVII вв. ислам распространяется среди адыгских народов, а позже в XVIII-XIX вв. среди балкарцев и карачаевцев. Следует отметить, что другое отличие мусульман Северного Кавказа от Поволжья - это полиэтничность и полилингвистичность. На северо-западе Кавказа преобладают мусульмане, языки которых относятся к абхазо-адыгской группе: черкесский, кабардинский, адыгейский и т.д. Обе языковые семьи лингвистами относятся к автохтонным, т.е. возникшим и преимущественно развивающимся внутри региона. К языкам имеющим внешнее происхождения относятся языки мусульман тюркского происхождения: балкарцы, карачаевцы, ногайцы и т.д. Доля тюркского населения в регионе уступает адыгским народам.

В отличие от Поволжья, где система религиозного образования к началу XX в. уже разделялась на новометодную (джадидистскую) и старометодную школу, на Северо-Западном Кавказе новометодные школы не получили широкого распространения. Исследователями отмечается то, что джадидистские взгляды в основном распространялись в среде тюркоязычного населения. Причина провала джадидизма на Северном Кавказе небезосновательно связывается как с неразвитостью капиталистических отношений среди местных мусульман, так и с отсутствием связей горцев с мусульманами Крыма и Поволжья[5, сс. 17-18].

Полиэтничность региона создавала языковую проблему, т.е. возможность ознакомится с взглядами просветителей, которые в Российской империи в подавляющем большинстве писали на тюркском языке. Попытки создания адыго-черкесской письменности на Северо-Западном Кавказе на основе арабской, так и латинской графики предпринимались неоднократно. В 1814 г. Шеретлук Хаджи составил первый в истории основанный на араб-

ском письме адыгский алфавит. В 1853 году адыгский просветитель Берсей Умар составил и издал первый «Букварь черкесского языка» (на арабской графике). Однако широкого распространения он также не получил. В 1918 г. был создан алфавит на основе азбуки жившего в Османской империи Мухаммеда Пчегатлука. Другая адыгская азбука и букварь на основе арабского была создана в этом же году Ахмедом Бекухом и литографирована в г. Екатеринодаре[6, с. 14].

С включением части Северо-Западного Кавказа в состав Османской империи на его территории в XV-XVII вв. появляются османские медресе. Однако они не оказали заметного влияния на становление системы религиозного образования на Северо-Западном Кавказе. В дальнейшем, на ситуацию оказывала влияние Кавказская война, отодвинувшая на «задний план» проблемы образования. Однако ее окончание существенно не изменило ситуацию. По данным переписи 1897 г. грамотность среди населения Кабарды составляла всего 3,2%, Балкарии - 1,4%, Адыгеи - 7%, Карачая - 4,6%[7, с.342-343]. Новометодные школы были открыты у адыгов только в 1909 – 1913 гг. представителями диаспоры Сирии и Турции. Тем не менее, число школ и учеников было не велико. В 1912 – 1913 гг. в шести новометодных школах Екатеринодарского отдела обучалось 450 учеников-адыгов[8]. Число мусульманских образовательных учреждений после революционных событий 1917 года начало сокращаться. В Карачаевской области некоторое время существовало 3 мектеба с 25 учениками, а в Черкесии 5 примечетских школ с 75 учащимися. В Кабардино-Балкарии к 1927 г. мусульманские образовательные учреждения отсутствовали вообще, в связи с их полным закрытием[9, с. 111]. Развитие просвещения в советский период также шло медленно. По некоторым данным к 1926 г. грамотность в Адыгее составляла примерно 12%, в средекабардинцев - 6,8%, черкесов - 16,9%[10, с.136].

Кроме того, на ситуацию оказывало влияние медленное развитие периодической печати. Первая черкесская газета выходит в Турции, в начале XX века. Газета «Гъуазэ» издавалась представителями диаспоры в Стамбуле непродолжительное время с 1911 по 1914 гг. Лишь в 1924 г. выходит черкесская газета под названием «Адыгэ ПсэукІэ» (Адыгская жизнь), которая сначала печатается на основе арабской графике, затем с использованием латинского

алфавита. С использованием арабского алфавита вышли и первые адыгейские газеты – «Красная Кубань», «Советская Кубань», «Адыгэмахъ» (Голос адыга), «АдыгэпсэукI» (Адыгейская жизнь). В течение 1924–1927 гг. на основе арабской графики было напечатано 25 книг тиражом 68 475 экземпляров[11]. В данный период содержание подобных газет и изданий носило религиозного характера. После 1927 года всея языки перешли на латинскую графику, а система образования начала развиваться по советским стандартам.

Таким образом, теория печатного капитализма, в общем, отражает тенденции развития просвещения у мусульманского населения Поволжья и Северо-Западного Кавказа. Развитие печатного капитализма существенно изменило характер системы религиозного просвещения. Суфизм был нацелен скорее на индивидуальное образование, где важным звеном было взаимоотношение шейха и его ученика. Печатный капитализм и становящаяся система новометодного просвещения в Поволжье, основанная на звуковом методе, предавала образованию массовость.

Особенности развития просвещения на Северо-Западном Кавказе существенно отличалось от Поволжья. В Поволжье единое языковое пространство способствовало активному развитию процессов просветительства, то на Северном Кавказе полилингвистичность становилось проблемой для создания единого коммуникационного пространства для мусульманского населения. Это влияло на развитие печатного капитализма, поскольку сам спрос на печатную продукцию видимо был не высок, и не покрывал расходы на ее производство. Сказывалась проблема создания письменности для народов Северо-Западного Кавказа, что существенно снижало возможности функционирование рынка печатной продукции. Данные проблемы отражались и на системе просвещения, в частности, на проблеме распространения новометодных школ. Поэтому уровень грамотности населения Северо-Западного Кавказа в рассматриваемый период оставался не очень высоким, а массовый характер системы образования получает только в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2001 г.
3. Шевелева Д. Книгопечатание на татарском языке [Электронный ресурс]. Адрес: <http://www.iske-kazan.ru/62-a-nachalos-s-petrovskogo-manifesta> Дата обращения: 25.12.2014.
4. Рами И. Даутов Р. Эдэбисузлек. Казань, 2001.
5. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе // Вестник Евразии. 2003. №2.
6. Неугасимый свет Ислама: Возрождение Ислама в Республике Адыгея и Краснодарском крае / Отв. редактор Емиж Н.М. Майкоп, 2011.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917г.). М., 1988.
8. Нефляшева Н. Республика Адыгея - проблемы реисламизации. Аналитическая записка. [Электронный ресурс]. Адрес: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Нефляшева%20Н.%20-%20Республика%20Адыгея%20-%20проблемы%20реисламизации.%20Аналитическая%20записка.pdf> (Дата обращения: 25.12.2014).
9. Кратов Е.В. Ислам в Северо-Кавказском крае (1924-1934 гг.) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. №1.
10. Хамирова З. Борьба за язык (Проблемы становления и развития чеченского языка). Сборник статей: Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
11. Нефляшева Н.А. Ислам на Северо-Западном Кавказе в региональном измерении: Адыгея.[Электронный ресурс]. Адрес: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?447#link30> Дата обращения: 25.12.2014.

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Добрина Е.А.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА ПОСРЕДСТВОМ САЛАФИТСКИХ САЙТОВ

Салафизм является большой проблемой для Северо-Западного Кавказа. Существуют различные пути проникновения и распространения идей салафизма на территории данного региона, в том числе посредством Интернета, а в частности посредством салафитских сайтов, форумов и групп в социальных сетях, получивших в последнее время большое распространение в русскоязычном сегменте сети Интернет.

Интернет является средством глобализации. При помощи различных Интернет ресурсов реализуются такие характерные для процесса глобализации аспекты как:

- Размытие территориальных и временных границ
- Свободное перемещение идей, мнений, обмен информацией.
- Упрощение идей.

Интернет также предоставляет любой системе, в том числе и салафизму, следующие возможности:

- Постоянно увеличивать ареал распространения своих идей.
- Постоянно увеличивать количество новых приверженцев.

Далее, на примере работы конкретных салафитских сайтов, можно продемонстрировать, как салафиты посредством Интернет ресурсов создают и распространяют свое видение ислама и представляют его как стандартизированную религиозную систему, общую для всех мусульман.

В качестве основной цели работы ресурсов салафитской тематике указана ознакомительная, просветительская и образовательная деятельности [1].

Для реализации этих целей сайты предлагают всем русско-говорящим пользователям сети Интернет разнообразную информацию: салафитские книги, такие разделы как «биографии лучших», «праведная мусульманка», «родители и дети», фетвы и различные аудио- и видео материалы, так же на некоторых сайтах пользователям предлагается такая традиционная арабская форма

обучения, как «вопрос-ответ» [2]. С той разницей, что ищущий знания человек не обращается к учителю вживую, а использует для этого возможности Интернета. Он отправляет на сайт свой вопрос, «учитель» отвечает на него, а затем и вопрос и ответ публикуется на сайте. Таким образом, все вопросы и ответы доступны всем пользователям сети Интернет.

Для изучения проблемы создания на салафитских сайтах унифицированного образа ислама образовательный ресурс «вопрос-ответ» был выбран по следующим причинам:

1. Интернет это способ создания виртуального мира и попытка его трансформации в реальность. Изучение информации на сервисе «вопрос-ответ» является не только возможностью узнать, какие вопросы возникают у русскоговорящих мусульман, что именно их интересует или является непонятным, но также проследить какие ответы работники сайта дают пользователям в соответствии со своими салафитскими взглядами, то есть какую виртуальную салафитскую реальность создают и далее распространяют подобные сайты.

2. Популярность данного вида общения и обучения. Так, на сайте <http://salyaf.ru> в свободном доступе для всех пользователей находится около 5500 тысяч вопросов и ответов [3]. Сервис начал свою работу с января 2012 года и функционирует до сих пор, то есть такое количество вопросов поступило на сайт меньше чем за три года.

Что касается пользователей, целевой аудиторией, на которую в первую очередь распространяется влияние салафитских сайтов, то это в большинстве своем молодежь. При изучении, вопросов, которые были отправлены на сайт, у меня сложилось ощущение, что далеко не все «ищущие знания» понимали, на какой именно сайт они обращаются за помощью. Поскольку было большое количество вопросов, начинавшихся с такой мысли, «у меня вопрос, я не знаю к кому мне обратиться за разъяснением, у кого спросить» [4]. Однако были пользователи, которые целенаправленно обращались именно на салафитский сайт и указывали, что религиозные деятели, которые существуют в их окружении для них авторитетами не являются, а таковыми являются сотрудники салафитских сайтов.

Что касается «учителей», то пользователю, кроме их имен, как правило, ничего не известно. На сайте, не представлена ин-

формация о том, что за люди наставляют мусульман, кто они, где живут, какое образование получили, под чьим руководством обучались – то есть стандартный для арабской традиции обучения набор информации об учителе.

Далее следует примеры вопросов и ответов, демонстрирующих как и какое видение ислама распространяется посредством деятельности салафитских сайтов.

1. Так, девушка задала на сайт <http://salyaf.ru> следующий вопрос: «Дело в том, что приближается время ЕГЭ, можно ли взять сами тесты заранее которые будут на экзамене, и самой прорешать, без подсмотров и спрашиваний, не платя взяток за них? Дело в том, что все в моей местности покупают эти ответы, и сами тесты, и будут сложности с поступлением у меня. Ответьте, пожалуйста. Да благославит вас Аллах!»¹ и получила следующий ответ: «Ученые определяют такое дело - подлогом и обманом, но, в данном случае это не обман, а испорченность системы образования, если сама система продает такие шпаргалки... Ученые это называют "повсеместным грехом" от которого трудно избавиться и избежать в силу укорененности». Что касается желания девушки получить образование, то учитель говорит следующее: «Так же должна брать во внимание пользу и вред, если вреда больше от всего этого, чем пользы, вам следует оставить это, притом, пользу от вашей учебы должна быть учтена как для вас самих, так и для Ислама и Мусульман, если вы позиционируете себя мусульманкой, и спрашиваете вопрос у мусульман. Учитываются так же альтернативные возможности, если есть вузы, где баллы егэ не совсем важны (я не разбираюсь в этой системе) то, вы должны переходить на другую» [5]. На данном примере видно, что «учителя» не разбираются в российской действительности (не знает что такое ЕГЭ), а по тому, как Али абу Хамза описывает современную ситуацию в Египте, можно сделать вывод, что он живет именно в этой стране. Данний пример иллюстрирует возможность перемещения идей, людей и мнений во времени и пространстве: при помощи Интернета человек, находящийся предположительно в Египте, имеет возможности обучать русских мусульман его видению ислама.

¹ Здесь и далее в цитатах орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

2. «Брат, очень важно! Если кафир четко произносит «ассаламу алейкум» разрешается ли отвечать полностью «ва алейкум ассалям»? На что работник сайта Абу Абдалла ответил: «Фетва ибн Усаймина на том (как помнится мне сейчас), что хватает сказать "ва алейкум", и ограничиться на этом» [6]. Однако спрашивающий задал еще один уточняющий вопрос: «Брат, извини что надоедаю, я тебе скопирую его фетву, ответь, пожалуйста достоверно ли это? Шейх Мухаммад ибн Усеймин сказал: «Если кафир приветствует мусульманина, четко произнося: «Ассаламу алейкум» (Мир вам), то следует ответить: «Ва алейка салам» (И тебе мир). Но, если не четко, то нужно ответить: «Ва алейк» (И тебе)», и на этот второй вопрос «учитель» отвечает: «Да, действительно фетва Шейха на этом, однако то, что я сказал мнение большинства» [7]. Данный пример демонстрирует, что «учитель», прикрывшись невозможными для уважаемого арабского богослова словами «как помнится мне сейчас», трактует фетву ибн Усаймина так, как выгодно ему и далее оправдывает свой неточный ответ тем, что это мнение большинства. Он не указывает, что это за большинство, кто считал, что это большинство и тд. Апогеем данного стиля работы является следующий вопрос: «Разрешен ли в исламе самоподрыв? Если можно поподробней», на что спрашивающий получает краткий ответ: «Некоторые ученые разрешили при определенных условиях» [8]. Какие некоторые ученые, в каких именно ситуациях, и как самоподрыв может быть разрешен? На примере этого ответа видно, как происходит упрощение изучаемого предмета и искажение арабских традиций. Так во всех ответах, а не только в приведенных выше, нарушается принятая в арабском мире традиция ссылки на источники получения информации. В ответах ни разу не прозвучала информация о том, из каких источников «учитель» берет информацию и на каких основаниях делает те или иные выводы.

3. Вопросы взаимоотношения с представителями иных конфессий или иных направлений в исламе. Можно привести следующие вопросы и ответы на них: «Брат, в интервью с Халидом Ясином и Абу Умаром Халид Ясин говорит, что шииты мои братья, как это понимать, как могут шииты быть нам братьями, поясните, пожалуйста». На что Абу Абдалла отвечает: «Интервью я не смотрел, однако шииты никогда не были и не могут быть нашими братьями. Кафиры или умалишенные, третьего им не дано» [9]. «Ахи,

такой вопрос: запрещено ли пользоваться крестиками по работе? (кладки кафели)», ответ: «Как я понял эти крестики - те, что ставятся по углам, для того, чтобы сохранить нужное расстояние между плиткой. Думаю, что нет в этом ничего зазорного и противоречащего по Шариату. Особенно потому, что потом по этим крестикам ходят» [10].

Ознакомившись с вопросами и ответами, можно сделать следующие выводы:

- Салафиты успешно освоили интернет-пространство, и посредством деятельности сайтов имеют возможность распространять свою идеологию.

- Не учитывая не местных и арабских традиций на салафитских сайтах создается виртуальный образ единой мусульманской общины, где салафиты являются единственными правильно понимающими и исполняющими ислам мусульманами. Эта виртуальная мусульманская община живет вне границ «немусульманских» стран, там не нужно платить налоги, следовать законам, но разрешается пользоваться ее благами, в том числе и самим Интернетом. Также связующим языком между представителями данной мусульманской общины является русский язык, без использования которого члены уммы друг друга просто не поймут.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://islam-salafi.ucoz.net>. [Электронный ресурс]. URL: <http://islam-salafi.ucoz.net>. (дата обращения 11.10.2014).
2. <http://islam-salafi.ucoz.net>. [Электронный ресурс]. URL: <http://islam-salafi.ucoz.net>. (дата обращения 11.10.2014).
3. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/1>. (дата обращения 10.11.2014).
4. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/1>. (дата обращения 10.11.2014).
5. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/index/13?p=2>. (дата обращения 10.11.2014).
6. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс].

URL: <http://salyaf.ru/faq/index/1?p=11>. (дата обращения 10.11.2014).

7. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/index/1?p=8>. (дата обращения 10.11.2014).

8. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/index/1?p=15>. (дата обращения 10.11.2014).

9. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://salyaf.ru/faq/index/1?p=9>. (дата обращения 10.11.2014).

10. Вопросы и ответы // Ислам в Дагестане. Salyaf.ru. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: salyaf.ru/faq/index/1?p=5. (дата обращения 10.11.2014).

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Адиеv A.3.

*Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону*

ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская – две «спаренные» республики, расположенные на Северо-Западном Кавказе, в каждой из которых в той или иной степени актуальны звучные проблемы общественно-политического характера. Среди множества факторов дестабилизации ситуации в регионах Северо-Западного Кавказа наиболее характерными и специфичными для этих республик являются на наш взгляд проблемы связанные с: конкуренцией этнических групп за доминирование и привилегии "титульных" этносов; земельными спорами; "черкесским вопросом" и фактором депортаций 40-х годов XX века.

Этностатус. Одной из "вечных" проблем многонациональных республик Северного Кавказа является вопрос этностатуса: борьба за привилегии "титульного" этноса, а также проблема "справедливого" или пропорционального представительства этносов в органах государственной власти субъектов федерации и в органах местного самоуправления. Общественности республик внимательно следят за расстановкой кадров по ключевым должностям, следят за тем, кому достаются "хлебные места" и не оказался ли обделенным тот или иной этнос. По этому поводу местные журналисты и политологи внимательно отслеживают и подробно расписывают расклад сил и этническую принадлежность членов региональных правительств, депутатов парламентов и даже руководителей территориальных управлений федеральных органов исполнительной власти. Полученные сведения сопоставляются с данными последней Всероссийской переписи населения по региону, где высчитываются процентные соотношения "титульных" народов, которые должны отражать соотношение, к примеру, кабардинцев и балкарцев (а также русских) в составе органов власти Кабардино-Балкарской Республики (КБР), или карачаевцев, черкесов, абазинов и др. в руководстве Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). Несоответствие в процентных со-

отношениях создает повод для возобновления этнополитического дискурса в кругах этнически ориентированной местной интеллигенции и политиков оказавшихся в оппозиции к действующей региональной власти.

В КЧР основная политическая борьба протекает внутри карачаевских политических кругов, в то время как "черкесские", "абазинские", "русские" или "ногайские" голоса нужны местным политикам лишь для легитимации власти. Как пишут Л.В.Кубанова и Е.А.Щербина "*С 2001 - по 2012 гг. произошло заметное увеличение доли карачаевцев в составе органов власти*". [1, с. 45]. Далее они приводят цифры о процентном соотношении основных этнических групп в составе Правительства КЧР (карачаевцы - 48,5%; русские - 27,3 %; абазины - 12,1 %; черкесы - 9,1 %; ногайцы - 3 %), а также этнический состав руководителей территориальных управлений федеральных органов исполнительной власти и регионального парламента текущего созыва, демонстрирующее по их оценкам усиление позиций во властных структурах республики карачаевского этноса, составляющего по данным переписи 2010 года около 41 % населения региона.

В политико-экономической жизни КБР доминируют кабардинские политики и бизнесмены, но для легитимности региональной власти в глазах местной общественности в ней должны сохраняться "балкарские" места. Как пишут исследователи из КБР "*Приход к власти в КБР А. Б. Канокова практически с самого начала вызывал подозрения и опасения, поскольку в балкарском общественном мнении сложилось представление о нем как о «кабардинском националисте». Отчуждение нарастало и в дальнейшем, а с осени 2008 года приобрело открытую и острую форму. Некоторые маневры, предпринятые им по сближению с объединенной «кабардино-балкарской» оппозицией в конце 2012 – начале 2013 года не дали устойчивого результата, и его отставка в конце 2013 года воспринимается многими как победа балкарского национального движения*". [2, с. 94].

По оценкам региональных экспертов со сменой власти в республике с начала 2014 года наступила фаза позитивных ожиданий с точки зрения взаимоотношений республиканской власти и общества. Среди этих ожиданий наиболее знаковым выделяется изменение отношения руководителей балкарского национального движения к первому лицу в республике. От него ожидают «реше-

ния проблем балкарского народа». Публичным проявлением возможного развития в этой сфере стал традиционный митинг, прошедший 8 марта 2014 года в связи с очередной, 70-й годовщиной депортации балкарского народа. Дело не столько в том, что Ю.А. Коков принял участие в митинге, а в том, что ведущую роль в его официальной части играло руководство Совета старейшин балкарского народа, который в прежние годы проводил свой оппозиционный митинг по завершении официальной части мероприятия.

На уровне местного самоуправления ситуация с вопросом этностатуса сложнее. Большинство предгорных и равнинных районов северокавказских республик на сегодняшний день имеют смешанный состав населения. Однако это не значит, что в вопросах о границах муниципальных образований на Северном Кавказе не присутствует этнический фактор. Достаточно сказать, что одним из требований радикальной части балкарского национального движения в Кабардино-Балкарии является восстановление в полном объеме районов, в которых балкарцы проживали до депортации 1944 г. (в настоящее время один из четырех этих районов ликвидирован).

Главами органов местного самоуправления и в КЧР и в КБР являются представители наиболее многочисленных этнических сообществ, проживающих на территории возглавляемых ими муниципальных образований. В 2006-2007 гг. в КЧР образованы два новых района - Абазинский и Ногайский. Районы являются муниципальными, но в общественном мнении воспринимаются как национальные, так как образованы на территориях компактного проживания соответствующих этнических групп, чьи этнонимы вынесены в название районов.

Ногайский район КЧР включил в себя все села, в которых проживают ногайцы, кроме села Кизилюрт, находящегося в Хабезском районе. В Абазинский район вошло пять абазинских сел из 13. Включить в район все или хотя бы большинство абазинских сел не представлялось возможным, поскольку в таком случае район оказался бы состоящим из нескольких не граничащих друг с другом территорий, что не разрешается российским законодательством. Абазинские села Карабаево-Черкесии характеризуются достаточно большим территориальным «разбросом» и от-

делены друг от друга территориями, населенными другими народами.

С одной стороны создание районов соответствовало политике федерального центра по сохранению малочисленных народов России, так как абазины - единственный народ в КЧР, входящий в перечень коренных малочисленных народов РФ. С другой стороны, созданием национальных районов в КЧР был инициирован этнополитический прецедент с конфликтогенной составляющей - территориально-административной сегментацией населения по этническому принципу, акцентируя этническую, а не гражданскую идентичность местного населения. Хотя создание, например, Ногайского района КЧР шло в условиях весьма благоприятных межэтнических отношений, сложившихся исторически, даже здесь дали о себе знать опасности, которые присутствуют в самой идее формирования новых административно-территориальных единиц по национальному признаку. Как пишет К.И. Казенин, "оно как минимум натолкнулось на следующие проблемы:

1) После официального раздела районов отдельного урегулирования потребовал вопрос об использовании жителями нового района социальных учреждений, некогда обслуживавших единый район.

2) Земельные споры между селами, оказавшимися после раздела в разных районах, отражаются на отношении населения к разделу района, вызывают претензии по поводу того, как именно, то есть по каким границам, районы были разделены" [3, с. 126]. Таким образом, в процессе разделения районов, проведения границ практически неизбежно возникают технические трудности, которые способны ухудшить общественный климат на территории, где это разделение осуществляется.

Земельный вопрос. Вопрос о земле в последние годы стал основным фактором этнополитической напряженности в Кабардино-Балкарии, где региональный парламент в 2011 г. принял закон о землях отгонного животноводства по примеру дагестанского опыта, закрепив за этими землями статус республиканской собственности. Этим недовольны сельские общины, вынужденные теперь арендовать земли вокруг своих поселений, которыми исторически пользовались без должного оформления прав землепользования. Балкарские сельские общины видят в этих реформах ущемление этнических интересов, считая, что закон не за-

tronул земельный фонд кабардинских поселений, и в целом обвиняя региональную власть в этническом протекционизме в пользу кабардинцев.

Вопрос землевладения и землепользования исторически имел тенденцию перерастать в Кабардино-Балкарии в вопрос территориальный – вопрос о разграничении Кабарды и Балкарии. Нынешний цикл актуализации земельных и территориальных проблем открылся в начале 1990-х годов. Основа для столкновения интересов, по мнению местных исследователей, создана сложившимся в республике порядком, когда фактический развал подавляющего большинства прежних коллективных хозяйств и совхозов не сопровождался выделением земельных паев. Распоряжение ими было передано сельским и районным администрациям, был наложен длительный (до 2053 года) мораторий на куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения, а главным механизмом доступа к земле для хозяйствующих субъектов стала аренда [2, с. 92]. Официальные власти республики длительное время избегали принятия определенных решений в области земельных отношений, считая эту тему крайне сложной и взрывоопасной. В результате, часть населения Кабардино-Балкарии приступила к «самостийному» решению земельных проблем создавая новые линии напряженности. Линии напряженности в земельных отношениях пролегают:

- между массой сельского населения и «олигархическими» чиновничьи-предпринимательскими кланами, в руках которых сосредотачиваются на условиях долгосрочной аренды значительные площади земель в равнинных частях «кабардинских» районов;
- между балкарскими селами и крупными коммерческими структурами, к которым причастны высокопоставленные чиновничьи группы, из-за контроля над горными территориями с курортно-рекреационным потенциалом;
- между соседствующими кабардинским и балкарским селами в связи с хозяйственным использованием тех или иных участков.

Эксперты отмечают, что межнациональные отношения и земельный вопрос относятся к первоочередным задачам, которые придется решать новому руководителю региона Ю.А. Кокову,

который уже высказал мнение, что в "вопросах аренды земли в районах республики существуют перекосы" [4].

Обостряется земельный вопрос и в Карачаево-Черкесии, особенно в Зеленчукском и Урупском районах, где русские стражи болезненно реагируют на активную миграцию карачаевцев в их села, что приводит к изменению форм хозяйствования на селе, бытовым проблемам и конфликтам на этнической почве. Противоречия между группами периодически приобретают характер противостояния, множатся земельные споры перерастающие периодически в массовые молодежные драки. Между тем, в отличие от КБР и других многонациональных республик Северного Кавказа в КЧР с началом перестройки не накладывался мораторий на куплю-продажу земель сельскохозяйственного значения, и многие споры решаются в частном порядке.

Фактор репрессий 40-х годов. Одним из факторов. В обеих республиках проживают народы, пережившие сталинские репрессии, наложившие глубокий отпечаток на этническое самосознание депортированных этнических групп и характер взаимоотношений их с соседними народами. В КБР – это балкарский народ, депортированный 8 марта 1944 года. Общее число депортированных составило 37 044 человека, не считая 562 человек, умерших в дороге [5, с. 125]. Статус «спецпереселенцев» был снят с балкарцев указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 апреля 1956 г. 9 января 1957 г. была восстановлена Кабардино-Балкарская АССР, причем ей были возвращены земли, переданные в 1944 г. Грузии. К 1959 г. на родину вернулся 81% балкарского населения. Однако расселение балкарцев после депортации не вполне копировало их расселение до 1944 г. Не была полностью восстановлена структура балкарских районов, в некоторые села было запрещено возвращаться, и народ утратил часть своих земель.

До перестройки тема сталинской депортации балкарцев входила в число запретных. Поэтому в конце 1980-х гг., с наступлением гласности, пробуждение балкарского самосознания выразилось в первую очередь в публичном поминовении трагедии 1944 года. Первые стихийные траурные мероприятия в годовщину депортации – 8 марта – прошли в центре Нальчика, а также в Тырныаузе в 1988 г.

Фактор депортации играет определенную роль в общественно-политической жизни КБР, где балкарская общественность требует, как минимум уважения к народной памяти, к скорбной дате. Но были и другие требования от имени национальных движений балкарцев желавших воссоздать автономную Балкарию. Так, в декабре 1991 года Национальным советом балкарского народа (НСБН) был проведен референдум среди балкарского населения КБР, завершившийся поддержкой проголосовавшими курса на раздел республики и образование Республики Балкария в составе РСФСР. Тему раздела поднимали и кабардинские национальные организации. Сложность ситуации состояла в том, что глава республики, кабардинец Коков противостоял в этом вопросе в первую очередь именно кабардинским национальным организациям. Влияние последних в республике сильно пошло вверх с началом грузино-абхазской войны в августе 1992 г.: кабардинское движение «Адыгэ-Хасэ» организовывало отправку добровольцев в помощь абхазам – народу, родственному кабардинцам. Эта деятельность оказалась в центре политической жизни Кабардино-Балкарии, и на ее волне в сентябре-октябре кабардинские активисты предприняли ряд массовых политический акций с целью смены власти в республике. Коков, однако, устоял, заручившись поддержкой практически всех городов и районов Кабардино-Балкарии, и после этого кризисного для себя момента уверенно наращивал свое влияние в республике, не позволив национальным движениям разделить регион по национальному принципу.

С начала 2000-х гг. стало понятным, что в общеполитическом плане вопрос об отделении Балкарии утратил какую-либо актуальность: на прошедших в январе 2002 г. президентских выборах действующий президент КБР Валерий Коков получил поддержку, в том числе и в балкарских районах. А усиление федеральной власти на Северном Кавказе сделало нереалистичными идеи создания в этом регионе новых субъектов.

Карачаевцы в отличие от балкарцев не ставят перед региональной и федеральной властью каких-либо политических требований связанных с депортацией их в ноябре 1943 года. Не желают они и отделяться в обособленный Карачай, поскольку они итак доминируют в структурах государственной власти в КЧР. Вместе с тем, карачаевцы стараются не дать теме депортации затухнуть,

выдвигая периодически требования о культурной реабилитации своего народа или поднимая вопрос о материальной компенсации за депортацию.

"Черкесский вопрос". Если тюркские народы КБР и КЧР актуализируют в своих регионах проблемы связанные с депортациями 40-ых гг. ХХ в., то общественность адыгских народов этих республик (кабардинцы и черкесы) поднимают вопрос полуторовековой давности, трактуя историю и итоги Кавказской войны для своих этносов категорией геноцида. Эта тема стала называться в кругах специалистов «чертесским вопросом», которая актуализировалась в регионах российского Кавказа в связи с подготовкой и проведением в г. Сочи зимних олимпийских игр в 2014 году.

«Черкесский вопрос» в его современной форме был поставлен на волне подъема национальных движений в начале 1990-х годов, а в 2004-2007 годах он вступил в активную и острую фазу своего развития и неизменно присутствует в региональном, российском и международном информационном пространстве. Он остается также реальностью общественной жизни как содержание социальной активности определенных групп, как предмет публичных дискуссий. Набор публичных акций, которые можно рассматривать как проявления этнической мобилизации вокруг конкретных целей или в ответ на те или иные события, концентрируется вокруг двух событий, весьма существенных для оценки природы и развития «чертесского вопроса» – Олимпийских игр в Сочи (февраль 2014) и 150-летия окончания Кавказской войны, с которой связывается генезис и содержание современного «чертесского вопроса» (май 2014).

7 февраля в Нальчике прошла акция против Олимпиады в Сочи. Колонна из нескольких машин передвигалась по городу с черкесскими флагами и флагами с надписями: «Сочи – земля геноцида». Примерно в 14.00 участники акции собрались на Площади 400-летия присоединения Кабарды к России. Акция была весьма немногочисленной и вскоре была пресечена. Практически все ее участники, около 30 человек, были задержаны [6].

30 марта состоялось заседание исполнкома Международной черкесской ассоциации в Нальчике. На нем были обсуждены итоги Олимпиады в Сочи. Была выражена единодушная удовлетворенность успешным ее проведением. Сообщалось об одобрении

того, как была организована ее культурная программа, как в ней был представлен черкесский компонент. Наряду с этим Президент МЧА Х.Х. Сохроков заявил в связи с предстоящим 150-летием окончания Кавказской войны о том, насколько важно «объективное, справедливое отражение исторической правды и того, что произошло», «мы не имеем претензий по поводу войны к ныне живущим. Но мы хотим, чтобы правду сказали один раз». Тогда же стартовала акция «Лента памяти» – было объявлено о начале сбора средств для выпуска «лент памяти» к 150-летию окончания Кавказской войны [7].

22 апреля в Нальчике, в Кабардино-Балкарском госуниверситете прошел форум черкесской молодежи. В его работе приняли участие около ста человек, 47 из которых – представители зарубежных диаспор – Сирии, Иордании, Израиля, США, Турции и ОАЭ. На форуме обсудили вопросы участия черкесской молодежи в сохранении и популяризации традиционной адыгской культуры и проблемы, возникающие в диаспорах в этой связи [8].

25 апреля, вечером, в Нальчике на площади Абхазии прошли мероприятия, посвященные Дню черкесского флага. Организаторами мероприятий выступили Координационный совет адыгских общественных организаций республики и черкесские активисты. В мероприятиях приняли участие более 500 человек, в том числе репатрианты, переселившиеся на родину из Турции и Сирии.

21 мая в Нальчике прошло массовое шествие, а затем у мемориала «Древо жизни» состоялся многолюдный митинг, посвященный 150-летию окончания Кавказской войны. В нем приняли участие представители федерального центра, руководители Парламента и Правительства КБР, общественных организаций, национальных культурных центров, религиозных объединений. По одной из оценок в мероприятии приняло участие не менее 6 тысяч человек [9].

Совокупность событий и суждений, фиксируемых в публичном пространстве КБР первой половины 2014 года, по мнению исследователей из Нальчика, обнаружила многослойную структуру дискурса, центрированного вокруг итогов Кавказской войны и «черкесского вопроса». Они выделяют "официальный" дискурс местного руководства, который проявляется в проявлении формальной дани прошлому, признавая трагический характер событий Кавказской войны. Дискурс национальных организаций ис-

следователи делят на "дискурс лояльности" и "дискурс правды". Первого по их оценкам придерживаются "Международная черкесская ассоциация" и "Адыге-Хасэ" КБР. Он в более явном виде констатирует завоевательный характер политики Российской империи на Кавказе, насильственный характер выселения черкесов в Османскую империю, наличие препятствий в реализации стремления представителей зарубежной черкесской диаспоры к возвращению на родину. Но все это выражается в политкорректной форме. Дискурс черкесской идентичности, носителем которого выступает эмоционально и интеллектуально восприимчивая часть кабардинского населения, обозначается исследователями как «дискурс правды». В логике этого дискурса очевидным считается факт истребления и насильственного изгнания подавляющего большинства черкесского населения Кавказа в процессе и в результате его завоевания Россией [2, с. 98].

Данные о публичных акциях, имевших место в Кабардино-Балкарской Республике на протяжении первой половины 2014 года позволяют дать оценку мобилизационного потенциала «черкесского вопроса». Каких-либо массовых акций, имеющих политическую направленность в первой половине 2014 года не было. Публичные выступления и заявления, подобные антиолимпийской акции 7 февраля являлись разовыми и не столь массовыми. Однако новые обстоятельства, связанные с воссоединением Крыма с Россией и ситуацией на юго-востоке Украины воспринимаются отдельными черкесскими активистами сквозь призму параллелей и контрастов с «черкесским вопросом». Поднимаются темы федерализма, самоопределения, статуса национального языка, порядка предоставления российского гражданства черкесам-беженцам из Сирии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. - М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. - 98 с.

2. Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2014 г.). Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишков. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 160 с.

3. Казенин К.И. Элементы Кавказа Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 176 с.

4. Коков: в районах Кабардино-Балкарии допущены перекосы в предоставлении земли, субсидий и грантов Интернет СМИ "Кавказский узел" URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237249/> (дата обращения: 10.11.2014).

5. Полян П. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ – Мемориал, 2001. – С. 125.

6. Канаева А. В Нальчике задержаны 25 участников акции против Олимпиады в Сочи URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237822/> (дата обращения: 10.11.2014).

7. «Мы хотим, чтобы правду сказали один раз» URL: <http://www.gazetayuga.ru/archive/2014/14.htm> (дата обращения: 10.11.2014).

8. Форум черкесской молодежи РФ и зарубежья собрал в Нальчике около 100 участников // Информационно-аналитическое агентство NatPress. URL: <http://www.natpress.info/index.php?newsid=8922> (дата обращения: 27.11.2014).

9. В Нальчике отметили День черкесского флага // Сайт РИА «Кабардино-Балкарская Республика». URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/vnachike-otmetili-den-cherkesskogo-flaga-2584> (дата обращения: 27.11.2014).

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Авдулов Н.С.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Ю. А. ЖДАНОВ ОБ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА КАВКАЗЕ

Чтобы лучше понимать настоящее, современную ситуацию на Кавказе, обычно, как правило, советуют изучать прошлое. Не случайно, когда древнегреческий философ Зенон обратился к оракулу с вопросом «как жить?», тот ответил: «учись у покойников». Действительно, в прошлом содержатся корни, истоки многих современных процессов и явлений. Прошлое представляет колossalный опыт многих поколений в решении жизненно важных проблем, огромный потенциал, неисчерпаемый ресурс для поиска путей дальнейшего улучшения жизнеустройства. Когда обращаешься к далекому и близкому прошлому, невольно возникают вопросы. Зачем мы обращаемся к прошлому? Что мы ищем в прошлом? Чем прошлое может помогать сегодня? Каждый на эти вопросы ответит по-своему, по-разному. И это естественно. Одни могут утверждать, что прошлое неповторимо и ничему не учит. Другие считают, что прошлое предупреждает, сдерживает от повторения ошибок, преступных действий и печальных последствий. Третьи в прошлом ищут образцы мудрости, справедливости и мужества. Каждая из этих позиций заслуживает внимания и может быть принятой в расчет в новых исторических условиях. Прошлое может служить обоснованием как добрых дел, так и новых злодеяний. Во многом это зависит от того, как мы изучаем прошлое, какие цели мы ставим при этом. Для разных целей в прошлом всегда можно найти соответствующие факты, явления, события. В одном случае упор делается на положительном, в другом – на негативном. Чрезмерная концентрация внимания на положительном подрывает доверие к нему, а на отрицательном ведет к его умножению. Прошлое может сближать, роднить людей, а может разобщать, сеять вражду. Чтобы избежать крайностей в изучении прошлого, нужно применить системный, целостный подход, отказаться от фрагментарного подбора фактов и фактиков, использовать весь известный и доступный арсенал научных методов. К истории, к изучению прошлого нужен исто-

рический подход. Убедительным примеров может служить научное наследие Ю.А. Жданова, его работы, посвященные Кавказу. В работе «Солнечное сплетение Евразии» он размышлял «над тем, как же выглядит Кавказ в людской памяти и историческом сознании, что говорят о нем красочные мифы и прагматичные реалии» (1,329). Кавказ для Ю.А. Жданова многие годы был предметом повышенного интереса. Он его изучал по разным источникам, восторгался его природой, всячески участвовал в разработке и реализации важных проектов, связанных с развитием науки, поддерживал деловые и дружественные отношения со многими учеными, поэтами, художниками региона. Много времени он уделял актуальной проблеме единения народов Кавказа. «На протяжении тысячелетий, – писал он, – человечество бьется над проблемой единства, взаимопонимания, содружества» (1,344). Эта проблема, по его мнению, всегда была и остается чрезвычайно важной для Кавказа и в современных условиях, когда «страды национализма бушуют на планете» (1,345). Отметив, что «Кавказ не избежал влияния этих ферментов деструкции», он напоминает о прошлых и современных конфликтах, но упор делает на славных исторических традициях. «На планете не существует региона, – подчеркивал Ю.А. Жданов, – длительно и совместно сотни народов. Армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды и таты, балкарцы и адиги, русские и евреи, аварцы и лезгины, кумыки и даргинцы, греки и украинцы, карачаевцы и осетины, чеченцы и ингуши; в одном Дагестане свыше сорока народов» (1,345). Опыт совместного проживания многих народов Кавказа уникален и поучителен. В нем есть светлые и темные страницы. Он учит тому, как преодолевать барьеры на пути сотрудничества, как любовь к своей земле, к своему народу не переводить в слепой, необузданный национализм. «Коварный, соблазнительный, иногда оправданный необходимостью освободиться от внешнего угнетения, национализм стал главным орудием сил зла и корысти в современном мире. Это давно поняли лучшие умы человечества» (1,344). В этих словах Ю.А. Жданов указал главный источник разобщения и вражды народов. Они подтверждаются ежедневно в наши дни. Под покровом патриотизма порой живет и злодействует ярый национализм. Ведь патриотизм есть глубокое осмысленное чувство любви к своей Родине, к своей культуре, к своему народу, которое неразрывно со-

четается с искренним пониманием и уважением других народов. Без знания, понимания и уважения других наров патриотизм перерастет в национализм, который подпитывается враждебной идеологией и политикой. На пути разжигания национализма серьезной защитой может быть экономическое, социальное и культурное сотрудничество народов, участие в разработке и реализации совместных выгодных масштабных проектов. Общее дело сближает, роднит народы, углубляет понимание друг друга, интегрирует их силы и возможности в деле улучшения жизни людей.

Особенно важную роль в интеграции народов Кавказа Ю.А. Жданов отводил науке, образованию и культуре.

Не случайно, по его мнению, "художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы национальных отношений, сотрудничества и взаимосвязи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы" (1,345). На многих примерах Ю.А. Жданов раскрывает созидательный, конструктивный, творческий потенциал взаимодействия культур разных народов. В процессе такого взаимовлияния культура каждого народа становится богаче, становится площадкой взаимопонимания и сотрудничества народов. Говоря о взаимодействии культур, Жданов отмечал: "нельзя ограничиться лишь взаимным ознакомлением и обменом культурных ценностей, необходимо преодолеть то реакционное, консервативное, что имеется в каждой культуре и только на этой основе осуществлять их синтез" (1, 357). В культуре любого народа есть то, что сближает народы, как и то, что их разобщает. Подлинная культура не совместима с утверждением насилия, подавления, неравенства, агрессий в самых разных проявлениях. ЮА. Жданов разделял мысль Грибоедова о том, что борьба должна вестись на два фронта: "против азиатского, крепостнического деспотизма и против преклонения перед Западом, против пустого, рабского слепого подражания, чужевластья французских мод, английских «клобов», немецких речений" (1, 357). Более того, Ю.А. Жданов отмечая заметную роль в сближении культур народов высоко оценил его знаменательный «Проект учреждения Закавказской компании», в котором была прописана идея – преобразование экономики и развитие производительных сил края, улучшение жизни его населения и на это основе формирование прочного союза народов Кавказа с

Россией. Этот союз возможен был лишь на гуманистической основе и солидарности. Далее Ю.А. Жданов с большим почтением называет последователей Грибоедова, внесших огромный вклад в развитие взаимоотношений культур народов России и Кавказа. "Передовых людей России на протяжении многих поколений волновала мысль: как преодолеть насаждаемые эксплуататорским обществом антагонизмы и противоречия между народами?" (1, 360). Ответом на это стали подвижнические усилия передовых представителей всех народов по сближению, объединению людей. Мечта людей о братстве и дружбе долгие десятилетия пробивала "дорогу сквозь мглу противоречий, недоверие, настороженность, сопротивление темных реакционных сил. Этот опыт – важное, всемирно-историческое достояние человечества" (1, 361).

Среди тех, кто творил такой опыт, по праву занимал достойное место Ю.А. Жданов. Он не только научно исследовал интеграционные процессы, но выступал и активным организатором сотрудничества. Под его научным руководством была разработана Федеральная целевая программа социально-экономического развития Северного Кавказа. Он был инициатором написания Истории Юга России в 8 томах. Вклад его в интеграционные процессы еще не конца изучен в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю.А. Жданов. Солнечное сплетение Евразии. Избранное в 3х томах, том II, Ростов-на-Дону, 2009 г.

Матвеев В.А.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

РОССИЙСКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИ- РОВАНИЯ

Постепенно создались предпосылки и для ослабления цивилизационного влияния зарубежного исламского мира. И. Гаспринский не без основания утверждал, что в России «ветви тюрко-татарского племени делаются ее нераздельной, составной частью», нераздельной частью «обширного отечества». Учитывая складывавшуюся в связи с этим ситуацию, он предсказывал, что России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», с сохранением вместе с тем на международной арене позиций «великой христианской державы» [17, с. 258]. Эта реальность, несомненно, была одним из достижений проводившейся политики. На рубеже XIX–XX вв. цивилизационное тяготение к мусульманскому зарубежному Востоку обретало на северокавказской окраине России все больше признаки остаточного характера.

Хотя в тот промежуток времени «туземное» население оставалось ко всем событиям, происходившим там, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным», а «отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха [4, с 9–10], возможности воздействия этого сопредельного геокультурного ареала на стабильность в регионе не были еще полностью изжиты. Но и влияние сопредельного мусульманского Востока, обретая пережиточные свойства, проявлялось уже значительно слабее. Ранее же религиозная напряженность на Кавказе периодически обострялась и вызывала обеспокоенность у представителей русской администрации.

В 1841 г. существовала, например, угроза восстаний из-за событий в Египте, где произошло массовое выступление против Турции, охватившее многие ее азиатские провинции. В среде «туземного» населения, исповедовавшего ислам, распространялись слухи о близости того момента, когда произойдет победа

«полумесяца над крестом». Это находило отклик тогда у какой-то части мусульманского духовенства. Некоторые его представители во время богослужений, в частности, заявляли: «Мы объединимся и вместе завоюем земли Дагестана, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу, мы изгоним неверных с земель Ислама» [14, с. 166–167]. Подобные настроения на сходах формировали и некоторые старейшены [14, с. 166–167]. Однако в дальнейшем такая зависимость становилась все менее заметной и признаки российской идентичности мусульман Северного Кавказа становились более устойчивыми.

Именно цивилизационное тяготение к мусульманскому Востоку являлось одним из препятствий для интеграции специфических частей края. Об усилении ориентации на российское государственное пространство свидетельствовал и возросший интерес в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам. Причем муллы, видевшие в этом опасность для сохранения своей влиятельности, оказывались не в состоянии, как признавали представители русской администрации в крае, «задержать в значительной степени развитие школьного дела» [6, д. 1229, л. 78]. Особой популярностью пользовались варианты преподавания с участием самих горцев, получавшие все более широкое распространение [6, д. 1229, л. 78].

Так, в служебной записке от 11 октября 1893 г., предназначенной для информирования руководителей более высокого уровня, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска извещал вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться» [6, д. 778, л. 14]. Подтверждалось это в донесениях атаманов отделов, начальников округов и другими административными инстанциями по всему краю. Позиции же мусульманского духовенства и в этом случае имели существенные различия. Разобщенность его являлась своего рода отражением сохранявшегося цивилизационного и этнополитического разлома, предопределявшего когда-то неодинаковые пози-

ции «туземных обществ» при установлении единства с Россией и не преодоленного за полвека нахождения в ее составе.

Вместе с тем с наступлением экстремальных обстоятельств, в отличие от других универсалистских образований, на ее окраинах, например, в 1905–1907 гг., не замечалось стремления к обособлению. Проявлялось это и на проводившихся в тот период съездах «мусульман России» в Нижнем Новгороде и Петербурге. Вопреки сложившемуся мнению, в принимавшихся на них резолюциях не отображались идеи «турко-исламской солидарности» с сепаратистской направленностью [33, с. 159]. Они способствовали лишь «организационному объединению российских мусульман», а также содержали проекты реформ в интересах этой части населения империи [33, с. 159]. К тому же сыгравший немаловажную роль в организационных мероприятиях и председательствовавший в 1906 г. на II съезде в Петербурге И. Гаспринский «стержнем тюркской общности» считал «историческую связь» ее именно с Россией [33, с. 157].

При нарастании революционного кризиса в июне 1905 г. к наместнику на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову обратились уполномоченные от мусульманского населения с выражением верноподданнических чувств. Переданные требования не содержали каких-либо враждебных России выпадов и не выходили за рамки возможных преобразований [16, с. 238]. Сводились они к устраниению ограничительных мер в различных сферах, установленных для мусульман в период включения в состав империи с учетом наличия в крае цивилизационного разлома, более широкому приему их детей в образовательные учреждения, разрешение преподавания там, где есть необходимость, на родных языках, облегчение условий для издания газет и журналов религиозного содержания [16, с. 238].

Общегражданский характер носили и пожелания повысить доступ на государственную службу, унифицировать, что весьма показательно, структуру управления и ввести земские учреждения, получившие к тому времени распространение в центральных губерниях, снизить в ряде случаев налоговые повинности и т.д. [16, с. 238]. В одном из обращений к центральной власти видных северокавказских деятелей ислама в 1906 г. содержалось такое заверение: «Мы, российские мусульмане... будем служить нашему... царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы

и деды» [34, с. 31]. В нем, так или иначе, обращалось внимание верующих на традиционную связь их конфессии с «общей родиной» и ее верховной монархической властью, игравшей на том этапе, как известно, роль объединительной для государства идеи.

А в опубликованном в печати 1 октября 1909 г. «Воззвании мусульманского духовенства и горской интеллигенции к туземцам Терской области» подчинение русской власти, сотрудничество с местной администрацией и добрососедские отношения с терским казачеством объявлялись «делом угодным Аллаху» [17, с. 70; 23, с. 203]. Такой же настрой на сохранение целостности сложившегося в прошлом государственного пространства существовал в тот промежуток времени и в других восточных регионах страны [2, с. 35].

На эту особенность обратил внимание в 1910 г. автор общего обзора «Инородцы» в обстоятельном издании, включавшем, кроме того, в себя описание еще двух крупнейших имперских образований: Австро-Венгерского и Германского. Напротив, отмечает Л. Штернберг, среди российских мусульман «мы не видим никаких сепаратистских тенденций... все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России... каждая народность обретет свое попранное право» [35, с. 566]. Подметил он и то, что «происходившее сближение мусульман всех областей России преследовало интересы чисто духовные... в центре сближения опять-таки стояла Россия». На основе изученных документов Л. Штернберг делает вывод о том, что «ни в один момент русской истории связь инородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения» [35, с. 566].

Эти наблюдения, таким образом, также вскрывали наличие чрезвычайно важного для понимания России явления, объяснений которому ни в отечественной, ни тем более в зарубежной науке тогда не существовало. И. Гаспринский одним из первых назвал это явление «русским мусульманством» [11, с. 257–259]. Когда именно появилось оно, сказать трудно. Можно только констатировать, что отряды, состоявшие из мусульман, принимали участие уже в собирании в единое государство русских земель, находились в московских ратях, противостоявших в 1471 г. на реке Шелоне попыткам новгородцев сохранить вечевую удельную вольность. Мусульмане своим участием поддержали в 1552

г. усилия России по освобождению 100 тысяч православных невольников, захваченных в плен вследствие набегов из Казанского ханства и находившихся в его пределах [1, с. 17].

В самый же критический для России момент, когда ее будущее из-за агрессии Швеции и Польши было крайне не определенным, на патриотический призыв К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г., побуждавший к решительному действию для спасения родины, откликнулись и представители этой конфессии. Не следует забывать и то, что в грамоте об избрании на престол Михаила Федоровича Романова оставили подписи семь татарских мурз, выразивших тем самым на Земском соборе настрой мусульманского населения того периода на восстановление государственной целостности России и предотвращения для нее опасности новых иноземных завоеваний [1, с. 17].

В 1812 г. российские воины также вдохновлялись стоять «на смерть за отчество» против «непобедимой» европейской армии не только молитвами православного, но и мусульманского духовенства. Призывы стоять за Россию «во имя Аллаха» раздавались неоднократно в XIX в. и перед другими битвами. Отечественное мусульманство как явление выдерживало испытание на устойчивость и в иных экстремальных ситуациях. То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе его патриотический потенциал подтверждает многое.

Не получили здесь, например, отклика попытки распространения идей панисламизма, единства всего мусульманского мира, и пантюркизма, общности всех тюрок, предпринимавшиеся систематически с конца XIX в. [31, д. 1133, л. 1]. Последователи этой доктрины не ограничивались в пропагандистской деятельности пределами Турции и предпринимали усилия к ее организации на российских окраинах [31, д. 1133, л. 1]. Такая деятельность в начале XX в. достаточно широко развернулась, в том числе в Дагестане, а оттуда распространялась на Терек [25, с. 98]. Ее результативность была далека от предполагаемых ожиданий, подтверждением чему служит отсутствие в указанный промежуток времени «религиозных движений» в этих областях, но она, как фиксировалось в донесениях начальников округов, способствовала в какой-то мере возбуждению в среде отдельных «туземных обществ... ненависти к русским» [5, д. 5299, л. 12-об.; 14].

При проведении работы в массах турецкой агентурой учтывались и экономические затруднения, усилившиеся по мере нарастания общего состояния кризиса в стране. Несмотря на это наметившаяся с 1905 г. тенденция ослабления религиозного фанатизма, в тех районах, где он имел распространение, обретала все большую устойчивость [5, д. 5299, л. 21-об.; 14]. Тем не менее, цивилизационные реальности, доминирующим компонентом в которых выступал фактор веры, в наступившем противоборстве играли существенное значение. Однако ставка на них с использованием исламской составляющей в пропаганде не давала сколько-нибудь заметных результатов. Инициаторы кампании, судя по всему, к ее организации и проведению подходили с опорой на устаревшие представления.

О неадекватности их говорит хотя бы то, что на рубеже XX в. в России наметилось ослабление религиозности населения [12, с. 165], а с 1905 г. оно обозначилось и в наиболее сложных мусульманских регионах [5, д. 5299, л. 12-об.; 26, д. 5765, л. 12–13-об.]. Такого рода изменение на столь консервативном направлении вызвалось более привлекательным для масс идеологическим воздействием, какое в тот период могли оказывать революционные учения. Неслучайно ослабление религиозности мусульманского населения на Кавказе совпало с «революционным брожением» 1905 г., поддерживавшимся противоправительственной агитацией на почве нерешенности социально-экономических проблем. Это подтверждается, к слову, всеподданнейшими отчетами губернаторов и начальников областей края за 1906 г. [6, д. 764, л. 1; д. 1110, л. 17; д. 1229, л. 55-об.; 27, д. 1115, л. 27–27-об].

Между тем, кроме констатации Министерства внутренних дел о том, что в России «панисламистская пропаганда успеха не имеет» [9, д. 285, л. 1–1-об.], других выводов на этот счет по ходу событий, к сожалению, так и не было сделано. Данное же оперативное наблюдение нуждалось, безусловно, в объяснении для обеспечения более эффективной защиты государственных интересов. Но особенности протекавших в крае этнополитических процессов из-за отсутствия соответствующих реальности знаний с наступлением кризисной эпохи в начале XX в. представителями русской власти не осознавались с достаточной глубиной. Нависшей угрозе дестабилизации, кроме административных мер, ничего не противопоставлялось.

С 1905 г. намечалось обращение к предшествующему опыту времен успешного завершения Кавказской войны, предпочтительное назначение по причине недостатка подготовленных кадров на службу в крае ее ветеранов, хорошо понимавших «дух кавказский», восстановление наместничества и т.д. [30, д. 5150, л. 1; 32, 326, л. 215]. То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе патриотический потенциал отечественного мусульманства, как в региональном, так и в более широком российском его отражении, подтверждает многое.

Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке разъяснялось муллами на арабском языке во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании [22, с. 363; 3, с. 224; 21, с. 23]. Накануне событий 1914 г., связанных, в том числе, с намечавшимся вновь обострением геополитических противоречий вокруг Кавказа, турецкая агентура активизировала свою деятельность, прикрываясь якобы существовавшими намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса», чем, собственно говоря, и стремилась привлечь симпатии единоверцев. Занимавшиеся этим специальные комитеты не ограничивались в своей пропаганде пределами Османской империи и стремились к тому, чтобы способствовать «возрождению ислама... в России» [31, д. 1133, л. 1], как важнейшего фактора для разрушения ее целостности.

С началом Первой мировой войны, когда с невиданным размахом развернулось противоборство за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и передел зависимых владений, по наблюдению Министерства внутренних дел, в Турции активизировали деятельность религиозные движения, намеревавшиеся вместе с тем способствовать «возрождению ислама... в других странах и, в частности, развивать панисламскую и пантюркскую идею в России» [31, д. 1133, л. 1]. Во все губернии и области «созначительным... мусульманским населением» для этого засыпались под разными прикрытиями начитанные ходжи для проповеди теории «о единстве всего мусульманского мира» [31, д. 1133, л. 1]. Проникая в соответствующие местности, агентура имела преимущественно зарубежное, как правило, турецкое, происхож-

дение, но в ее среде встречались и завербованные возвращающиеся в Россию паломники, совершившие в соответствии с предписаниями ислама хадж в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета» [5, д. 215, л. 17].

Натолкнувшись на медленное распространение связанных с идеей панисламизма догматов на российских окраинах, и на Кавказе тоже, координаторы этой деятельности стали собирать сведения «для детального изучения образа жизни, религиозных и политических» настроений проживавших там народов. Главное внимание при этом уделялось возбуждению в массах фанатизма через «исламское просвещение» [9, д. 285, л. 1–1-об.]. Фактор «исламского просвещения» в проводимой политике, как уже отмечалось выше, действовала и Россия. Панисламистами фактор «просвещения» использовался для возбуждения в массах фанатизма и разрушения государственного единства России. На Кавказ, например, завозились большие партии оружия для предполагаемых восстаний [28, д. 254, л. 23].

В октябре 1914 г., турецкими панисламистами было составлено специальное возвзание мусульманам всего мира «Священная война обязательна», в котором утверждалось со ссылками на выдержки из Корана, что «все мусульмане, без различия национальности и подданства, являются, согласно велениям их религии, братьями и потому должны, под опасением небесной кары, всячески помогать друг другу» [9, д. 285, л. 1]. В возвзвании провозглашалась борьба «за освобождение... народов, исповедующих ислам» [9, д. 285, л. 1–1-об.]. Поднимался в этой связи в своеобразной постановке и территориальный вопрос [9, д. 285, л. 3–5].

В распространявшихся турецкой агентурой пропагандистских прокламациях содержалось предписание, что «каждый верующий мусульманин должен считать себя воином, ибо настало время освободить мусульманские земли от неверных» [9, д. 285, л. 3]. К ним были отнесены Астрахань, Казань, Крым, Туркестан и местности расселения российского казачества. В этих притязаниях обозначался и Кавказ. Необходимость отторжения этих территорий обосновывалась тем, что «они находятся в подчинении у неверных, хотя мусульманское население в них составляет большинство» [9, д. 285, л. 3]. Текст заканчивался призывом «к немедленному объявлению священной войны» за их возвращение, к

не подчинению «распоряжениям христианских правительственныех властей», не уплате повинностей и регулярному истреблению иноверцев. Россия, как и ее союзники (Англия, Франция), обвинялась не без умысла в этой связи в стремлении «погасить дивный свет магометанской религии» [9, д. 285, л. 5].

Враждебную агитацию на ее территории активно проводили и иные зарубежные организации. Так, образованный в Германии «Союз для охраны германизма за границей» разослал по немецким колониям на окраинах империи, в том числе и на Кавказе, своих эмиссаров, которые порицали все русское и предпринимали усилия распространить в среде колонистов настроения пангерманизма [31, д. 656, л. 1]. Опасность этих разновидностей агитации, в особенности панисламистской, для стабильности и целостности государства была очевидна [31, д. 1133, л. 1].

В ноябре 1914 г. «султан-халиф» объявил «джихад», вложив при этом особый смысл в его характер. Он заключался в том, что вооруженная борьба на истребление должна быть направлена не против всех иноверцев вообще, а только в связи со сложившимся моментом против одной группы держав, враждебных Османской империи и ее союзникам. В развитие этой инициативы мусульманский первосвященник («шейх-уль-ислам») сформулировал пять фетв, канонических толкований происходящих событий на основе Корана [20, с. 48]. «Россия, Англия и Франция, – утверждалось в них, – проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высокий свет ислама» [20, с. 48]. Исходя из этого все мусульмане, проживавшие в пределах государств Антанты, призывались выступить против своих правительств, и это вменялось им в обязанность [20, с. 48]. Особый смысл в фетвах придавался и употребляемым понятиям. Выступали они не как правовые и политические заключения, а имели прежде всего направленность на формирование сознания верующих за пределами Османской империи [15, с. 231].

Обращение с фетвами «шейх-уль-ислама» сообщало призыву наиболее важное значение. Обладавшее этим титулом лицо в Османской империи воспринималось в качестве наделенного высшими религиозными и политическими полномочиями «старейшины ислама», призванного освещать решения султана [15, с. 254]. Приписка к титулу «халиф» представляла последнего как «главу мусульманской общины», замещающего, как считалось у

верующих, «пророка Муххамеда» [15, с. 237]. На окраинах отечественного Востока, в отличие от Османской империи, сложилась практика присваивать звание «шейх-уль-ислама» лишь шиитским и суннитским муфтиям [15, с. 254]. И, наконец, если в обычном применении «джихад» имеет более широкое толкование, включавшее в том числе духовное совершенствование, в тексте анализируемого воззвания он сводился лишь к борьбе за веру [15, с. 57]. Выделение смыслов с такой направленностью в самом Коране осуждалось: «вы верите в одни слова сей Книги, и отвергаете другие» [18, с. 42].

Однако все религиозные системы позволяют делать любые интерпритации содержащихся в них положений. Единой же теории «джихада» не существует [13, с. 19]. В дальнейших разъяснениях в фетвах указывалось на то, что «неверными следует считать только державы Антанты... Германия и Австрия являются опорой и защитницей ислама» [20, с. 48]. Однако данное обращение «султан-халифа» к мусульманам, содержавшее для усиления воздействия на верующих своеобразные теософские обоснования, не получило сколько-нибудь значительной поддержки в странах зарубежного Востока, в том числе даже таких, как Египет и Индия, где население имело в тот промежуток времени повышенную предрасположенность к религиозному фанатизму. На российских окраинах этот призыв встретил еще большую невосприимчивость [20, с. 48].

Столкнувшись с этой реальностью, панисламистские комитеты в Турции разослали в 1914 г. во все страны с мусульманским населением своих агентов для детального изучения образа жизни, религиозных и политических взглядов единоверцев с целью выработки мер для их последующего объединения и выявления возможностей для развития фанатизма, который к тому времени на российских окраинах неуклонно ослабевал [9, д. 285, л. 1–1-об., 3]. Пропаганда на этом направлении велась и отдельными сторонниками панисламистской и пантюркистской идей из среды российских мусульман и особенно при посредстве специально подготовленных лиц, проникавших в Россию из Турции под видом купцов, странствующих мулл, возвращавшихся из Мекки богомольцев после совершения паломничества (хаджа) и т.д. [9, д. 285, л. 3].

Наряду с проповедями «о духовном и национальном единстве мусульман всего мира» велась агитация за признание лидирующего значения для них единоверной Турции и ее халифа «в качестве духовного главы всего мусульманства» [9, д. 285, л. 3]. Подрывная деятельность турецкой агентуры попадала в поле зрения соответствующих подразделений Министерства внутренних дел, но специальные разработки неизменно показывали устойчивость отечественного мусульманства к пропаганде, направленной на разрушение целостности Российской империи [9, д. 285, л. 1]. Исключения не воспринимались, по-видимому, сотрудниками этого ведомства как представлявшие угрозу и этим скорей всего объясняется то, что оперативные наблюдения не сопровождались принятием решительных мер, хотя они были, безусловно, необходимы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую возбуждению в массах религиозной нетерпимости [24, с. 10]. В начале XX в. еще встречались эфендии и муллы, в частности, в Кубанской области, продолжавшие возбуждать население против России, «существующего строя... и правительства». Они всячески стремились поддержать вражду к православным там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду [5, д. 5701, л. 229, 252]. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения.

Некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях в 1914 г. призывами: «Да изгинет род русского царя!», предсказывая в пророчествах, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом» [24, с. 10]. По его утверждению, у какой-то части «туземных обществ» Терской области, преимущественно в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции» [24, с. 10].

Однако в преобладающей степени мусульманское духовенство на том сложном и не определенном для будущего страны

этапе старалось все же всячески формировать настрой на единство с Россией. Это проявилось и при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча, например, в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии монарха 25 ноября в Дербент, с приветствием к нему в присутствии депутатии от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился на кумыкском языке, с которого был сделан перевод, один из видных религиозных авторитетов З.Б. Тарковский. В речи он особо выделил такую фразу: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры» [12].

Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства своим поведением подчеркивал личное уважение к мусульманской религии. В Тифлисе, выполнившем роль централизующего управление регионального центра империи, он нашел возможность для общения с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке [29, д. 1387, л. 11, 22–23]. В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим» [10, д. 86, л. 90-х-об.].

Поездка Николая II на Кавказ в данный промежуток времени судя по всему неслучайна. Она явилась своеобразным откликом на цивилизационный вызов, который явился одним из немаловажных факторов противостояния в условиях начавшейся Первой мировой войны. «Султан-халиф», воспринимавшийся как обладатель верховных прав в среде всех мусульман не только Османской империи, объявил «джихад» в том числе и России. Появились и канонические толкования происходящих событий на основе Корана «шейх-уль-ислама», имевшие по отношению к ней враждебную направленность [20, с. 48]. В события тем самым привносился с турецкой стороны духовный (сакральный) аспект, который мог сыграть деструктивную роль. Однако по шариату российский монарх тоже считался обладателем верховных прав на своих подданных, исповедовавших ислам. На Кавказе Николай II получил благославление всех высших представителей му-

сульманского духовенства, с пожеланиями «победы над врагами» [10, д. 86, л. 90-х-об.; 29, д. 1387, л. 11, 22–23], что также имело глубокий сакральный смысл.

Но в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала и иные позиции, что также, безусловно, необходимо учитывать. Отмеченная двойственность продолжала сохраняться и, как показывали события, постепенно происходило ее углубление. Оно носило скрытый характер, и специальные службы империи не смогли, видимо, в должной мере оценить разрушительный потенциал нараставшей угрозы. Во внимание, судя по всему, принималось преимущественно то, что устойчивость к деструктивным сепаратистским воздействиям, в том числе основанным на идее исламской исключительности и религиозного единства, показывало и российское мусульманство. Получаемые оперативные сведения неизменно вскрывали эту тенденцию, имевшую в реальности явное доминирование. Само явление, как можно видеть по их содержанию, не было осмыслено.

Вместе с тем в среде мусульманского населения Российской империи существовали и враждебные настроения. Подпитку они находили и за рубежом. Этим старались воспользоваться соответствующие группировки. В 1915 г. в Стамбуле создается Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России, распространявший слухи о якобы их «бедственном положении». С этой целью его организаторы посещали европейские страны, где старались навязать свои представления. Информация направлялась и ряду правительств. В программу Комитета были включены и сепаратистские требования об образовании независимого от России Туркестана, а также воссоздания Крымского и Казанского ханств. В 1916 г. на встрече активистов в Стокгольме был подписан меморандум, в котором содержались положения об угнетении народов России, нарушении их прав, в том числе в религиозных вопросах. Сообщение об этом по телеграфу было направлено президенту США Вильсону [33, с. 162].

Связывать же восстания 1916 г. в Туркестанском крае с влиянием оппозиционных исламских группировок ошибочно. Источники указывают на то, что протестные движения в тот период вызывались не клерикальными движениями, а реквизициями, введенными и на восточных окраинах Российской империи в

период Первой мировой войны. Не прослеживается и какая-либо роль «идеологии тюркизма» в акциях недовольства. Оторваны от реальности и утверждения о наличии «вооруженной освободительной борьбы» в мусульманских регионах. Опровергаются они, например, донесениями Министерства внутренних дел, в которых указывалось на то, что протесты не выбиваются за пределы общегосударственных задач и не имеют сепаратистской окраски.

Так, в 1916 г., когда стало нарастать недовольство населения Казанской губернии мусульманской фракцией Государственной думы, считавшим, что она «не отражает и не отстаивает интересов многомиллионного мусульманского населения империи» [7, д. 6453, л. 35]. Замечалось это недовольство и на Кавказе. Провоцировалось оно распространившимися слухами, что на предстоящей сессии Государственной думы «будут затронуты весьма важные для инородцев вообще и, в частности, для мусульман вопросы» [7, д. 6453, л. 35]. Велась агитация за необходимость командировать «в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением» [7, д. 6453, л. 38]. В этой связи Особый отдел канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе предпринял усилия взять под контроль это движение.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края был разослан циркуляр с просьбой «уведомить, не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград... и, в утвердительном случае, сообщить подробные данные о личности командируемых, политическом их направлении и тех... директивах, какие будут ими получены от местных мусульман, выяснив также... какие отдельные домогательства мусульман они намерены поддержать» [7, д. 6453, л. 38]. После изучения обстановки последовало разъяснение, что широкий размах это недовольство на Кавказе не обрело [7, д. 6453, л. 41].

На рубеже XIX–XX вв. тем не менее Северный Кавказ продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Вместе с тем край превратился в составную часть Российской государственности. Воздействие ее поля на происходившие процессы было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Происходило становление особого отечествен-

ного феномена, не имевшего аналогов в зарубежной практике. Российское мусульманство, наряду с православием, играло конструктивную роль в сближении народов Северного Кавказа и преодолении цивилизационного разлома. Интегрированность «туземных обществ» края исповедовавших ислам в российское согражданство возрастила.

По мере разрастания российского государственного пространства обнаруживалась необходимость универсалистской объединительной идеи, которая своевременно не была замечена. Но такая идеология в России, основанная на объективных данных науки, отсутствовала. В начале XX в. наметилось ослабление фанатизма в тех районах, где он был после завершения Кавказской войны наиболее сильным. Ослабление религиозности населения являлось общей тенденцией в пределах Российской империи. С 1905 г. оно обозначилось и в наиболее сложных мусульманских регионах северокавказской окраины. Ее появление на столь консервативном направлении могло быть вызвано лишь более привлекательным для масс идеологическим воздействием. В тот период его могли оказывать только революционные учения.

Муллы противодействовали распространению идей панисламизма и пантюркизма, при возникновении внешних угроз в начале XX в. вели пророссийскую агитацию, пробуждающую патриотические чувства в массах. Не получил поддержки на российских окраинах и призыв об отторжении «исламских территорий». Проявлялась и другая реальность. Отдельные представители мусульманского духовенства на Северном Кавказе проводили враждебную агитацию. В начале XX в. оставались еще эфендии и муллы, продолжавшие настраивать население против России. Под воздействием такой пропаганды появлялись и сепаратистские настроения. Но альтернативу, связанную с разрушением единства с Россией, как показывали различные события, можно было навязать только силой. За небольшим исключением мусульманское духовенство края ее не поддерживало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // В кн.: Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001.

2. Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976.
3. Вершигора А. Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Мат. науч. конф. г. Краснодар. 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.
4. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
5. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 3.
8. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
9. ГАРО. Ф. 826. Оп. 1.
10. ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1.
11. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1994.
12. Дагестанские ведомости. 1914. 7 дек.
13. Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. М., Ростов н/Д, 2013.
14. Жизнь национальностей. 1920. 1 янв.
15. Исламский толковый словарь. Сост. Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.
16. История Дагестана. Т. II. М., 1968.
17. Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. (1907–1917 гг.). Грозный, 1968.
18. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008.
19. Курдов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1991.
20. Миллер А.Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция). М., 1946.
21. Мужев И. Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.
22. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С.
23. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Грозный, 1967. Т. 1.

24. Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.
25. Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тerekе. Баку, 1928.
26. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1.
27. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3.
28. ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 13.
29. ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3.
30. ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 1.
31. ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2.
32. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1.
33. Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5.
34. Шафранов В.П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Сб. статей. Ростов н/Д, 1976.
35. Штернберг Л. Инородцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Пономарева М.А.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

ВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Общим содержанием работ исследователей по рассматриваемой проблеме является выявление исторических особенностей положения и роли местных руководителей во взаимоотношениях с центральными органами власти и представителями соседних регионов. Авторы обращают внимание на приоритет местных интересов при реализации государственных решений. К специфическим чертам подобных работ можно отнести повышенное внимание к изучению истоков взаимодействия, выявлению степени влияния на формирующиеся формы и методы исторически сложившихся административно-территориальных, управлеченческих и культурно-этнических факторов[1, 2, 5, 18].

Вместе с тем, на современном этапе взаимодействие властных структур русскоязычных регионов Юга России происходит в двух важнейших ипостасях. Во-первых, в рамках официальных институтов, которые функционируют в регионе с разной степенью успешности (речь в первую очередь идет о Южнороссийской парламентской ассоциации и Ассоциации экономического взаимодействия «Юг»). Во-вторых, в русле неформального взаимодействия, опосредованного влиянием федерального центра, экономическими и политическими интересами региональных элит.

ЮРПА была сформирована в 2001 году, согласно ее уставным документам, как консультативный совещательный орган в целях выработки согласованных подходов к осуществлению конституционной и экономической реформ, обеспечения прав и законных интересов граждан Юга России и решения иных важнейших вопросов, представляющих общий интерес для субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа[13].

В течение 2000-х годов ЮРПА становится одним из органов, позволяющим провести согласованные действия в рамках

региональной политики. Так, изначально основными задачами ассоциации были определены: содействие развитию правового государства, демократии и российского парламентаризма; согласование деятельности по укреплению парламентаризма и конституционных форм правления; выработка согласованного подхода к проведению политических, экономических и социальных реформ; укрепление контактов и диалога между парламентами и парламентариями[13]. Всего за время своего существования ЮРПА провела двадцать конференций, в рамках которых были обсуждены важнейшие проблемы взаимоотношений и согласование экономических и политических интересов русскоязычных регионов. Однако, если в начале своей деятельности члены данной организации обсуждали особенности реализации таких российских преобразований, как реформа местного самоуправления, налоговая реформа и т.п., то постепенно деятельность начинает касаться не менее насущных, но специфических проблем регионов Юга России, таких как: недостаток мест в детских садах, формирование пропорций по выделению бюджетных средств на социальные нужды и на развитие экономики, меры по восстановлению запасов рыбы в водоемах, возмещение части затрат по обработке и содержанию площадей, занятых чистыми парами и т.п[8]. Как отметил в октябре 2011 года на XV конференции ЮРПА председатель Законодательного Собрания Кубани В.А. Бекетов, «... встречаясь, мы изучаем опыт друг друга. Чтобы не стучаться в открытую дверь, надо использовать то, что наработали наши коллеги»[16]. Кроме того, сам факт обращения к данному вопросу через 10 лет существования ЮРПА, может свидетельствовать о недостаточной эффективности деятельности данного органа. Подтверждением тому стало изменение в уставе ассоциации, предусматривавшее привлечение к участию депутатов Государственной думы и Совета Федерации от регионов-участников. Тот же В.А. Бекетов, обосновывая нововведение, отметил, что «... депутаты Госдумы проникнутся проблемами населения, и поймут, что предлагаемые инициативы - это не наша выдумка»[16].

Ассоциация экономического взаимодействия «Юг» является наследницей аналогичной ассоциации «Северный Кавказ» (которая на сегодняшний день продолжает свою деятельность, объединяя регионы СКФО). Решение о создании добровольных объединений (ассоциаций) экономического взаимодействия в РСФСР

было принято в 1991 году. Их появление основывалось на идеи повышения роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы[22, ст. 1596]. В состав данной организации, созданной в марте 1992 года, вошли представители республик Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкарья, Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкессия, Ингушетия; Краснодарского, Ставропольский краев; Ростовской области. С 1993 года созданные организации получили государственный статус. Текст документа за подписью В.С. Черномырдина определял временное положение до принятия законодательных актов о порядке формирования, регистрации и деятельности ассоциаций и был направлен на определение прав и обязанностей членов данных организаций на местах[25, ст. 3614]. Определялись место и роль организаций во взаимоотношениях с органами власти различного уровня[23, ст. 2068]. Так, финансирование ассоциаций было включено в проект государственного бюджета Российской Федерации на 1994 год[25, ст. 3614]. Ассоциации получили право создавать инвестиционные компании и корпорации для реализации местных, региональных и межрегиональных программ и проектов[25, ст. 3614]. В октябре-ноябре 1993 года представители правительства России провели с представителями ассоциаций ряд встреч для окончательного согласования вопросов совместной деятельности. Одно из наиболее важных совещаний совета ассоциации «Северный Кавказ» прошло 17 сентября 1993 года в г. Нальчик. Его целью было выявление содержания и качественных характеристик взаимоотношений региональными органами управления[15]. На Совете присутствовали зав. Отделом региональной политики Совета министров – Правительства РФ В.Г. Аксенов, заместитель Председателя Совета министров – Правительства РФ С.М. Шахрай, и другие представители республиканского руководства. В частности, на тот момент председатель ассоциации «Северный Кавказ» - Президент Кабардино-Балкарской республики В.М. Коков отметил, что «... каждый житель РФ имеет мощное желание остановить вражду, остановить безудержный спад производства на базе восстановления экономических, да и не только экономических, но и других связей между регионами, прежде всего в РФ...»[15].

Указом Президента РФ № 82 от 19.01.2010 г., по согласованию с полномочным представителем РФ в Южном федеральном округе в марте 2011 года ассоциация «Северный Кавказ» была преобразована в Ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «Юг». На сегодняшний день в нее входят Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Луганская область. Ассоциацией по поручению Правительства Российской Федерации, аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе совместно с учеными Юга России был разработан ряд программ, таких как: Концепция ФЦП «Юг России» на период 2008-2012 годы, «Показатели эффективности управления ресурсами республик, краев и областей», проект Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года («Стратегия») и т.д[4].

Постепенно роль ассоциации в регионе изменилась. Если в начале 1990-х годов ее деятельность явилась инициативой местных органов власти по сохранению социально-экономических связей и формированию межрегиональной политики в условиях распада политической и экономической систем государства, то к настоящему времени ассоциация представляет собой совещательный орган в области экономического межрегионального сотрудничества, важнейшей задачей которого является координация усилий по наиболее оптимальному способу реализации основных направлений региональной политики.

Вместе с тем, деятельность ЮРПА и Ассоциации «Юг» подвержена влиянию трех основополагающих процессов, которые оказывали важнейшее влияние на взаимодействие органов управления русскоязычных регионов в новейшее время. Во-первых, формирование и развитие структурных принципов т.н. «управления сверху». Данный процесс, продолжавшийся с разной степенью интенсивности в течение 2000-х годов, обладал определенными особенностями в условиях Юга России. Во-вторых, тесное взаимовлияние политической и экономической сферы в рассматриваемом регионе, как один из важнейших факторов функционирования органов управления на местах. В-третьих, возрастающее

присутствие в решении региональных проблем федерального центра.

Русскоязычные регионы Юга России объединяет ряд исторически сложившихся факторов развития. В первую очередь, представленные в данной модели субъекты имеют сложную и многообразную национальную и конфессиональную структуру. Данный фактор способствовал налаживанию тесных связей с центральным руководством и обращению к нему со стороны местных администраций как к заинтересованному посреднику в определении общих принципов национальной и конфессиональной политики. Экономическая система данных территорий была вовлечена в общероссийские хозяйствственные связи и играла в них одну из ведущих ролей. На рассматриваемой территории располагаются крупные предприятия, имеющие общероссийский статус, что способствует, с одной стороны, реализации интересов местных экономических руководителей в общероссийском пространстве, а с другой стороны, вовлеченности российского правительства в местную экономику с возможностями ее регулирования. Являясь трансграничными и «буферными» зонами по своей географической расположности, рассматриваемые территории обеспечивают транзит товаров и услуг, миграционных потоков, что повышает их зависимость, с одной стороны, от проводимой государственной политики, с другой стороны, от процессов, происходящих в соседних «кризисных» территориях Дона и Северного Кавказа. В связи с этим, местное политическое и экономическое руководство в большей степени было ориентировано на взаимодействие с центральным российским правительством по выработке комплексных мер по сохранению государственной стабильности и экономической поддержки, нежели чем на обособление либо ориентацию на «сложных» соседей.

Тем не менее, в политическом развитии русскоязычных регионов существует ряд наиболее острых вопросов, наглядно раскрывающих особенности взаимодействия их местных структур.

Во-первых, проблема взаимодействия органов местного самоуправления и властей иных уровней в регионах. Она сопровождалась процессом самоидентификации муниципальной элиты, который, в ряде случаев, носил негативный характер. Так, течение 2008 года в Октябрьском сельском районе Ростовской области главы нескольких сел издали выходящие за рамки их полно-

мочий постановления, которые обязывали местных предпринимателей безвозмездно предоставить технику для проведения противопаводковых мероприятий. В Морозовском районе Ростовской области руководители нескольких муниципалитетов в одностороннем порядке изменили налоговое законодательство и в итоге стали самовольно определять ставки земельного налога и налога физическим лицам на земли сельскохозяйственного назначения. В Матвеево-Курганском районе той же Ростовской области глава администрации одного из сельских поселений волевым решением распорядился заасфальтировать территорию близлежащей коммерческой организации, используя для этого бюджетные средства, которые официально выделялись на строительство дороги внутри населенного пункта[19]. В связи с усилением позиции местных органов власти начались также процессы внутрирегиональной борьбы внутри муниципальных элит. Выросла роль отдельных лидеров. В частности, в Волгограде выдвинулся депутат городской думы Сергей Нижегородов, который занял позицию эпатажного оппозиционера (сорвал вручение ордена руководителю городского ЖКХ и неоднократно переводил дебаты на заседаниях в думе в силовые стычки)[7].

Иным путем определения региональной ниши становилось согласование элит. Например, мэр г. Ростова-на-Дону – М.А. Чернышев – входил в региональный блок административной элиты. Стабильность его позиции обеспечивалась также взаимодействием с экономическими группами интересов, а также путем сохранения публичного компромисса. Так, согласно официальным данным, в выборах на пост мэра, которые проходили 19.12.2004 г., приняли участие 46, 72% избирателей. Наибольшее количество голосов получил М.А. Чернышев (65, 69 % от проголосовавших), второе место занял кандидат от КПРФ - Н.В. Коломейцев[11]. Аналогичная ситуация сложилась и на выборах мэра, проходивших 19 декабря 2010 года, в которых, по официальным данным, приняло участие 51, 81% населения области. М.А. Чернышев получил 65, 69%, значительно опередив своего соперника – Е.И. Бессонова (кандидата от КПРФ)[11].

Еще одним направлением трансформации муниципальных элит стала борьба между мэрами и избранными депутатами местных дум. Так, в 2006 году в Волгоградской области разразился политический скандал, связанный с конфликтом между властной

элитой Волгограда и администрации области, который возник еще в начале 1990-х годов. Основателями конфликтной модели отношений тогда стали губернатор области Иван Шабунин и мэр Волгограда Юрий Чехов. После ухода И. Шабунина соперничество сохранялось между Ю. Чеховым и новым губернатором Николаем Максютой, а позже — между уже новым мэром Евгением Ищенко и главой области Максютой. 30 мая началось следствие против мэра Волгограда Евгения Ищенко, которому было предъявлено обвинение по трем статьям: злоупотребление служебным положением, незаконное предпринимательство и незаконное хранение боеприпасов. 23 октября Евгений Ищенко подал заявление о досрочной отставке. Однако спустя две недели на заседании городской Думы депутаты выяснили: документ был оформлен юридически некорректно, что впоследствии могло дать шанс Ищенко оспорить свою добровольную отставку. Чуть позже был арестован Павел Карев за получение взятки в размере 300 тысяч рублей. За эти деньги экс-спикер должен был оказать содействие в принятии городским советом решения о снижении размера арендной платы за землю заводу «Химпром». В тот же день спикер добровольно сложил с себя полномочия[9]. Таким образом, была единовременно сменена вся верхушка муниципальной элиты. Итогом ротации стало появление новых претендентов - «красного» экс-спикера областной Думы Романа Гребенникова и бывшего сподвижника Евгения Ищенко вице-мэра Роланда Херианова. Последний благодаря имеющимся связям экономического и политического характера смог не просто реализовать амбиции, но и расширить свое влияние в регионе. Ему удалось не только достаточно быстро остановить «административную панику», но и, проведя кадровые чистки, сформировать новую команду управленцев. Одним из важнейших достижений Р. Херианова стала попытка прекращения войны между городом и областью. Предложенная им стратегия «административной солидарности» являлась, по сути, продолжением на муниципальном уровне идеологии построения единой вертикали исполнительной власти. Принцип «административной солидарности» дал возможность, не нарушая принципов самостоятельности системы местного самоуправления, сохранить управляемость и стабильность на территории крупных муниципальных образований[27]. Подобные ситуации, связанные с осознанием муниципальной элитой себя в

качестве влиятельной силы, от которой зависит одобрение иных групп элит регионального уровня федеральным центром, стали типичными для характеристики региональных политических процессов на Юге России.

В 2003 году была обозначена возможность назначения главы администрации, управляющего городом по контракту. Был издан федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», основные положения которого на протяжении ряда лет активно апробировались в малых городах без особого общественного резонанса. По сути, речь идет о разделении представительной и исполнительной власти на местном уровне: выборный мэр выступает в роли «президента» муниципального образования, а глава администрации, работающий по контракту, — в роли главы правительства. Общественное обсуждение началось в 2010-2011 годах, когда данная система, например, реализуемая в малых городах Волгоградской области (в частности, в городе Городище) стала давать сбои. В 2011 году встал вопрос об изменении Устава Волгограда, речь шла о нарушениях принципа независимости системы местного самоуправления (Конституции и 131-ФЗ). В итоге глава администрации города был введен в устав как заместитель губернатора. В Ростове-на-Дону данная мера была реализована в 2014 году. В Ставрополе первый глава администрации Игорь Бестужий по измененному городскому уставу был избран в мае 2011 года. 22 июля был оглашен приговор по обвинению его в коррупции и незаконном обороте оружия. На данный момент главой городской администрации является Андрей Джатдоев.

Второй важнейшей проблемой, в рамках которой происходит взаимодействие органов власти в русскоязычных регионах, является слияние политических и экономических интересов местных элит. Действительно, на сегодняшний день экономические группы интересов на Юге России стали неотъемлемой частью политического пространства. В частности, Союз промышленников и предпринимателей Волгоградской области в 2009 году стал инициатором проведения ряда социальных мероприятий, обеспечивавших баланс различных групп интересов в регионе: были внесены поправки в распоряжение об изменении редакции Постановления 246-П от 13.07.2009 года «О субсидировании субъектов малого предпринимательства и организаций, образующих

инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства». Данные поправки за счет внесения дополнительных ОКВЭД расширили круг организаций, которые могут воспользоваться субсидиями (сентябрь — декабрь 2009 г.). Союз принял участие в создании инвестиционного атласа ЮФО и т. д [24].

В Ростовской области ведущую роль в лоббировании играли такие крупные экономические силы, как российская агропромышленная группа «Юг Руси» во главе с Президентом С. Кисловым, открытое акционерное общество «Роствертол», «Новочеркасский завод синтетических продуктов» и др[28].

Взаимосвязь экономической и политической элит в Ростовской области настолько тесна, что неудачи и конфликты с федеральным центром одного блока неизменно влекли за собой неудачи и конфликты другого. Так, например, отставку губернатора В.Ф. Чуба ряд экспертов связывал с конфликтом из-за Новошахтинского завода нефтепродуктов[20]. Так, в феврале 2010 года Д.А. Медведев заявил о необходимости борьбы с нелегальной переработкой нефти в России, поручив это задание вице-премьеру И. Сечину[30]. Ранее, в январе 2010 года (протокол совещания № ИС-П9-3пр от 11.01.10)[26] И. Сечин поручил Ростехнадзору, Росприроднадзору, Минэнерго и Минприроды с привлечением правоохранительных органов провести анализ работы действующих в России мини-НПЗ. Накануне встречи в Омске вице-премьер провел еще одно совещание (протокол № ИС-П9-6пр от 9.02.10), на котором дал Ростехнадзору, Минэнерго, МВД и «Транснефти» более конкретные указания: организовать плановую работу по проверке НПЗ с целью выявления незарегистрированных предприятий и других нарушений[26]. Одним из первых мини-НПЗ, которые проверил Ростехнадзор, стал Новошахтинский завод - крупнейший проект группы «Юг Руси», которому в 2004 году был придан статус регионального инвестиционного проекта, он был поддержан губернатором В.Ф. Чубом. Согласно этому проекту, «Транснефть» построила отведение от магистрального нефтепровода к Новошахтинскому заводу. Более того, во время визита премьер-министра В.В. Путина на «Ростсельмаш» 6 июля 2009 года В.Ф. Чуб передал ему письмо с просьбой рассмотреть вопрос об увеличении поставки нефти с помощью этого нефтепровода. В. Путин обещал помочь в решении этого

вопроса [10]. Анализ ситуации осложнял тот факт, что руководитель «Юга Руси» входил в ближнее окружение бывшего главы Минсельхоза Алексея Гордеева. Данная ситуация была связана в том числе со стремлением федерального центра провести ротацию элиты. Этот факт подтверждает и неудача С. Кислова в 2007 году в стремлении занять кресло сенатора от Ростовской области в Совете Федерации[17] (вместо него пост сенатора занял экс-глава Олимпийского комитета Леонид Тягачев[20]). Избрание С. Кислова окончательно встроило бы экономические группы интересов в правительственную вертикаль: предприниматели и ранее участвовали в работе городских и районных дум, были представлены в Законодательном Собрании Ростовской области, в Государственной Думе, в данном случае - получили бы своего представителя в Совете Федерации. Тем более, что в 2000-е годы Ростовская область постоянно повышала позиции в рейтинге основных экономических показателей деятельности[3].

В Волгоградской области приход губернатора А. Бровко обозначил смену политической элиты: «...население беспокоило два конфликта – трения между облдумой и администрацией и противостояние главы региона и мэра Волгограда. Я тогда сказал, что это даже не «проблемы», а вопросы, которые разрешаются двумя-тремя разговорами «на чистоту». В результате оба конфликта погашены»[6]. Глубокие противоречия обнаружились и в среде партийной организации КПРФ города Волжского, вторым секретарем в которой был мэр города А. Ширяев. В результате острой внутрипартийной борьбы с поста первого секретаря Волжского горкома КПРФ был вынужден уйти депутат Государственной думы А. Куликов, уже давно оппонирующий А. Ширяеву. В дальнейшем и первичная организация коммунистической партии, в которой на учете состоял мэр, исключила его из рядов КПРФ. Подобная борьба отражала опасения А. Куликова связать авторитет и политические перспективы КПРФ в городе с фигурой непопулярного главы администрации, не имеющего поддержки не только у бизнес-элиты, но и в областной администрации, что явственно следовало из заявлений как губернатора Н. Максюты, так и его первого заместителя В. Галушкина[12].

В позиция региональных групп интересов становится настолько сильной, что происходит процесс борьбы между ними за влияние на ситуацию Юга России в целом как в рамках общих

разрабатываемых проектов, например, программы «Юг России»[21], деятельности Союза промышленников и предпринимателей[14], так и в собственных узкорегиональных интересах. Например, фактор свиного гриппа использовался в качестве прикрытия в «межрегиональных войнах», в первую очередь, в соперничестве между Краснодарским краем и Ростовской областью. Ввоз свинины из Краснодарского и Ставропольского краев либо запрещался ветеринарными службами, либо приостанавливался, что ограничивало темпы деятельности ростовских предприятий, ориентированных на экспортацию готовой мясной продукции в соседние регионы России[29].

Итак, на современном этапе складывается особая модель взаимодействия властных структур русскоязычных регионов Юга России. Ее характеризует качественно новое содержание институционального корпуса, включавшего одновременное представительство различных групп интересов региона, слияние бизнеса и власти. Также необходимо отметить рост влияния федерального центра на принимаемые решения. В этой связи все большее значение для развития Юга России начинает играть характер взаимодействия между различными уровнями власти конкретного региона, либо между ними и центром, и в меньшей степени – взаимодействие в рамках формальных институтов межрегионального сотрудничества (ЮРПА, Ассоциация «Юг»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев В.А. Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей. Гл. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С.60-77.
2. Алексеев О.Б., Щедровицкий П.Г., Шейман Д.И. Институциональные механизмы регионального развития // Казанский федералист. 2002. №3. С.37-47.
3. Алипаторов В. Очень важно умело и своевременно решать ключевые вопросы развития региона // Молот (Ростов-на-Дону). 2003. 31.01.
4. Ассоциация «Юг» // [Эл. ресурс]. <http://www.askregion.ru/page.php?al=kratspravka>. Дата обращения: 14.12.2014.

5. Баранов Н.А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 3. № 4.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С.69-87.
6. Бровко Анатолий. «Я искренне могу сказать, что не стремился стать губернатором» // Клуб регионов. 2010. 23.04.
7. В арке я готов убедить любого недобросовестного чиновника! // Клуб регионов. 2007. 12.11.
8. В городе-герое Волгограде завершила свою работу XX конференция ЮРПА. Аппарат ЗС Ростовской области. Управление по информационной политике. // [Эл. ресурс]. <http://zsro.ru/index.php4?mod=603>. Дата обращения: 14.12.2014.
9. Волжский туман. // Происшествия. 2006. 23.11.
10. В Ростовской области в сентябре начнет работать Новоахтинский завод нефтепродуктов// Кавказский узел. 2009. 11.07.
11. Выборы глав муниципальных образований и депутатов представительных органов местного самоуправления 2003/2009 гг. Результаты выборов // Избирательная комиссия Ростовской области. // [Электр. ресурс]: <http://www.ikro.ru/election/frmo/?id=50&t=0&m=84>. Дата обращения: 21.12.2011.
12. Гуцакис С. Политический мониторинг // Волгоградская область.1997. ноябрь.
13. Договор об образовании Южно-Российской Парламентской Ассоциации. 25.04.2001. г. Ростов-на-Дону// [Эл. ресурс]. <http://www.kubzsk.ru/ugra/dokum/dogovor.php>. Дата обращения: 14.12.2014.
14. Долгосрочное социально-экономическое развитие Российской Федерации в региональном разрезе (проект) // [Эл. ресурс]. <http://www.rsppvo.ru/?source=245>. Региональное объединение работодателей (некоммерческая организация) «Союз промышленников и предпринимателей Волгоградской области» Дата обращения: 12.05.2010.
15. Загребина К. К 20-летию ассоциации «ЮГ» («Северный Кавказ») // [Электр. ресурс.]: <http://www.askregion.ru/page.php?al=kratspravka>. Южно-Российский вестник. 2011. № 8. 6 июля. Дата обращения: 28.07.2011.

16. Конференция парламентариев юга России. Пресс-служба Законодательного Собрания Краснодарского края // (Электр. ресурс): <http://www.livekuban.ru/node/433536>. Живая Кубань. Интернет-дневник Краснодарского края. Дата обращения: 14.12.2014.

17. Курушина О. Без пяти минут сенатор? // Город N. 2006. 07.02. №662. 07.02.

18. Libman A. Regionalisation and Regionalism in the Post-Soviet Space: Current Status and Implications for Institutional Development // Europe-Asia Studies. 2007. Vol.59. №3 (May). pp.401-430.

19. Местная самодеятельность. Главам поселений придется учиться руководить муниципалитетами// Российская газета - Юг России. 2008. 01.08. №4720.

20. Мини-НПЗ не поддаются переработке// Коммерсантъ. 2010. 28.05. №94 (4394).

21. Минрегионразвития оценил участие Адыгеи в программе «Юг России» на «отлично» // Портал Республики Адыгея. 2010. 18.04. // [Эл. ресурс]. <http://adygea.news-city.info/> Дата обращения: 12.05.2010.

22. Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы. Указ Президента РФ. от 11.11.1991. № 194 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 21.11.1991. №47. Ст.1596.

23. О некоторых мерах по усилению координации деятельности министерств и ведомств в Российской Федерации, Советов Министров республик в составе Российской Федерации, администраций краев, областей, автономной области, автономных округов, городов федерального значения. Постановление Правительства РФ № 490. 27 мая 1993 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. 31 мая. № 22. Ст. 2068.

24. Отчет «Союз промышленников и предпринимателей Волгоградской области» за 2009 г. // [Эл. ресурс]. <http://www.rspvpo.ru/?source=200>. Дата обращения: 12.05.2010.

25. Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации № 918. 16 сентября 1993 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. 27 сентября. №39. Ст. 3614.

26. Протокол совещания №ИС-П9-3пр от 11.01.10 // [Эл. ресурс]. <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?f1b6b34a-0f7f-7543-8709-056851640b11> Дата обращения: 12.06.2010.
27. 50 дней Роланда Херианова // Областные вести. 2006. 11.08. №31.
28. Рейтинговое исследование успешности фирм и предпринимателей в Ростовском регионе // Город N. 2009. 29.12. - №50 (859).
29. Результаты социологического исследования при участии автора в сетевом проекте «Социально-экономическое и социально-политическое самочувствие регионов в ситуации кризиса» (2009 год).
30. ФТС на страже порядка перемещения нефтепродуктов. // Нефтегаз. ру. 2010. 19.02.

Трапи Н.А.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

АБХАЗИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ В ВОЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ НARRATIVЕ ИОГАННА БЛАРАМБЕРГА

В комплексной реконструкции абхазской истории первой половины XIX столетия значительную роль традиционно играют нарративные источники, что определяется двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, документальные комплексы, созданные имперской администрацией, не всегда содержат всестороннюю информацию о рассматриваемом регионе, а местные властные структуры не осуществляли системной делопроизводственной деятельности. Более того, официальные российские документы представляют социально-экономические и политические процессы, развивающиеся в региональном пространстве, в строго определенном ракурсе, определяемом естественными административными интересами и устойчивыми интеллектуальными стереотипами непосредственных создателей. С другой стороны, нарративные источники, несмотря на авторский субъективизм, позволяют реконструировать многие значимые аспекты регионального исторического процесса, связанные с качественной интерпретацией общественных и культурных феноменов.

Оригинальный труд российского офицера Иоганна Бларамберга длительное время был практически неизвестен широкой общественности, находясь на архивном хранении под жестким грифом «совершенно секретно» и будучи доступным только офицерскому корпусу Генерального штаба [11]. В советский период последовательная публикация нарративных источников, посвященных кавказским реалиям XIX столетия, не являлась магистральным направлением археографической деятельности, да и целенаправленное использование подобной информации, извлекаемой из архивных хранилищ, было сопряжено с определенными методологическими трудностями, формируемыми идеологической конъюнктурой. В начале 70-х гг. XX столетия отдельные фрагменты масштабного труда И. Бларамберга были опубликованы известным кавказоведом В.К. Гардановым, использовавшим

профессиональный перевод авторского французского текста, подготовленный А.И. Петровым [10]. Однако, полноценное введение в научный оборот рассматриваемого оригинального источника состоялось только на рубеже 80-90-х гг., что связано с исследовательской практикой И.М. Назаровой, осуществившей самостоятельную переводческую работу и интерпретировавшей важнейшие фрагменты разнообразных описаний и размышлений И. Бларамберга в собственном диссертационном сочинении и целой серии профильных публикаций предшествующего и последующего периодов [11,12,13,14,15,16]. Основное внимание ставропольского исследователя было сконцентрировано на биографической реконструкции и этнографических материалах, собранных российским офицером и характеризующих социально-экономическое и культурное развитие горских сообществ Северного Кавказа. Новый взгляд на масштабный труд И. Бларамберга был предложен в фундаментальных трудах М.Е. Колесниковой, рассматривавшей указанный нарратив в качестве историографического источника, позволяющего реконструировать не только кавказские реалии 30-х гг. XIX столетия, но и специфическое восприятие соответствующих явлений включенным и заинтересованным наблюдателем [5,6,7,8]. В рамках предшествующей исследовательской традиции следует отметить оригинальные идеи А.И. Мусукаева, рассмотревшего социокультурные факторы, повлиявшие на последовательный процесс личностного развития и творческую деятельность выдающегося представителя российского офицерского корпуса [10]. Необходимо выделить также и то существенное обстоятельство, что эмпирический материал, реконструированный из рассматриваемого труда И. Бларамберга, использовался большинством отечественных исследователей, обращавшихся к различным проблемам северокавказской истории XIX столетия. Аналогичное замечание может быть отнесено и к системному изучению начального этапа длительной инкорпорации Абхазии в российское имперское пространство, связанному преимущественно с научным творчеством Г.А. Дзидзария. Но до настоящего времени отечественные и зарубежные исследователи не обращались к целенаправленному анализу оригинальных представлений об абхазской истории XIX столетия, оформленных в творческом наследии И. Бларамберга.

Авторский текст, представленный в специальном разделе «Краткий очерк истории Абхазии», может быть условно разделен на две системно различные части, посвященные пространному описанию важнейших политических событий и этнографическим наблюдениям, включающим географические и социально-экономические материалы [1,2]. В первом выделенном разделе автор фактически транслирует официальную характеристику наиболее значимых явлений абхазской политической жизни конца XVIII – первой трети XIX столетия. В частности, И. Бларамберг полагает, что правящая княжеская династия Чачба (Шервашидзе) имеет мегрельское происхождение и еще в 1770-е гг. готова была вступить под имперское покровительство, но подобному развитию регионального исторического процесса воспрепятствовала агрессивная позиция отдельных территориальных сообществ, не подчинявшихся владетельским указаниям. Согласно авторской оценке, «примерно в конце XVIII века Леван попросил генерала, графа Тотлебена, который находился в Грузии, обеспечить ему протекторат России, но переговоры были прерваны из-за разбоя и грабежей, учиненных свирепыми абхазами, которые среди прочего украли табун лошадей, принадлежавший полку Тотлебена» [2, с. 80]. Неблагоприятное развитие политических событий вынудило абхазского владетеля принять турецкую ориентацию, которая первоначально была свойственная и новому правителю стратегически важного приморского княжества Келешбею Чачба, ставшему одной из наиболее ярких личностей в региональной истории рубежа XVIII – XIX столетий. По справедливому замечанию И. Бларамберга, «после смерти князя Левана Абхазия была разделена между его сыновьями, старший из которых по имени Келеш-бей, наделенный превосходными умственными способностями, привлекательной внешностью и предприимчивостью, сумел захватить власть над всей Абхазией и снискать, в то же время, расположение султана» [2, с. 80]. Далее автор подробно описывает хорошо известную версию, согласно которой абхазский владетель долго колебался между российским и турецким выбором, но, в конце концов, предпочел политическое покровительство могущественного северного соседа. В контексте указанного подхода И. Бларамберг упоминает и о длительном конфликте Келешбея Чачба с мегрельскими князьями Дадиани, сопровождавшемся целенаправленным захватом сановного за-

ложника Левана и острым конфликтом с имперской и местной администрацией вокруг стратегически важной крепости Анаклия, находившейся в нижнем течении р. Ингур [2, с. 81]. Не меньшее авторское внимание уделено и известному инциденту с Таирпашой трапезундским, спасшимся от султанского гнева под личной защитой абхазского владетеля. По четко выраженному мнению И. Бларамберга, последующее убийство Келешбея Чачба было организовано турецким правительством, стремившимся отомстить за откровенное неповиновение взбунтовавшемуся вассалу и использовавшим в качестве карательной марионетки наследного принца Асланбэя [2, с. 81]. Однако дальнейшее изложение многообразного эмпирического материала сопровождается постепенным отходом от канонической версии, в рамках которой благородный Сефербей, выполняя последнюю волю трагически погибшего отца, пишет «просительные пункты» Александру I и при единодушной народной поддержке добровольно вступает в имперское подданство.

И. Бларамберг сначала признает, что новый владетель не мог наследовать Келешбею на законных основаниях вследствие неизвестного происхождения по материнской линии, но приобрел исключительную власть за счет российской поддержки [2, с. 83]. Информированный исследователь предлагает аналогичное объяснение и для последующей властной ротации в формально независимом княжестве, официальный лидер которого не контролировал большинство территориальных сообществ и не пользовался широкой социальной поддержкой. И. Бларамберг отмечает, что «*после смерти Сафир-бэя в 1821 году Абхазия, подстрекаемая Портой и Арсланбеком, восстала, но сын Сафир-бэя, Дмитрий, полковник русской службы, был провозглашен правящим князем Абхазии с помощью военной силы, достаточной, чтобы навязать его народу* (курсив мой – Н.Т.) [2, с. 83]. Новый владетель, не владевший абхазским языком и не пользовавшийся серьезным авторитетом у местного населения, вскоре был отправлен Урусом Лакоба, а властные полномочия были переданы младшему сыну Сефербэя Михаилу, ставшему последним правителем Абхазского княжества [9, с. 16]. И. Бларамберг полагал, что ««хотя права нынешнего правящего князя (Михаила Чачба – Н.Т.) и были признаны всеми абхазами, его влияние среди них все же очень ограничено и даже, можно сказать, отсутствует, особенно в среде жи-

телей, которые исповедуют ислам, а они составляют две трети всего населения Абхазии» [2, С. 83]. Существенное преувеличение общего числа абхазских мусульман представляется одной из немногих содержательных ошибок российского офицера, внимательно относившегося к комплексному отбору используемого эмпирического материала. Однако качественная оценка реальной власти последнего владельца, предложенная И. Бларамбергом, вполне соответствует исторической действительности, что подтверждается объективными результатами дальнейшей исследовательской деятельности [3,9].

Среди других авторских размышлений, посвященных абхазским реалиям первой половины XIX столетия, следует выделить точную и обстоятельную характеристику административно-территориального деления формально независимого княжества. По справедливому замечанию И. Бларамберга, «в современном состоянии население Абхазии насчитывает около 10-12 тысяч семей, занимающих пять округов, один из которых – Самурзаканский – зависит от мингрельского князя, другой – Цебельдинский, представляет собой независимое образование, не признающее верховной власти России, а также не подчиняющееся и правящему абхазскому князю. Хотя три остальные округа – Абшивский, Абхазский и Бзыбский - считаются находящимися под властью князя Михаила Ширвашидзе, назначенного русским правительством правящим князем Абхазии, ему подчиняется только Бзыбский округ. Абхазский подчиняется дядьям князя Михаила: Батал-тееру и Хасан-бею, последний из которых оказывает громадное влияние на народ и очень предан России. Наконец Абшивский округу подчиняется Али-бею, двоюродному брату правящего князя» [2, с. 84-85]. Российский офицер не только подчеркивает объективную слабость княжеской власти, лишенной полноценного контроля над большей частью исторических областей, но и очевидное отсутствие внутреннего единства правящей фамилии, отдельные представители которой преследовали собственные интересы. Дополнительные трудности для имперской инкорпорации представлял традиционный менталитет местного населения, не склонного к полному подчинению властным структурам. По справедливому замечанию И. Бларамберга, «большинство народа не признает власти ни России, ни Османской империи из-за своего непокорного характера, они ценят превыше всего

личную независимость» [2, с. 85]. Подобный настрой большинства местных жителей существенно ослаблял властный потенциал местных владетелей, лишенных стабильных источников материального обеспечения. Российский офицер отмечает то существенное обстоятельство, что «абхазский народ платить подати, которые требует правящий князь Абхазии ... но часто абхазы отказываются их платить. От своих собственных крестьян, число которых очень невелико, князь получает в год одну корову, один кувшин вина и третью часть зерна от урожая ...» [2, с. 100]. Следует признать, что постоянное поддержание административного контроля над консолидированными горскими сообществами при подобной ресурсной базе было трудно выполнимой задачей, успешно решаемой только авторитетными лидерами, способными ненасильственным путем привлечь широкую общественную поддержку. Владельческие князья имперской эпохи не являлись харизматическими лидерами, а потому вынуждены были опираться преимущественно на военную мощь Российской империи.

Несомненным исследовательским достижением И. Бларамберга является адекватная характеристика социальной структуры абхазского общества, которую отдельные современники воспроизводили с существеннымиискажениями. Российский офицер полагал, что «абхазы делятся на три класса: 1) крестьяне, которые могут быть свободными, могут быть рабами или военнопленными; 2) дворяне; 3) князья, которые подразделяются на удельных и правящих. Кроме этих трех основных классов есть еще и четвертый, называемый «чинакма». Представители этого класса пользуются теми же правами, что и знать, но в него входят люди низкого происхождения, например, крестьяне, несущие военную службу при княжеской особе или выполняющие обязанности телохранителей» [2, с. 101]. В последующей историографической традиции указанная модель получила новые качественные характеристики, но принципиальное содержание, заложенное И. Бларамбергом, не претерпело существенных изменений [3,9].

Определенный интерес представляет многообразная географическая и этнографическая информация, собранная и обобщенная российским офицером. В частности, И. Бларамберг приводит подробные данные об абхазских реках и удобных местах для сезонных переправ, демографической структуре автохтонного населения, естественных особенностях природного рельефа и по-

лезных ископаемых. Он также адекватно характеризует местную сельскохозяйственную систему, неразрывно связанную с климатическими условиями и территориально охватывающую незначительную часть земельного фонда. В отличие от некоторых современников И. Бларамберг высоко оценивает местное ремесло и домашние промыслы, отчасти обеспечивавшие региональные потребности и умело использовавшие не только собственные ограниченные ресурсы, но и привозное сырье. По справедливому замечанию российского офицера, «абхазы изготавливают ружья, кинжалы и сабли-шашки из железа, получаемого от турок или из Сухум-кале. Они умеют великолепно обрабатывать металл и превращают его в прекрасную сталь. Среди них есть и мастера ювелиры, украшающие золотом и серебром оружие, пояса, газыри ... в каждой абхазской семье делают грубое сукно желтого или серого цвета для собственного потребления, а также для нужд семьи изготавливают бурки ... из шерсти собственного производства. Абхазки умеют делать и хлопковую ткань, необработанное сырье для которой привозят из Турции» [2, с. 99]. Он также отмечает серьезную турецкую зависимость местной торговли, ориентированной преимущественно на натуральный обмен. И. Бларамберг проводит своеобразный исторический экскурс, в рамках которого указывает, что «когда турки владели Абхазией, торговля в небольшом объеме осуществлялась между этой страной и горцами: из Батума и Трапезунда в Абхазию ввозили железо, соль, всевозможные виды оружия, шелковые и хлопчатобумажные ткани, разноцветный мараскин и порох, которого совершенно нет у абхазов. Они выменивают все эти товары на кукурузу, древесину буков и самшита, на мед и воск, но чаще - на пленников обоего пола, захваченных у русских в окрестностях крепости Сухум-кале и у мингрелов» [2, с. 99]. Русское экономическое проникновение в рассматриваемый регион, по справедливому замечанию российского офицера, ограничивается незначительным распространением серебряных рублей в местном денежном обращении [2, с. 100].

В целом необходимо признать, что в военно-этнографическом нарративе, созданном талантливым исследователем И. Бларамбергом, представлена достаточно адекватная характеристика отдельных событий и явлений абхазской истории первой половины XIX столетия. Российский офицер, следуя офи-

циальным представлениям о политическом развитии избранного региона, стремился одновременно к достоверному отражению наблюдаемых процессов, что приводило к естественному появлению содержательных противоречий в различных текстовых фрагментах. Однако, подобная ситуация благоприятствует конструктивной интерпретации авторской информации, направленной на последовательное выявление значимых фактов с высокой достоверностью, выявляемых в рамках перекрестного источниковедческого анализа. В контексте указанного обстоятельства совершенно не случайным представляется интенсивное использование творческого наследия И. Бларамберга в последующей исследовательской практике, связанной с комплексной реконструкцией абхазской истории первой половины XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. М, 2010.
 2. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. Нальчик, 1999.
 3. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
 4. Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 года). Сухуми, 1958.
 5. Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ставрополь, 2011.
 6. Колесникова М.Е. Историографические источники по истории изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX в. //
- http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 [Электронный ресурс]. Дата обращения – 12.12.2014 г.

7. Колесникова М.Е. Краеведческие и топографические описания как историографический источник. // Вестник Ставропольского университета. 2011. № 2.
8. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011.
9. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
10. Мусукаев А.И. Труд профессиональный, энциклопедический, новаторский // Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. Нальчик, 1999.
11. Назарова И.М. «... край, столь любопытный во всех отношениях» // Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. Нальчик, 1999.
12. Назарова И.М Исследователь Кавказа И.Ф. Бларамберг // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегиональной научной конференции. В 2-х ч. Ставрополь, 1998.
13. Назарова И.М. Народы Северного Кавказа в трудах ученых и путешественников. // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007-2014. Ставрополь, 2014.
14. Назарова И.М. Развитие домашних промыслов и ремесел у народов Северного Кавказа по данным И.Ф. Бларамберга (первая треть XIX в.) // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений, 1990–1991 гг. СПб., 1992.
15. Назарова И.М. Сочинение И.Ф. Бларамберга как источник по этнографии народов Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1990.
16. Назарова И.М. Страницы жизни Иоганна Бларамберга // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1990. № 1.

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Амбарцумян К.Р.

Северо-Кавказский федеральный университет

г. Ставрополь

«СВОЙ-ДРУГОЙ-ЧУЖОЙ»: ВЗГЛЯД НА ЧЕРКЕСОВ ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ В XIX ВЕКЕ

В свете дискуссий о формировании российской гражданской идентичности в условиях полигетничного северокавказского региона целесообразно обратиться к вопросу взаимного восприятия в исторической перспективе. Стереотипность кавказских сюжетов в современном общественном сознании так же стимулирует исследователей к изучению особенностей интеллектуального освоения региона в прошлом. В свете указанных обстоятельств обращение к заявленной теме позволяет увидеть множественность и неоднозначность конструируемых образов, которые влияли на восприятие региона, как за его пределами, так и на самоидентификацию самих черкесов, во всяком случае отдельных представителей.

Самоидентификация и идентификация протекают не в вакууме, они становятся своего рода частью дискурса, в котором с разных позиций формируется образ той или иной этнической общности, при этом определенное значение имеет и взгляд извне. Как справедливо отмечает Л.П. Репина, оппозиция «мы-они» - это древнейшая социальная категоризация присущая любой общности и играющая решающую роль в её консолидации [5, с. 16].

Мультикультурное пространство, коим является Северный Кавказ, демонстрирует множество идентичностей и множество вариантов восприятия мира в рамках имагологического концепта «свой-другой-чужой». Следует осознавать, что имагология имеет целью изучить дискурс презентаций, а не само общество [1]. Поэтому множественность имеет место при рассмотрении этой и той же этнической общности с разных ракурсов. Так как взгляды изнутри и извне предполагают выстраивание разных смысловых образов в связи с помещением объекта наблюдения в различные системы координат.

С целью формирования представления об образах черкесов, создаваемых при рассмотрении как изнутри, так и со стороны были выбраны три текста. Автором первого сочинения, посвя-

щенного присоединению Кавказа и описанию народов здесь проживающих, стал военный историк Николай Дубровин [2]. Отличительной особенностью труда Н. Дубровина стала компилятивность, впрочем, автор сам открыто заявляет об этом в предисловии: «Не прибавляя от себя ничего нового, я свел только в одно целое сведения, разбросанные по различным архивам, журналам, газетам и отдельным сочинениям» [2, с. XVI]. Очевидцем того о чем писал он не был, просто фиксировал и комбинировал сведения из многочисленных источников. В общем-то, это сочинение своего рода среднее арифметическое взглядов из России на только что покорённый Кавказ. С другой стороны, сочинение основано не просто на разноплановых источниках, а на опыте многообразного и противоречивого российско-кавказского взаимодействия. И образы сконструированные автором – это и есть аккумулированный опыт. Он далеко не всегда позитивный, что не снижает его ценности [4].

С иного ракурса взглянуть на регион позволяют «Записки черкеса». В них собраны труды выдающегося адыгского просветителя, журналиста, первого редактора газеты «Терские ведомости» и общественного деятеля XIX века Адыль-Гирея Кешева [3]. Наконец, с третьей стороны, описывает Черкесию французский военный советник, журналист А. Фонвиль [6]. Последнее сочинение знакомит нас с пониманием ситуации и восприятием черкесов представителем европейской культурной общности.

Выбор текстов для сравнительного анализа неслучаен. Он объясняется следующими мотивационными моментами. Во-первых, между ними нет большого хронологического разрыва. Во-вторых, три предложенных текста написаны представителями совершенно разных социокультурных миров, что дает больше оснований для сравнения.

Труд Н.Ф. Дубровина, невзирая на формальное включение северокавказского региона в состав Российской империи, безусловно, являет нам взгляд со стороны. Чертесы для автора являются представителями Востока. Конструирование образа Другого и актуализация его отличительных признаков связаны с самоидентификацией конструирующего. В этой связи образы, формируемые в тексте автором, соотносятся с пониманием Своего. Только последние сто лет Запад учился не смотреть на Восток сверху вниз, учился не бояться его, учился пониманию [8]. Историк же

XIX столетия сообразно с логикой своего мышления помещал черкесов в европейскую систему цивилизационных координат. Авторская лексика говорит сама за себя, кавказские племена он определяет как «азиатские», часто используется понятие «туземное население» [2, с. IX]. Характеризуя отношение черкесов к родным местам, Н. Дубровин оценивает его как «бессознательную привязанность полудикого человека» [2, с. 126], что тоже является следствием взглядов евроцентристского толка. Согласно авторскому видению ситуации, в европейских государствах «администрация и правительства основаны на прочных, близких и почти одинаковых началах, более или менее известных каждому», а на Кавказе «изучение администрации обществ и народного характера становится необходимым для каждого отдельного племени» [2, с. IX].

При этом у исследователей начала XXI века не может не вызвать одобрения и симпатии позиция, отстаиваемая историком Н. Дубровиным в XIX веке. Он полагал, что изучение народов Кавказа, в том числе и черкесов, необходимо для «администраторов», чтобы те «крутым поворотом не нарушили прежних привычек народа» [2, с. IX]. Можно сказать, что автор изъявляет готовность увидеть и признать Другого, дать ему право некоторое время быть собой, хотя бы из государственной целесообразности. При попытке соответствовать ей историк не избегает влияния обыденного сознания и тех представлений, которые доминировали в нём. Например, одним из признаков этого стало употребление понятия «хищничество», которое часто использовалось как в быту, так в официальной документации. Симптоматична абсолютизация некоторых негативных качеств, которыми атрибутируется все население. Так, Н.Ф. Дубровин пишет: «Черкес был жаден к деньгам: за деньги решался на убийства, на измену» [2, с. 125].

Учитывая, что за пределы интересов российского общества Северо-Западный Кавказ Н.Ф. Дубровиным не выносится, поэтому применительно к данному историческому сочинению и особенностям описания черкесов в нем мы можем говорить именно об образе Другого, который не является Своим в силу объективной культурной инаковости, а не враждебности. Вышеупомянутые негативные оценки свидетельствуют скорее об ощущении цивилизационного превосходства.

Некоторые характеристики полярны, что объясняется сложностью взаимоотношений и неполной инкорпорацией региона в состав Российской империи. Так неоднозначностью отличается следующее высказывание: «В обращении с соплеменниками был (черкес – А.К.) вежлив, почтителен к старшим, откровенен, говорил смело и резко то, что думал. В обращении с русскими был всегда вероломен, холден, натянут» [2, с. 124]. Последняя фраза своего рода ремарка к характеристикам из которых складывается образ Другого. Она является признаком пограничности, когда Другой трансформируется из образа Чужого, имеющего негативную коннотацию. Такими добавлениями автор дорисовывает детали, пытаясь создать баланс между позитивными и негативными описаниями и характеристиками. Вот один из таких компромиссных вариантов: «Семейные отношения у черкесов вообще грубы и деспотичны» [2, с. 168]. И далее по тексту идет оговорка, что все-таки черкесская женщина счастливее, чем у других горских народов, так как «если женщина и не пользовалась самостоятельностью, зато пользовалась ролью прихотливо-оберегаемой игрушками» [2, с. 170].

Имагологический ряд «свой-другой-чужой» предполагает взаимосвязь между своими компонентами, поэтому формирование образа Другого идет относительно и Своего, и Чужого. Воплощением последней составляющей процесса была Турция. Она упоминается нечасто, как правило, с целью – подчеркнуть пагубность её влияния на автохтонное население. Поэтому контекст употребления неприглядный, например, работорговля [2, с. 209 - 210]. Дубровин Н.Ф. попытался показать стратегическое заблуждение черкесов, склонявшихся к сотрудничеству с ней. С целью иллюстрации степени ошибочности этих убеждений он пишет о том, что черкесы ложно верили в могущество Турции, в то, что султан повелевает всей Европой и что англичане и французы появились на Кавказе по его приказу для изгнания русских [2, с. 183].

Образ черкесов в работе Н.Ф. Дубровина, безусловно, детализирован и многогранен. Наполненность информацией об обычаях, быте, нравах, хозяйстве и даже природном ландшафте, в условиях которого проживают черкесы, позволяет сформировать довольно ясное представление об описываемом социокультурном пространстве, более того присутствует географическая локализа-

ция. Нередко приводятся случаи из жизни, примеры, иллюстрирующие наглядно описываемые быт и нравы. Текст изобилует терминами, специфическими названиями и отдельно взятыми фигурантами. Даже с учетом компилятивности текста, содержание выдает авторскую цель – максимально всесторонне и подробно представить черкесов читателю.

Сочинение иностранца, француза А. Фонвиля, жанрово отличается от «Истории войны и владычества русских на Кавказе» Н.Ф. Дубровина. В отличие от русского историка европеец фиксировал личные наблюдения. Тем не менее, небольшой по объему текст дает основание для анализа и сравнений, так как его автор предлагает свое видение Черкесии. Сразу следует отметить значительную обобщенность образа, той детализации и персонализации, которая присутствовала в работе Н. Дубровина, не отмечается. Очевидно, сказалась кратковременность пребывания француза на Кавказе, Фонвиль большее значение придавал событийной стороне дела, нежели описанию самих черкесов. Поэтому их образ на фоне событийной динамики утрачивает ясность и четкость.

Автор был активно вовлечен в военные действия, что тоже повлияло на содержание конструируемого образа. Он более милитаризован, так как в мирном состоянии черкесов ему приходилось видеть реже. Оппозиция «русские-черкесы» красной нитью проходит через все повествование, поэтому черкесы в трактовке Фонвиля – жертвы агрессии, а geopolitiki и войны в образе черкесов больше, нежели этнокультурного компонента. Кроме того, образ Другого представленный Фонвилем, носит временный характер. Его существование актуально на время соприкосновение с этим миром, при удалении от него он эволюционирует в Чужого. Не по причине враждебности, а в связи с утратой актуальности и выпадением его из сферы интересов. Вот как описывает автор свой отъезд: «Несмотря на все удовольствие, ощущаемое мною с приближением к Трепизонду, мое сердце обливалось горечью, когда я вспоминал поражающую нищету этих несчастных, гостеприимством которых я пользовался столько времени и с которыми я теперь расставался, может быть, навсегда» [6].

Образ Черкесии Фонвиль наполнил теми чертами, которые больше всего поражали сознание европейца: красота черкешенок, необычность национальных костюмов, торг невольницами, прак-

тически культовое отношение к оружию и т.д. Все это формирует налет восточной экзотики. Загадочность и экзотичность придается отсутствием каких-либо терминов и понятий, характеризующих социокультурное пространство черкесов, чем выгодно отличается научное сочинение Н.Ф. Дубровина. Образ Черкесии приобретает специфические черты на фоне образов России и Турции. Примечательно, что Фонвиль и Дубровин одинаково фиксируют отношение к Турции. Француз также описывает идеализацию и абсолютизацию власти турецкого султана.

Важным элементом образа в воспоминаниях Фонвиля является передаваемое мировосприятие черкесов: «Я им много говорил об итальянцах, пытаясь убедить, что и они также принимали участие в войне против русских, но все было тщетно. Они никогда и не слыхали даже названия этого народа, и для них все те, которые не были ни турки, ни русские, были или англичане, или французы» [6]. Таким образом, образ «чужой» Европы у черкесов имел довольно обобщенный вид и воспринимался относительно всемогущества турецкого султана.

Оба автора являются исследователю взгляд извне, и, тем не менее, образы коррелируют друг с другом. Объясняется это не только различиями в жанрах сочинений, в происхождении авторов, принадлежностью к разным социокультурным мирам, что, безусловно, имело значение. Познание северокавказского региона для российской государственности, представителем которой был Н. Дубровин, было насущной задачей связанной с инкорпорацией региона в состав империи. А. Фонвиль же в большей степени преследовал цель описать трагичность завершения Кавказской войны

Наконец, третий вариант понимания ситуации в регионе и восприятия горцев Северо-Западного Кавказа являет нам творчество Адыль-Гирея Кешева. Дуальность сознания автора, связанного с двумя социокультурными мирами порождает двойственность проецируемых на страницах его трудов образов. Адыль-Гирей будучи этнически абазинского происхождения [7], с другими горскими юношами закончил Ставропольскую гимназию и некоторое время учился в Петербурге. Невзирая на ранний уход из жизни (на момент смерти ему было всего 35 лет), в историю он вошел как выдающийся адыгский просветитель. С нотой трагизма автор сетовал по поводу двойственности своего существования

ния: «В России на лбах наших опытный глаз прочтет черкесскую вывеску. Между своими мы кажемся более русскими, чем адыгами» [3].

Образ, складывающийся из описаний А.-Г. Кешева, относительно автора идентифицируется как Свой. Включенность наблюдения помноженная на принадлежность по рождению к описываемому миру породила новое понимание жизни кавказских горцев. В тоже время есть образ Другого, в который вписались уже дружественные и понятные ему русская и европейская культуры. В «Записках черкеса» он следующим образом заявляет о своих целях: «Я желал бы представить черкеса не на коне и не в драматических положениях (как его представляли прежде), а у домашнего очага». Антропоцентричность образа усиливается не только благодаря описанию быта, повседневности. Эффект усиливается благодаря конструированию неидеализированных образов с пороками и достоинства свойственными человеку.

В новом свете предстают отношения славянского населения и черкесов, они выбиваются из устоявшегося комплекса представления об бесконечных военных столкновениях. Адыль-Гирей Кешев в небольшом отрывке представил этнокультурное многообразие региона в мирном контексте: «В самой станице около лавок на базарно площади толпятся, шумят, бранятся, каждый на своем языке черкесы, абазинцы, ногаи и казаки... Душа радовалась при виде это смешанной толпы и недаром: торговля лучшее средство к сближению народов» [3, с. 62]. «Черкеса у домашнего очага» органично дополняется описанием горцев, держащих и взаимодействующих со славянским населением.

Если Н.Ф. Дубровин пытался уравновесить негативное и позитивное в образе, то в данном случае автор ищет компромисс между двумя уровнями собственного сознания, отсюда и сравнения цивилизационного характера. Вот одно из таких сопоставлений: «Кунацкая для черкеса то же, что кофейни, клубы, трактиры в Европе» [3, с. 121]. Иногда приписывается превосходство черкесам: «Напрасно образованные народы присваивают себе монополию изящного вкуса. Смею думать, что черкесы в этом поспорят с кем угодно» [3, с. 121]. При этом категория «образованный» выдает авторское ощущение цивилизационного отставания горцев. Таким образом, Адыль-Гирей неоднократно проговаривается

«... я нашел безотрадное положение между черкесами человека, вкусишего сладость просвещения...» [3, с. 72].

Восприятие гендерных стереотипов горцев тоже противоречиво и выдает внутренний культурный конфликт. С одной стороны, он «доказывал, что свободное обращение с мужчинами делает русских девушек милыми в обращении, что свобода женщины существует не только между русскими, но и во всех больших сильных странах» [3, с. 66]. В более позднем возрасте, описывая население, проживающее на берегу реки Уруп, он с уважением констатировал, что женщины прячутся от мужчин. Локальные миры, границы между ними и их отличительные признаки вычленяются только в сочинении адыгского автор. Очевидно, что в его понимании аул на Кубани и аул на реке Уруп – два разных мира, так как даже гендерные модели поведения в них представлены разные.

В целом анализ источников показывает, что рассмотрение этнокультурного сообщества извне и изнутри в результате имеет множественность образов с чертами сходства и различия. Образы черкесов во всех трех текстах, безусловно, схожи, особенно это проявляется в использовании авторами стереотипных сюжетов (внешний облик, воинственность, набеговая активность, красота женщин и т.д.). Различия образов, вытекающие из вышеуказанного текста. Во-первых, различие в жанрах, которое обязывает автора к отбору и фиксации определенной информации и презентации определенных сторон жизни горцев. Во-вторых, существование авторов в разных социокультурных общностях, что определило разную удаленность и географическую, и ментальную от описываемого объекта. В-третьих, разница в позиционировании всех трех авторов: Н.Ф. Дубровин по образу мышления и роду занятий – государственник, А. Фонвиль – иностранец, вполне возможно, что с агентурными целями, Адыль-Гирей Кешев – представитель кавказской интеллигенции. Этнические, социальные, профессиональные различия наложили отпечаток на содержание их текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leerssen, Joep. Imagology: history and method [Electronic resource] URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf> (Accessed: 6.12.2014).

2. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. - СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. 656 с.
3. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Повести, рассказы, очерки, статьи, письма. Нальчик. Эльбрус. 1988. 272 с.
4. Посохов С.И. Этические проблемы исторической имагологии [Электронный ресурс] URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/posohov-si-eticheskie-problemy-istoricheskoy-imagologii#10> (Дата обращения 5.12.2014).
5. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 9 – 19.
6. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость (1863 - 1864). Нальчик: Изд-во журнала «Адыге», 1991. 48 с.
7. Хажхожева Р.Х. К вопросу об этнической принадлежности Адиль-Гирея Кешева // Генеалогия Северного Кавказа. 2003. №4. С. 15 – 21.
8. Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. №9. С. 254 – 254.

Цибенко С.Н.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЧЕРКЕССКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

В течение последних лет черкесская проблематика стала заметной составляющей информационного пространства во всем мире и привлекла внимание значительного числа историков, политологов, кавказоведов, культурологов и различного рода экспертов из разных стран. В то же время огромный комплекс сложных вопросов, связанных с историей вхождения черкесских народов в состав Российской империи, мухаджирством, положением черкесской диаспоры в странах пребывания, ассимиляцией, сохранением языка и культуры, требующих внимательного, объективного и вдумчивого изучения так и остался за рамками рассмотрения большинства исследователей.

При этом в значительной части публикаций зарубежных СМИ последнего десятилетия, работах ученых, экспертов и журналистов черкесская проблематика была сведена, в своем большинстве, лишь к настойчивому требованию признать события Кавказской войны XIX в. и мухаджирства «геноцидом» черкесов со стороны России и не допущению проведения Зимних Олимпийских Игр Сочи-2014.

Безусловно, такая трактовка событий XIX века не является особенностью последнего времени и своими корнями уходит в прошлое. Как известно основу представлений о черкесах в Европе в середине XIX века заложили англичане, с 30-х гг. позапрошлого века активно вовлеченные во внутри и внешнеполитические процессы на Кавказе с целью недопущения установления влияния там Российской империи, а также отдельные представители других народов Европы. Оставленные ими тексты выступлений и воспоминаний послужили источником для формирования представлений о черкесах и черкесском вопросе для европейцев. Работы Дэвида Уркарта (David Urquhart), Джеймса Белла (James Bell), Джона Лонгвортса (John Augustus Longworth), Stewart Erskine Rolland, Рассела Ли (Russell Lee), Фридриха Вагнера

(Friedrich Wagner), Captain (William) Jesse, Ivan Golovin, Louis Moser, Robert Harrison стали источниковой базой для следующих поколений исследователей Кавказа на Западе, а предвзятый характер изложения событий того времени во многом предопределил характер будущих научных исследований. Однако, наряду со значительным политическим подтекстом, работы европейцев XIX века содержат значительный объем описательного материала, имеющий исключительную научную ценность до настоящего времени.

К концу XIX века проблема включения Кавказа в состав России и сопутствующие ей вопросы потеряли былую актуальность и были вытеснены на периферию общественного внимания в Европе и России. Проблема перестала волновать как исследователей, так и читателей.

Возобновление интереса к Кавказской войне и переселению проявилось во втором десятилетии прошлого столетия, когда борьба горских народов за независимость приобрела осязаемые черты, а создание Горской республики институализировало ее. Однако масштабные трансформации, затронувшие всю Европу, Российскую и Османскую империи не оставили черкесской проблематике шансов закрепиться в фокусе главных интересов научного сообщества если не считать нескольких трудов, в том числе англичанина Джона Браддели (John Braddeley).

Начало холодной войны, вступление Турции в НАТО предопределили реактуализацию черкесской проблематики в конце 1940-х – начале 1950-х годов, направленную, в том числе, на формирование антисоветского движения среди переселенцев с Кавказа и их потомков. Как отмечает Авраам Шмулевич, «это было начало холодной войны, когда британская разведка пыталась активизировать сепаратистские движения в различных национальных регионах СССР, оказывала им военную и дипломатическую помощь» [5].

К разработке черкесской проблематики в это время проявляют интерес такие западные специалисты как Эдвард Дэвид Ален (William Edward David Allen), Питер Брок (Peter Brock), Павел Муратов (Paul Muratoff) и Чарльз Вебстер (Charles Webster), чьи работы впоследствии широко использовались множеством авторов, изучающих историю вхождения Кавказа в состав России.

В 70-е годы происходит очередное оживление интереса к черкесам со стороны отдельных иностранных ученых. В это время выходят работы Юрия Штенделя (Uri Shtendel), Кемаля Карпата (Kemal Karpat), Роберта Конквеста (Robert Conquest), Марка Пинсона (Marc Pinson), Мухеддина Куандура (Mohydeen Izzat Quandour). Однако их исследования получили распространение только в кругу специалистов и остались практически неизвестными широкой общественности. В это же время на Западе, прежде всего в Великобритании, переиздаются многие работы XIX века, посвященные черкесам.

В 80-90-е годы XX века изучение мифологии черкесских народов, языков и истории уступает место разработке темы мухаджирства, борьбы Кавказских народов за независимость, политики России на Кавказе, роли Османской империи и ислама в переселении черкесов. На Западе происходит переход к изучению черкесской проблематики экспертными и аналитическими центрами, в Турции – разнообразными культурными ассоциациями. Появляются и отдельные работы ближневосточных авторов. В это время в Аммане выходят работы Мухамеда Хагандока (Muhammed Kheir Haghandaq), Нихата Берзега (Бэрзэджа) (Nihat M. Berzeg). В Турции выходят работы Иззет Айдемира (Izzet Aydemir). В США известный кавказовед Джон Коларуссо (John Colarusso) публикует серию научных работ, в том числе разделы в двух энциклопедиях, посвященных черкесам, черкесской мифологии, языку и истории. Работы Коларуссо сразу же становятся фундаментом для многократного цитирования широкого круга исследователей, общественных деятелей и политиков. В 1990 г. американский стратегический исследовательский центр РЭНД (The RAND Corporation) публикует работу Пауля Хензе (Paul Henze) «Северный Кавказ: долгая борьба России за покорение черкесов», которая стала отправной точкой для проведения широкомасштабных исследований, посвященных черкесам [6]. Годом позже английское издание «Обзор центральной азии» (Central Asian Survey) публикует перевод на английский язык написанной в 60-е годы бывшим гражданином СССР Рамазаном Трахо (Ramazan Traho) монографии «Черкессы» [7].

В Турции выходят работы Джевета Паши (Ahmet Cevdet Paşa) и Османа Челика (Osman Çelik), посвященные истории Кавказа XVIII-XX веков, Джемала Гёкче (Cemal Gökçe) по политике

Османской империи на Кавказе и Бедри Хабиджоглу (Bedri Habicoğlu) по переселению горцев в Турцию. В 1993 г. в Турции выходит сборник «Ссылка черкесов (21 мая 1864)», в котором опубликованы переводы с английского работ западных авторов (в 2001 г. сборник под тем же названием переиздан с добавлением новых статей западных и турецких исследователей).

Наряду с публикацией научных работ черкесы в Турции издают многочисленные журналы, которые становятся для значительного круга людей главным источником информации как о черкесах и их истории, так и других народах Северного Кавказа. Так, культурная ассоциация северокавказцев (Kuzey Kafkasyalılar Kültür Derneği) издавала «Культурный Журнал Северного Кавказа» («Kuzey Kafkasya Kültür Dergisi»; 98 выпусков с 1970 по 1980 и с 1986 по 1998 гг.) и журнал «Семь звезд» («Yedi Yıldız»; 6 выпусков с 1994 по 1995 гг.), через которые осуществляла пропаганду единой северокавказской идентичности. Семь звезд символизировали объединение семи «стран»: Абхазии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечни-Ингушетии, Осетии и Дагестана.

Совет Объединенного Кавказа (Birleşik Kafkasya Konseyi, Birkafkon) издавал «Журнал Совета Объединенного Кавказа» («Birleşik Kafkasya Konseyi Dergisi»; с 1995 по 2005 гг. вышло 43 выпуска, до 12 выпуска существовал в форме восьмистраничного новостного бюллетеня), который распространяли, в том числе, в посольствах и турецком правительстве. Кавказский фонд (Kafkas Vakfı) в эти годы издавал «Бюллеть» («Bülten»; 12 выпусков с 1996 по 2002 гг.).

В 1995-1999 гг. на Западе выходят публикации по черкесской проблематике голландского кавказоведа, лингвиста Рикса Смейте (Rieks Smeets), американского историка Виллиса Брукса (Willis Brooks), исследователя-публициста Стивена Шенфилда (Stephen D Shenfield), писателя и журналиста Сьюзан Голденберг (Suzanne Goldenberg), специалиста по черкесской диаспоре в Иордании Сетеней Шами (Seteney Shami). В это же время в Турции публикуются подробные работы Абдуллаха Сайдама (Abdullah Saydam) и Сулемана Эрканы (Süleyman Erkan), посвященные переселению горцев с Кавказа.

В 2000-е черкесская проблематика за рубежом окончательно формулируется в контексте определенной политической стратегии.

гии, меняется формат и содержание научных и экспертных публикаций, посвященных черкесам, акцент которых переносится на тематику «геноцида», «захвата» и «порабощения» Кавказа Российской.

В указанный период черкесская проблематика актуализируется в трудах зарубежных авторов Майкла Мана (Michael Mann), Амджада Джаймуха (Amjad Jaimoukha), Марка Левина (Mark Levene), Николаса Б. Брейфогла (Nicholas B. Breyfogle). К изучению истории черкесов проявляют интерес даже ученые из Финляндии Антеро Лейтзингер (Antero Leitzinger) и Анси Кульберг (Anssi Kullberg). Переиздаются труды Джона Баддели (John Baddeley), посвященные завоеванию Кавказа. В работах, в том числе турецких авторов, в том числе Седат Озден (Sedat Özden), новое дыхание получают работы Дж. Белла и Д. Лонгвортса.

В Турции повестку дня для черкесской диаспоры стала задавать Федерация кавказских ассоциаций (KAF-FED), в частности через ставший их официальным печатным органом журнал «Нарт» («Nart»; 86 выпусков с 1997 по 2013 гг.). Федерация фактически монополизировала черкесскую проблематику, одновременно радикализируя ее. Федерация ассоциаций Объединенного Кавказа (Birleşik Kafkas Dernekleri Federasyonu, BİRKAFFED) выпускала журнал «Объединенный Кавказ» («Birleşik Kafkasya»; 18 номеров с 2005 г.). В журнале последовательно проводилась идея создания независимого от России в культурном и политическом плане единого Кавказа. Кроме того, в 2006 г. в Турции выходят первые научные работы турецких авторов, обосновывающие употребление термина «геноцид» к событиям окончания Кавказской войны, в частности Аслана Джахита (Aslan Cahit) и Фетхи Гюнгёра (Fethi Güngör).

В это же время в Турции активно публикуются Бедри Хабичоглу (Bedri Habigoglu), Оздемир Озбай (Özdemir Özbay), Йашар Баг (Yaşar Bağ), работы которых посвящены переселению черкесов, рассматриваемому как “оккупация” и “геноцид”. Работы Недим Ипека (Nedim İpek), напротив, отличает более взвешенный и объективный подход к вопросу мухаджирства.

После победы в 2007 году г. Сочи в борьбе за право проведения Зимних Олимпийских Игр 2014 тематика научных и экспертных публикаций, посвященных черкесам, вращается исключительно вокруг чрезмерно и целенаправленно политизирован-

ных вопросов, связанных с Кавказской войной XIX века и мухаджирством, воспринимаемых зарубежными авторами единственно как “геноцид” черкесов. В Турции со стороны организаций, фондов и ученых кавказского происхождения начинается давление на исследователей, использующих в соответствии с турецкой научной традицией слово “миграция” (*göç*) для описания переселения с Кавказа в Османскую империю. Вместо этого исследователей вынуждают использовать термины “ссылка/изгнание” (*sürgün*) и “геноцид” (*soykırım*).

В указанный период черкесскому вопросу посвятили свои публикации Джон Коларуссо, Уолтер Ричмонд (Walter Richmond), Анси Кульберг (Anssi Kullberg), Оливер Булло (Oliver Bullough), Зейнел Абидин Беслени (Zeynel Abidin Besleney), Кадыр Натхо (Kadir Natho), Пол Гобл (Paul Goble), Ирма Крейтен (Irma Kreiten), Мераб Чухуа (Merab Chukhua), Ларс Функ Хансен (Lars Funch Hansen) и Пауль Хензе (Paul Henze).

С середины 2013 года черкесская проблематика резко теряет былую актуальность, деполитизируется в связи с бесперспективностью дальнейшего использования в политических целях и постепенно вытесняется на периферию сначала общественного, экспернского, а затем и научного внимания. Вместе с тем, на этом фоне усиливается исследовательский интерес к новому, концептуальному осмыслению, событий XIX в. и их трактовки не только со стороны известных российских ученых-историков [4], но и со стороны молодых российских ученых, рассматривающих применимость западных концепций в отечественном кавказоведении [3], распространение и закрепление мифологизированных версий прочтения истории адыгских народов [2], институциональные причины и механизмы, способствующие сохранению в регионе этнополитических проблем [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адиев А.З., Этнический национализм и конфликты на Северном Кавказе как институциональные явления // Научная мысль Кавказа. 2014, № 3. С. 104-11.
2. Маковская Д.В., Патеев Р.Ф. Формы, методы и технологии конструирования исторических мифов на примере мифологии

зации «черкесского вопроса»// Гуманитарные и социально-экономические науки. № 6. 2014. С. 149-159.

3. Цибенко (Иванова) В.В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа № 1. 2014. С. 70-77

4. См. например Шеуджен, Э.А. Северокавказская историография: границы и соотношение координирующих понятий // Научная мысль Кавказа № 1. 2014. С. 126-133.

5. Авраам Шмулевич. Как русский медведь проспал черкесский вопрос // Информационное агентство Центра Национально-Демократических исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://anvictory.org/blog/2011/05/19/kak-russkij-medved-prospal-cherkesskij-vopros/>.

6. Paul B. Henze. The North Caucasus: Russia's long struggle to subdue the Circassians. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P7666.pdf>.

7. Ramazan Traho, Circassians' , Central Asian Survey, vol.10, no 1/2, pp, 1-63, 1991.

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Миленькая К.А.

Трапиш Н.А.

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону

ЧЕРКЕССКИЕ ОБРАЗЫ ЭДМОНДА СПЕНСЕРА

Системная реконструкция исторического прошлого отдельных народов традиционно связана с последовательным привлечением информационных фрагментов, характеризующих значимые этнические черты, отразившиеся в индивидуальном сознании заинтересованного наблюдателя. Как правило, в соответствующей роли выступают иностранные путешественники и политические агенты сопредельных или конкурирующих держав, заинтересованные по разным причинам в естественном формировании адекватного образа конкретного региона и типичных личностей, населяющих исследуемую территорию. Указанный подход в полной мере относится к Западному Кавказу первой половины XIX столетия, ставшему своеобразной точкой ментального притяжения для европейских геологов, биологов, этнографов и шпионов, скрывавшихся под традиционной личиной мирных исследователей и торговцев. Одним из подобных «искателей сильных ощущений» был английский политический агент Эдмонд Спенсер, прибывший в Черкесию в 1830 году и представившийся генуэзским врачом. Многому доктору удалось не только успешно выполнить возложенную британским правительством шпионскую миссию, но и оставить просторный нарратив, характеризующий различные стороны повседневной жизнедеятельности, социально-экономического и политического функционирования черкесского общества.

Значительный интерес представляет своеобразная галерея индивидуальных и групповых черкесских образов, созданная Э. Спенсером. Как представляется, в беглых портретных зарисовках, умело оформленных британским политическим агентом, отчетливо проступают имманентные свойства местного менталитета, определявшего в консервативных условиях традиционного общества не только повседневную жизнедеятельность, но и социально-политическую практику коренных черкесов. Однако следует учитывать также и то существенное обстоятельство, что

Э. Спенсер, несомненно, искренне симпатизировал черкесскому народу, ведшему длительную неравную борьбу с могущественной Российской империей, а потому не всегда проявлял полную адекватность в формируемых оценочных суждениях.

Первое впечатление о мужской части адыгского населения британский политический агент выразил в очень яркой и образной характеристике, ориентированной на преимущественную оценку незаурядных внешних данных встреченных черкесов. Э. Спенсер эмоционально замечает: «Я был впервые поражен их прекрасной воинственной наружностью, атлетическими формами, правильными чертами лица и гордым сознанием свободы, проявляемым в каждом взгляде и движении. Самый хорошо воспитанный кавалер Европы не может сидеть на своей лошади с большей легкостью и грацией, чем эти свободные горцы ... все это едва ли соответствует бедности их одеяний и личного снаряжения ...» [2, с. 21-22]. Яркая характеристика прирожденных воинов выглядит как своеобразный пролог к последующему описанию повседневной жизни черкесских сообществ, главным содержанием которой является ожесточенное противостояние с Российской империей. Возвышенные эмоции характерны и для красочного описания женской части адыгского социума, которая также произвела сильное коллективное впечатление на британского политического агента. По справедливому замечанию Э. Спенсера, «Женщины Черкесии не заключены в гарем, как в других частях Востока, ни обязаны скрывать их черты покрывалом от наблюдения иностранца; этот предмет одеяния, носимого ими, больше является защитой от солнца, когда они на воздухе, а внутри дома – как грациозная форма головного убора. Жены моего хозяина были одеты в специальные белые одежды, сделанные из верблюжьих или козлиных волос, которые закутывают всю фигуру. К этому надо добавить муслиновое покрывало; вы даже представить себе не можете, сколь живописен был эффект при наблюдении со стороны» [2, с. 27]. Видимая свобода женской части адыгского общества, не ограниченного традиционной восточной «униформой», воспринимается британским политическим агентом как одно из очевидных проявлений социальной свободы.

Групповые зарисовки постепенно сменяются индивидуальными описаниями отдельных жителей Черкесии, первым объектом которых становится один из местных князей, встретивший

Э. Спенсера еще на дальних подступах к собственному жилищу. Согласно образному описанию, предложенному английским политическим агентом, «он был высокий и стройный, с бородой, спускающейся до середины пояса. Черты его лица, однако, красивы, но погубели от длительной незащищенности от погоды, имели смешанное выражение искренности, ярости и хитрости,— результат долгой жизни в условиях войны и опасности. Хотя он достиг уже семидесяти лет, он все же управлял своим конем с такой легкостью и грацией, как любой из юношей, окружающих меня. Действительно, говорили, что он все же выделялся в конном мастерстве и во всех военных упражнениях в его стране, он только вернулся, за несколько дней до моего приезда, из лагеря около Суджу-Кале, где он показывал чудеса доблести, защищая перевалы от наступления русской армии, и сейчас готовил своих соплеменников ко второму походу» [2, с. 31-32]. Княжеский образ, подробно описанный Э. Спенсером, включает традиционные черты данного этнического типа, воспроизводимые многими авторами первой половины XIX столетия [1]. Классический черкес рассматриваемого периода сочетает незаурядную храбрость и естественную склонность к военным хитростям, неизменную открытость новым друзьям и яростную ненависть к известным врагам, широкое гостеприимство и невероятное искусство партизанской войны. Адыгский вождь, эмоционально охарактеризованный британским политическим агентом, даже в физиологическом облике выражает полную совокупность описанных качеств.

Дополнительную характеристику получают и женские образы, праздничный и повседневный облик которых вызывает одинаково искреннее авторское восхищение. В контексте указанного обстоятельства значительный этнографический интерес вызывает комплексное описание женской части княжеской семьи, предложенное британским политическим агентом. Согласно пространному описанию Э. Спенсера, «мать моего юного спутника (сына князя — К.М.), возрастом, вероятно, между сорока и пятьюдесятью годами, была роскошно одета в голубую шелковую одежду, открытую спереди, охваченную серебряными застежками и поясом, украшенным серебром, разноцветные брюки были из очень красивой турецкой кисеи, и в красные домашние тапочки; на голове она носила легкое покрывало, частично устроенное как тюрбан и частично падающее грациозными фалдами над ее шеей и

плечами, полностью скрывая ее волосы; к этому была наброшена широкая, тонкая кисейная вуаль, которая почти окутывала ее фигуру; ее платье, будучи заполнено обильным числом золотых безделушек, очевидно, чрезвычайно древних и в основном ручной работы, я думаю, венецианских умельцев. Ее лицо, однако, сохранило черты великой красоты. Наряд ее дочерей был даже более прекрасным; но вместо тюрбана каждая носила тиару из красной сафьяновой кожи, украшенную обилием маленьких турецких и персидских золотых монет. В остальных деталях их платья были похожи, за исключением волос юных дам, которые вместо падающих на шею локонов, как у замужних женщин, были заплетены в толстую косу, завязанную на конце серебряной веревкой, которая спускалась ниже талии; их черты лица были также прекрасно правильны и выразительны, как и у матери; все же следует признать, что их болезненный цвет лица ни в коем случае не улучшает их облик. Независимо от возраста они были упакованы в плотный кожаный корсет, носимый всеми черкесскими девочками, который, без сомнения, принципиальная причина их нездорового облика» [2, с. 34-35]. Гордые и независимые черкешенки, являвшие совершенный контраст с опасливыми жительницами восточных гаремов, несомненно, произвели сильное впечатление на британского политического агента, который полагал, что женская свобода является одним из очевидных выражений независимого характера местных горских сообществ.

Подводя предварительный итог пространной характеристике внешнего облика дружественных черкесов, Э. Спенсер дает обобщающую оценку реальной роли указанного фактора в комплексном восприятии местного населения. Британский политический агент отмечает, что «красота черт и симметрия фигуры, которыми отмечен этот народ — не фантазия (некоторые из прекраснейших статуй древности не являются в их пропорциях большего совершенства); но это своеобразная степень воодушевления в глазах, столь обычно заметная, приковывает внимание более всего: когда проявляется в мужчинах, это придает большую жестокость выражению лица; когда мы видим поднимающегося на пышущего коня воина, вооруженного и экипированного для битвы, размахивающего своей кривой саблей в воздухе, изгибающегося, поворачивающегося и останавливающегося на полном галопе с непревзойденной ловкостью и грацией движений — он яв-

ляет идею гомеровского Гектора» [2, с. 35-36]. Особое внимание следует обратить на специфическую авторскую аллюзию, связанную с осознанным обращением к героическому эпосу Древней Греции – «Илиаде». Как представляется, длительная борьба мужественных троянцев, естественным олицетворением которых был могучий сын Приама, с многократно превосходящей ахейской армией отчетливо коррелирует с аналогичной многолетней войной черкесских сообществ с Российской империей. В дальнейшем повествовании Э. Спенсер усиливает предложенную характеристику индивидуального и коллективного героизма адыгских мужчин, который достойным образом оценивается даже офицерским составом противостоящей армии. Английский политический агент отмечает, что «закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя воздержание в высокой степени, которая считается здесь добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью. Вот пример их отчаянной доблести: русские офицеры уверяли меня, что черкесский воин никогда не сдается, сражаясь до последнего дыхания, даже с войском врагов, лишь только когда он обессиливает от ран, тогда только он может сдаться на милость победителя и, если место мне позволит, я могу рассказать подробности о героизме и доблести этого народа, возможно, беспримерных в истории любого другого. Даже во время моей короткой остановки в лагере я был свидетелем подвигов, которые не опозорили бы лучшие страницы рыцарского романа» [2, с. 43]. Однако длительное и упорное сопротивление немногочисленных черкесов российским властям стало возможным благодаря не только беспримерному героизму, но и военной хитрости и стратегическому мышлению, в полной мере свойственному адыгским предводителям. Э. Спенсер справедливо отмечает, что «ко всей этой храбости мы можем добавить, что они владеют таким же количеством хитрости, ловкостью, что абсолютно невозможно перехитрить их: враг никогда не может рассчитать их движений, т. к. появляясь как из-под земли, они сейчас находятся в одном месте, затем — в другом, и даже ползут, подобно змее в траве и удивляют часового, дежурящего на воротах крепости; одним словом, каждое дерево, утес и кустарник служит черкесу засадой» [2, с. 43].

В целом, необходимо признать, что предложенная британским политическим агентом взаимосвязанная система индивидуальных и коллективных черкесских образов в значительной степени предполагает последовательное формирование единого представления об адыгских сообществах, как своеобразных островках европейской ментальности, противостоящих «рабовладельческой» и агрессивной России. Однако общая достоверность приводимых деталей снижает излишнюю ангажированность авторского текста, который может рассматриваться как ценный нарративный источник, характеризующий горские сообщества Западного Кавказа в первой половине XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касабова Э.Э. Освещение Кавказской войны в английской прессе и мемуарных источниках 1830-х – 1850-х гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2010. № 3.
2. Эдмонд Спенсер. Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп, 1994.

Кокин Ю.В.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Исторические мифы обладают способностью проникать в сознание больших социальных групп без соответствующего критического анализа и владеют индивидами под влиянием чисто психологических факторов, мешая адекватному восприятию других, даже более обоснованных, мифов. Т.е. миф – организационный феномен культуры, но при этом он может нести как конструктивный, так и деструктивный социальный эффект [11].

Воспроизведение и сохранение переживания исторического прошлого и является главным признаком «жизненности» мифической реальности и, собственно, составляет ее ценность, что «не проходит» [8]. В тоже время данная реальность не защищена от искусственных попыток сформировать систему дестабилизации этнической памяти (крымских татар) и нуждается во взвешенном, системном подходе к процессу современной актуализации исторических мифов.

Вопрос о роли исторического мифа в создании социальной картины мира не было предметом отдельного исследования, однако к мифу как к способу моделирования образа мира и социальной поведения обращались в своих трудах Е. Касирер, К. Хюбнер, К. Леви-Стросс, Р. Барт, К. Юнг, М. Элиаде, Ю. Лотман, В. Топоров, В. Налимов [10].

Наиболее показательно процесс формирования деструктивных социально-исторических мифов происходит и происходит в Крыму, что является своего рода площадкой для апробации форм дестабилизации ситуации в исламском социуме акторами геополитики: Западом, Украиной, Турцией, США и т.д. Данным мифам свойственно жесткое разграничение между крымскими татарами и русскоязычным большинством, представляющим абстрактный образ России как социально-исторического доминатора. Данные мифы формируют определенный ряд символико-смысловой нагрузки, затрагивающей религию, язык, историческую память,

представления о противостоянии между этническими группами, о дискриминации и геноциде.

Основным компонентным символом, на который делают основной упор в рамках процесса социальной дестабилизации обозначенные акторы геополитики, является история, в формате противоположных, конфликтных интерпретаций. В нашем случае это исторические метрики Крымского ханства и борьбы с ним Российской империи, вопрос первичности христианства и ислама на полуострове, мифологема «автохтонного этноса», последствия вхождения Крыма в состав Российской государства, проблема коллаборационизма в 1941–44 гг., трагическая депортация крымских татар. В Крыму национальные СМИ активно участвуют в формировании и ретрансляции исторических мифов в антироссийском контексте, при этом избегая критики обрабатываемых источников. Так, тема депортации, как формы геноцида постоянно находится в фокусе внимания крымскотатарской прессы: «Голос Крыма», «Полуостров», «Авдет», «Къырым», «Янъы Дюнья»; бюллетеня киевского Центра информации и документации крымских татар «Кримськи студії».

Базовой установкой исторических мифов становится комплекс представлений о прошлом основанный на исторической коренизации крымских татар [6]. «Возникновение и становление крымских татар, как нации, их жизнь с жизнью их предков в Крыму, идет в глубь веков и насчитывает более 2000 лет. Таков единственно установившийся научно-достоверный взгляд к вопросу о родине, возникновении и становлении нации крымских татар» [9].

Основываясь на принципе научности, история дает возможность национальным идеологам, их зарубежным партнёрам обосновывать свои смысловые исторические импровизации подобраными историческими фактами, формировать квазинаучный дискурс. Исторические работы подтверждающие этнические идеологии в Крыму, часто имеют статус научных монографий и статей, что дает возможность идеологам утверждать об объективности своих конструктов и обвинять оппонентов в мифотворчестве и эксплуатации стереотипов. Как следствие картины исторического прошлого Крыма, крымского мультикультурного социума, практически не согласуются между собой. Это не являлось бы проблемой, если бы обоснование историческим про-

шлым современных претензий на власть, ресурсы и преимущественное положение, исключительность крымскотатарского социума.

Для современного поколения крымских татар исторический миф о вечном конфликте с Россией связан с мифологемой «Падение Великого ханства», с присутствием религиозного элемента, т.к. «ханство» является также частью турецкого «халифата», объединяющим всех мусульман — умму. Крушение Крымского ханства, период расцвета которого при Девлет-Гирее воспринимается как «звездный час» крымскотатарского народа, также является своего рода нулевой отметкой, с которой начинается современная история крымскотатарского социума, и отношение к событиям, зачеркнувшим старое и давшим начало новому, весьма принципиально для молодого поколения крымских татар. Вместе с тем, в памяти крымскотатарского социума до сих пор весьма актуально то, что часть территорий России входила в состав Крымского ханства (Приазовье и часть Кубани), Россия некогда платила дань крымскому хану, зависела от его внешней политики, а затем вела против него наступательные войны, а, значит, являлась его врагом. Здесь уместно говорить, что исторический миф крымских татар о «вечной вражде» с русскими, Россией, связан с т.н. «травмой национального сознания», связанного с крушением ханства и потерей Дома. Многие крымскотатарские деятели признают, что и поныне, спустя уже много лет, менталитет народа, соседствующего с врагом, остается у части турецкой элиты, поддерживается определенными турецкими политическими кругами и используется в общественном сознании для радикального (исламского) национализма. На сегодняшний день, согласно «теореме Томаса» данные «конфликтные» установки, несмотря на их виртуальность, в публичном дискурсе становятся основой действий, направленных на этническую мобилизацию и жесткий антагонизм по отношению к потенциальным оппонентам, тем более что негативный опыт Абхазии, Нагорного Карабаха, Боснии, Косова, и др. являются актуальными фактами для современности. Распространение данного мифа формирует комплекс взаимных угроз и страхов. В то же время следует признать, что реального конфликта в Крыму в настоящий момент нет. Случавшиеся ранее столкновения на этнической и религиозной почве не приобретали массового характера и являлись результатом провокаций со сто-

роны этнополитических кураторов системы «Курултай-Меджлис». Крымское сообщество в значительной степени ориентировано на поиск компромиссов, поддержание мира [7].

Исторические мифы, опирающиеся на представления о неминуемом конфликте между русскими и крымскими татарами, конструируют и при помощи акцентуации религиозных различий. В значительной степени в этом достигли успехов украинский и крымскотатарский политический и культурно-исторический менеджмент. При этом используют оригинальные приемы продуцирования, активации и распространения исторических мифов и социальных стереотипов в крымском социуме:

1. Эксплуатация максимальной узнаваемости определенных исторических сюжетов, событий или образов - в размере не реализованного прямо, но предусмотренного при декодировании узнавания-додумывания событий и выводов (чаще всего – систематический показ на крымскотатарском национальном телевидении АТР в перерывах «логического» видеоряда судеб крымскотатарского народа с демонстрацией изображения Крымского полуострова, границ Крымского ханства с текстом «Аннексия 1783», «Геноцид 1944», изображение траурного фото Номана Челебиджихана с золотой тамгой и надписью «Борьба». Таким образом из года в год формируется общий антироссийский комплекс мифов, активно распространяемый среди крымских татар.

2. Выстраивание на историко-публицистическом материале, устных преданий вариантов традиционных бинарных оппозиций ("процветание-разруха", "жизнь- гибель" и т.д.) и воплощение мотива борьбы за первичную установку положительного исторического компонента. Так, миф о гибели народа, порожденный реальными событиями сталинской депортации 1944 года, рисует, однако, картину более полного (если можно так выразиться) уничтожения, чем произошло в реальности. Миф о погибели имеет и такую форму, как миф о прекращении жизни в Крыму вместе с уходом его души – крымскотатарского народа. В частности, говорят о том, что вместе с татарами пропала вода. Это также не лишено исторического основания.

3. Использование «конструкторами» мифов в качестве доказательной базы вымышленные источники и непроверенные исторические факты. Так, описывая процесс выселения крымских татар историк-публицист Амет Озенбашлы ссылается на секретную

переписку князя Потемкина и Екатерины II в которой решался вопрос о депортации крымских татар [4]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что такие темы участниками переписки не поднимались. Более того, в знаменитом письме князя Потемкина к графу Каховскому, предписывалось ласковое отношение к подданным вновь присоединенной области, "кои ни языка, ни обычаев России не знали" [2]. Говоря о фактах геноцида национальные деятели крымских татар, часто приводят пример уничтожения населения крымскотатарских деревень на Арабатской стрелке. Миф существует в различных версиях. В версии художника Мамута Чурлу подчеркивается, что, «выслав всех крымских татар в мае 1944 года, власти «забыли несколько отдаленных деревень. Пришлось согнать людей на баржу и баржу затопить вместе с ними». Интервьюируемый украинским исследователем крымско-татарской культуры Ольгой Виноградовой в рамках полевого исследования в 2002 – 2003 годах в Симферопольском и Бахчисарайском районах крымские татары называли разные точки черноморского побережья и разные деревни Крыма, где произошла трагедия [5].

Главный редактор газеты «Кырым» Бекир Мамутов, не обнаруживший никаких исторических документов или свидетельств о факте затопления людей, остававшихся после выселения, говорит, что единственным, хотя и косвенным, подтверждением этого события является отсутствие среди крымских татар людей с Арабатской стрелки. Их никто не видел в местах поселений, в депортации, и их потомков нет сейчас в Крыму.

4. Цитирование вне общего контекста источника. Часто в различных публикациях встречаются вырванные из контекста нескольких цитат из работ А. Берже и Р. А. Фадеева, на основании которых делается вывод о наличии «полномасштабного геноцида» и длительной депортации. В том же аспекте тематика насильственной депортации обыгрывается в работах крымскотатарских публицистов Г. Бекировой, А. Озенбашлы, Айдера Адаманова и др. [1]. Так, А. Озенбашлы цитирует князя Потемкина в письме барону Игельстрому: "Из Бельбека, Качи, Сувashi, Судака. Ускута, Старого Крыма и генерально из гор выступить. Степных никого не выпускать. Мурз кто хочет. - А по данному теперь регистру выезжающих всех в 24 часа выслать" [3]. Тем самым подчеркивая факт депортации крымских татар из Крыма. В тоже

время в данном письме речь шла о переселении из приморских регионов части крымцев в степную часть полуострова где переселенцам выдавали земельные угодья.

В тоже время, политика управляемого центра не должна быть направлена на «затирание» исторической памяти крымско-татарского народа, его культурно-исторической самобытности, поскольку архетип уничтожить невозможно, а его подавление в какой-либо сфере реальности приводит к тому, что он найдет себе выход в иной сфере. Так, например, произошло в Турции, где длительная и насильственная ассимиляционная политика властей не привела к созданию единой нации, а способствовала помимо всего прочего унификации северокавказской диаспоры и ее обособлению [12]. В данном контексте очевидно, что политика, направленная на предупреждение межэтнических конфликтов, должна концентрироваться на усилении контактной функции культурных барьеров, на грани которых формируются новые социально-исторические мифы, которые, в свою очередь, формируют социальное пространство взаимодействия этносов. В этом случае национальный архетип будет способствовать внутреннему развитию этнокультурных сообществ Крыма и Северного Кавказа.

Заключение. На основе проведенного анализа специфики комплексного мифотворчества на примере крымскотатарской проблематики, можно сделать вывод о том, что современные исторические мифы в социальном пространстве Крыма имеют информационно-психологическую направленность. Данная установка актуализирует выработку современной российской наукой инструментария для преодоления негативного влияния обозначенных мифологических генераций на этнополитическую ситуацию на Кавказе и Республики Крым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдер Адаманов. Коренному крымскому народу – национальную государственность. Симферополь: Изд-во Буджакъ., 2007. С.286.
2. Амет Озенбашлы Кырым фаджиасы: [Трагедия Крыма: Изб. Труды на русс. И крымскотат]. – Симферополь: Таврида, 1997. – 256 с.

3. Амет Озенбашлы. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Крым. – 1926. – № 2. – С.145.
4. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. // Сборник ВИМ. СПб., 1893. - Вып.VI. - 378с.; Вып.VII. - 396 с.
5. Виноградова О. Проблемы этнической идентичности и их отражение в современном крымскотатарском мифе. Народна творчість та етнографія. – № 3. – 2008. – С. 26–30.
6. Гульнара Бекирова. Крымскотатарская проблема в СССР (1944-1991). С.: Оджакъ, 2004. - 330 с.
7. Коблева Э.А. Значение мифа в современном социуме // Теория и практика общественного развития. Краснодар. - 2009. - № 1.
8. Образ Іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації: Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ 15-16 грудня 2005 року. – К.: Інститут історії України НАНУ, 2008.
9. Османов Ю.Б. Почему Крым – историческая родина крымскотатарского народа? -М.: Бизнес-Информ. 2012. – С.9.
10. Сіверс В. Національна ідея як особистісний міф // Науковий вісник Українського університету . – Т. IV. – М., 2003. – С.297 – 308.
11. Харченко Л. Міфотворчість як дієвий чинник суспільно-політичного життя // Вісник Львівського університету. Серія філософські науки, 2003. Вип. 5. С. 47-58.
12. Циленко (Иванова) В.В. Унификация в ответ на ассимиляцию: конструирование общности северокавказской диаспоры Турции // Научная мысль Кавказа. 2014. №3 С.75-81.

Статья подготовлена в рамках НИР 30.1577.2014/К (госзадание Минобрнауки России)

Маковская Д. В.
СЭГИ ТНУ им. В.И. Вернадского
г. Севастополь

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Современное геополитическое противостояние зачастую осуществляется с использованием технологий, основы которых были разработаны китайским полководцем Сунь-цзы в V в. до н. э., изложившим базовые принципы достижения победы над врагом. Они получили название стратегии непрямых действий и основываются на возможности «достижения победы над противником не сражаясь с ним» [2, с. 557]. Реализация стратегии непрямых действий, ярко проявившись в ходе осуществления «цветных революций», «арабской весны» и государственного переворота в Украине, предполагает «целенаправленное воздействие, направленное на быстрый развал государственной системы страны-жертвы за счёт формирования внутри враждебного государства кризисных явлений системного характера и создание в рамках её государственной системы точек бифуркации, способствующих углублению кризисных процессов» [4]. Одним из элементов данной стратегии является целенаправленная активизация деятельности «этнических, социальных, религиозных и региональных групп с целью их мобилизации на применение радикальных методов решения существующих в обществе проблем» [4].

Данные технологии, реализуемые, помимо прочих сценариев, через конфликтацию этнополитических отношений, обладают значительным влиянием на геополитические процессы.. Этнополитические процессы могут способствовать развитию геополитических процессов и приводить к развитию геополитического соперничества, причем доминирующими в этом взаимодействии будут процессы геополитические. Этнополитические же обладают опосредованным влиянием, поскольку не всегда приводят к развитию геополитических [11, с. 65-69]. В частности, в полиэтническом государстве некоторые этнические образования стремятся получить статус геополитического субъекта, то есть обла-

дающего таким уровнем государственности, который позволит им получить доминирующее право на использование стратегических ресурсов и выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, в том числе и предъявляя претензии территориального характера. Кроме того, использование конфликтных этнополитических процессов может стать эффективным инструментом в геополитическом противостоянии с целью разрушения стабильности в государстве – объекте внешнего влияния, а дезинтегрированное таким образом и ослабленное вследствие этого государство оказывается неспособным обеспечить собственные геополитические приоритеты, и вынуждено уступать другим акторам геополитики, заботящимся о реализации своих интересов.

Данная проблематика ярко прослеживается на Северном Кавказе, являющемся одним из наиболее конфликтных регионов РФ, что, несомненно, обуславливается рядом объективных причин, в том числе конкурентной борьбой «этнических и политических сил за перераспределение власти и ресурсов: земли, производственных мощностей, источников финансовых поступлений»[10]. Такая борьба находит свое выражение в разнообразных движениях народов Северного Кавказа: за реабилитацию репрессированных народов, повышение статуса народа в иерархии национально-государственных образований, за выход той или иной территории из состава Российской Федерации» [10].

Наиболее конфликтными в данном контексте являются две тенденции, проявляющиеся в конструировании регионалистских и этносепаратистских проектов на Северном Кавказе, где значительную роль играет мифологизация исторической памяти.

В основе регионалистского направления лежит формирование концепта «кавказской цивилизации». Здесь можно выделить следующие моменты, которые представляются наиболее значимыми в данном исследовании.

Во-первых, этот концепт в русле геополитической методологии анализа, является наиболее привлекательным и операциональным с позиции реализации интересов Грузии, претендующей на роль основного регионального игрока в данном регионе. Реализуясь в рамках проекта «кавказская цивилизация», он направлен на формирование государственного объединения на террито-

рии Кавказа, системообразующим центром которого стал бы Тбилиси.

Заметим, что в геополитическом контексте, обосновываемый в рамках кавказской цивилизации или большого Кавказа регион, может являться только «береговой зоной», которая будет выполнять «функции "плацдарма" для экспансии сил «моря» вглубь континента, что автоматически влечет за собой его превращение в управляемый «очаг напряженности» для ослабления и окончательной десуверенизации России» [5].

Во-вторых, данный концепт является продуктом социально-политического, а не строго исторического мифотворчества. В его основу заложены следующие обоснования:

1. Географический фактор, обуславливающий наличие у всех народов данного региона специфических этнопсихологических особенностей, связанных с горным характером и климатическими особенностями данного региона.
2. Сходство сформированных в течение длительного исторического периода особенностей ведения хозяйства.
3. Идентичность родовых и феодальных отношений.
4. Особенности экономического развития, в первую очередь, «жизнь веками в аграрной допромышленной ситуации».
5. Общность духовной культуры.
6. Историческая память [1, с. 22].

Говоря о роли исторической памяти в формировании концепта кавказской цивилизации, можно отметить, что она концентрируется вокруг негативизации роли России в исторической ретроспективе. В основе внедряемых в историческое сознание мифов лежат конструируемые представления:

1. О борьбе кавказских народов против внешней агрессии, где помимо противодействия иранской и турецкой экспансии, акцент делается на общем для всех народов Кавказа «противодействии российской колонизаторской политике» в рамках событий Кавказской войны, которая преподносится как серия «военных операций империи против народов Кавказа», в результате которых «Кавказ окончательно вошел в ее состав» [7, с. 21].
2. О доминирующей роли Грузии в культурном, социальном и экономическом развитии народов Кавказа.

Существует большое количество исследований, ставящих под сомнение или опровергающих жизнеспособность и научность

данных построений. Обобщая их, можно сказать, что ни Кавказ в целом, ни Северный Кавказ нельзя рассматривать в качестве единой цивилизации, поскольку в прошлом «этносы данного региона находились на различных этапах исторического, экономического и культурного развития и зачастую вели обособленный друг от друга образ жизни». Подтверждением тому служат и современные процессы государственной дезинтеграции и geopolитического соперничества в данном регионе [6]. Грузинские исследователи также отмечают, что «представление Кавказа как политической или культурной целостности относится больше к сфере мечты и желания, нежели к исторической или современной реальности [12, с. 63].

Этносепаратистские тенденции наиболее ярко проявляются на территории Северо-Западного Кавказа, реализуясь через эскалацию комплекса проблем, объединяемых под общим названием «черкесский вопрос», центральными компонентами которого являются события и характер Кавказской войны и мухаджирство. На основании конструируемой отдельными историками, политическими деятелями и публицистами концепции Кавказской войны, к РФ предъявляется целый ряд требований, основанных на позиционировании черкесов как жертв имперской политики на Кавказе. В основе данных претензий лежат требования и предпринимаются действия, дестабилизирующие ситуацию в данном регионе и негативно влияющие на этнополитическую безопасность РФ и на ее роль ведущего актора международных отношений в данном регионе. К ним относятся требования восстановления исторической справедливости через возвращение проживающей за рубежом черкесской диаспоры, формирование отдельного субъекта федерации - «Черкесии», в который должны войти «исторические черкесские земли» по состоянию на 2-ю половину XVIII века (территории современных Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Северной Осетии, Ставропольского и Краснодарского краев). Некоторые радикальные представители адыгских националистических кругов требуют от России выплаты всем адыгам обильных компенсаций за имущество, утраченное их предками в ходе Кавказской войны 150-200 лет назад [3].

В основе конструирования исторической памяти, легитимизующей данного рода претензии, лежат комплексы внедряемых исторических мифов, к числу которых можно отнести:

1. Существование в прошлом «черкесской (адыгской) цивилизации» [8].

2. Политическая и культурная гегемония черкесов на Кавказе в XV веке, в рамках которой происходило «добровольное заимствование» культурных достижений черкесов другими народами, обусловленное «престижностью материальной и духовной культуры адыгов» [8].

3. Уничтожение Россией ранней государственности «Черкесии», декларируемое в заявлениях из разряда: «В истории адыгов главным историческим периодом является вековое героическое сопротивление агрессии Российской империи в 1763-1864 гг., закончившееся полным уничтожением адыгской страны – Черкесии» [9]. Однако в реальности «политика Российской империи не могла способствовать уничтожению горской государственности в так называемой «Черкесии», поскольку государственные институты здесь к этому времени еще не сложились» [12].

Именно тезис об утрате черкесской государственности вследствие колониальной политики российской империи, которая, соответственно, «должна быть территориально воссоздана в своих границах» [14.], является базовой основой для формирования этносператизма в данном регионе.

Перечисленные выше концепты, на наш взгляд, обладают наиболее значимой ролью в формировании деструктивных этнонациональных и регионалистских явлений в Кавказском регионе и влияют на процессы установления здесь geopolитического доминирования как международными, так и региональными акторами политики. Очевидной здесь представляется и роль мифологизации исторической памяти населяющих регион народов, способствующая конфликтизации в сфере этнополитических отношений и обуславливающая определенные центробежные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Давидович В. Е. Существует ли кавказская цивилизация?// Научная мысль Кавказа, 2000, №2, с.28-30.

2. Исмаилов Р.А., Дельгядо Ф.И. Непрямые действия в классической китайской стратегии С. 553- 560 // Энциклопедия военного искусства. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: TerraFantastica, 2003. 651 с.

3. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. URL: <http://www.apn.ru/userdata/files/ethno/Ethnodoc-new-full-sm.pdf> (дата обращения: 13.10.2014).
4. Карякин В. Россия как цель реализации стратегий «непрямых действий». URL: <http://www.imperiya.by/politics1-15214.html> (дата обращения: 10.10.2014).
5. Кузнецов А., Сидоренко С. Императивы геополитики и фиктивность "третьего центра". URL: <http://evrazia.info/article/2150> (дата обращения: 19.11.2014).
6. Ляшенко О. В. Социально-политическое мифотворчество в контексте современной российской культуры: автореф. дис..... канд. философ. наук: 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры / Ставрополь, 2003. 20 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/29872/a?#?page=20> (дата обращения: 15.05..2014).
7. Метревели Р. Кавказская цивилизация в контексте глобализации. Стокгольм, Издательский дом CA&CC Press. 2009. 108 с.
8. Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12727> (дата обращения: 19.05.2014).
9. Обращение черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.aheku.net/news/society/3542> (дата обращения: 19.05.2014).
10. Сангибаев А. А.этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе: автореф. дис..... д. полит.наук: 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии / Ставрополь, 2008. 39 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/80220/a?#?page=38> (дата обращения: 05.10.2014).
11. Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России: дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.05 / В.А. Семенов. М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). 302 с.
12. Скибицкая И.М. Завершение Кавказской Войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты : автореф.

дис..... канд. истор. наук: 07.00.02 – Отечественная история / ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет», Краснодар, 2011, 27 с.

13. Чиковани Н. Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии? // Центральная Азия и Кавказ. №5 (41). 2005. с. 52-63.

14. Шмулевич А. Великая Черкессия: провокация и мечта. URL: <http://www.apn.ru/publications/print28417.htm> (дата обращения: 01.05.2014).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Северо-Кавказским научным центром высшей школы
(СКНЦ ВШ) в сети Интернет ведется проект

"История и культура народов Кавказа"

www.kavkaz.sfedu.ru

Портал проекта уже содержит большой объем научной литературы о Кавказе начиная с XVIII века по настоящее время. Приглашаем всех желающих познакомится с размещенными на портале научными материалами.

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ:
ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Сборник материалов Международной научной конференции

Сборник издан в рамках реализации проектной части государственного
задания Министерства образования и науки Российской Федерации
Южному федеральному университету в сфере научной деятельности
№ 30.1577.2014/К

Сдано в набор 29.12.2014. Подписано в печать 30.12.2014.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Печать цифровая. Усл. печ. л. 70,6
Тираж 550 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201